

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ГОРЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ»

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

East Slavic Philology

*Сборник научных трудов
Языкознание
Выпуск 13(39)*

Горловка
2021

УДК 81+801+882+82
ББК Ш81.0+82.0
В76

Редакционная коллегия:

д. филол. н., проф. Кочетова С. А. (гл. редактор), д. филол. н., доц. Александрова И. В., д. филол. н., проф. Борисова Л. М., к. филол. н., доц. Бревнова С. В., д. филол. н., проф. Ворожбитова А. А., д. филол. н., проф. Герасименко И. А., д. филол. н., проф. Денисов В. Д., д. филол. н., проф. Дербенёва Л. В., д. филол. н., проф. Дяговец И. И., д. филол. н., доц. Иванова Н. П., д. филол. н., проф. Калинин В. М., д. филол. н., проф. Кораблёв А. А., д. филол. н., доц. Курьянов С. О., д. филол. н., доц. Любимцева-Наталуха Л. Н., д. филол. н., доц. Соснина Л. В., д. филол. н., проф. Фоменко В. Г., д. филол. н., проф. Петров А. В., д. филол. н., проф. Петрова Л. А., к. филол. н., доц. Волосевич С. П., к. филол. н., доц. Жихарева Н. А., к. филол. н., доц. Фефелова В. В., к. филол. н., доц. Ивахненко М. Н., к. филол. н., доц. Волкова Н. В.

*Рекомендовано к изданию на заседании Учёного совета
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»
(протокол № 6 от 28.12.2021)*

Учредитель: Государственная образовательная организация высшего профессионального образования «Горловский институт иностранных языков» Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ДНР ААА № 000059 от 28.10.2016.

Сборник внесён в рекомендованный ВАК Минобрнауки ДНР перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Приказ № 1134 Минобрнауки ДНР от 01.11.2016).

Основан в 2002 году.

Периодичность: 4 раза в год.

Включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 231-04/2016 от 19.04.2016.

Восточнославянская филология : сб. науч. тр. / ГОУ ВПО В76 «Горловский ин-т иностр. языков» ; Редкол. : С. А. Кочетова и др. – Вып. 13(39). Языкознание. – Горловка : Изд-во ГОУ ВПО «ГИИЯ», 2021. – 232 с.

ISSN 1992-9196

Сборник посвящён исследованию актуальных проблем отечественной и зарубежной филологии.

Для научных работников, специалистов-филологов, докторантов, аспирантов, магистрантов, студентов-филологов, преподавателей языка и литературы образовательных организаций высшего и среднего профессионального образования, учителей филологических дисциплин в школе.

УДК 81+801+882+82
ББК Ш81.0+82.0

ISSN 1992-9196

© Оформление. Изд-во ГОУ ВПО «ГИИЯ», 2021

УДК 659.19

**МЕТОДИКА ЛИТЕРАТУРНОГО ЛИКБЕЗА
ДЛЯ БУДУЩИХ РЕКЛАМИСТОВ**

Материалом для настоящего методического сюжета послужил мой аудиторный опыт в текущем учебном году. Почти половина студентов, поступивших в 2021 г. на направление бакалавриата «Реклама и связи с общественностью» в институт, входящий в один из крупнейших университетов Санкт-Петербурга, заявили о своей нелюбви к чтению и даже ненависти к этой культурной практике. Причем в большинстве случаев причиной нелюбви к чтению стала школьная классика: как выяснилось, многие в детстве читали с удовольствием, до сих пор перечитывают любимые подростковые книги, активно интересуются произведениями авторов из «модного канона», не преподаваемого в школе (Экзюпери, Сэлинджер, Ремарк, Кафка, Набоков, Оруэлл, Брэдли и другие преимущественно иностранные писатели).

Приходится констатировать мощный дискурсивный разлом между племенем современных молодых читателей и книгами Золотого века русской литературы [1]. Приметы этого разлома – и в неспособности физически прочитать длинные тексты (самый устрашающий «лонгрид» здесь, конечно, «Война и мир»), и в неспособности вступить в диалог с классикой. Однако, судя по высказываниям студентов, не сама по себе классика вызывает нелюбовь, а ее неумелое и агрессивное навязывание в качестве образца. Т. е. нужно вести речь не об «устарелости» классической литературы, а о необходимости методического переустройства ее преподавания. Нельзя не замечать дискурсивную пропасть между классикой и молодым читателем.

Если следовать делению читателя на «классы», то, вслед за В. А. Марковой, можно выделить – как его основание – три роли: читатель-собеседник, читатель-последователь и читатель-пользователь [7] и констатировать победу последнего. А потому речь пойдет о том, как ориентировать студентов на профессиональный прагматизм: в современном медиадискурсе русская классика (в ее школьном изводе) – самый мощный источник заголовков, реминисценций и аллюзий. Цитата из классической литературы – знак приобщенности к культуре, надежный способ заручиться поддержкой и пониманием читателя, «тайный код» общего языка. Литературоцентричный в своих истоках, медийный дискурс продолжает сохранять свою

преданность Книге, а заголовки цитатного типа, медиаобразы, рекламные мемы продолжают отсылать к классике («Русский Букер, бессмысленный и беспощадный», «Счастливые килограммов не наблюдают» и т. п.).

Проблема обозначается в конкретной языковой деятельности в аудитории. Так, студентам-первокурсникам, будущим рекламистам, предлагается проинтерпретировать с точки зрения смысла и возможных сфер применения в медиасфере / рекламе / журналистике следующие литературные по своему происхождению концепты (связанные исключительно с обязательной программой средней школы): «маленький человек», «лишний человек», «тургеневская барышня», «бедные люди», «униженные и оскорбленные», «мертвые души», «обыкновенная история», «отцы и дети», «обломовщина», «преступление и наказание», «дубина народной войны», «энциклопедия русской жизни», «держиморда», «что делать», «кто виноват», «кому на Руси жить хорошо», «гоголевская шинель», «луч света в темном царстве», «молчалины», «горе от ума», «пошлость», «горьковский босяк», «окаянные дни».

Некоторые из предложенных концептов сложны для толкования вследствие незнания текстов. Другие понятия зачастую оказываются истолкованными крайне приблизительно или неверно, вплоть до извращения смысла. Так, затруднительно было бы на основе студенческих работ составить собирательный портрет «тургеневской девушки», которая в разных характеристиках предстает одновременно и чувственной, и целомудренной, дурнушкой и красавицей, леди и красной девицей «с косой», статной и похожей на мальчика, дикаркой и смелой, не очень образованной и интеллектуальной, прекрасно одетой и равнодушной к своему внешнему виду. Неудивительно, что на такой основе вырастают самые различные контекстуальные допущения, наглядно демонстрирующие дискурсивный разлом в восприятии базовых культурных концептов. Приблизительное и даже извращенное представление о них свидетельствует как о неактуальности школьного канона для молодых людей, приходящих в сферу рекламы и медиакommunikаций, так и о все больших социокультурных изменениях, затрудняющих понимание классики.

В качестве методологической опоры для преодоления дискурсивного разлома я предлагаю воспользоваться представлениями Д. С. Лихачева о концептосфере национального языка, богатство которой он связывает с богатством ее «литературы, фольклора, науки, изобразительного искусства» и соотносит «со всем историческим опытом нации и религий

особенно» [4, с. 244]. Язык, таким образом, предстает «концентратом культуры – культуры нации и ее воплощения в разных слоях населения вплоть до отдельной личности» [4, с. 251]. В составе русского языка Лихачев выделяет своего рода культурные пласты, которые можно, опираясь на его же терминологию, назвать «целостностями концептосферы». Сюда входят термины, понятия, паремии, цитаты – и в том числе имена собственные, перешедшие в нарицательные. Так, Лихачев пишет: «В русский язык органично вошли и стали его неотъемлемой частью (именами нарицательными) имена многих литературных героев (Митрофанушки, Обломова, Хлестакова и др.) [5, с. 27]. Отмечает ученый и динамичность концептосферы: концепты уходят, и вместе с ними умирают культурные смыслы – и наоборот, появляются новые. (Кстати, новые, прецедентные для молодых носителей языка, имена собственные, ставшие нарицательными, заслуживают отдельного исследования.) Так, по мнению Д. С. Лихачева, слово «Обломов» «в потенции» способно вызвать в нашем сознании «целый мир столичный и деревенской жизни, мир русского характера, сословных и возрастных особенностей и т. д.» [4, с. 246]. Иными словами, «в идеале» одни и те же концепты в силу своей заместительной («подстановочной») природы вызывают в нас одни и те же чувства, мысли, ощущения. Однако этот «идеальный» тип восприятия литературного концепта оказывается все менее достижимым. В скобках замечу, что, по логике ученого, если человек совсем не читал «Обломова» или даже не подозревает о существовании этого романа, то в его сознании не будет высветиваться никакого понятия.

Приведу упражнения, специально разработанные мною для освоения богатства собственных имен в культуре и медиaprостранстве.

Задание 1. Придумать название (с привлечением образов из мира культуры, мифологии, художественной литературы) для следующих заведений: детский развлекательный комплекс, стадион, ресторан, бар, массажный салон, салон красоты, спа-салон, парикмахерская, галерея, магазин продуктов, мебельный магазин, магазин оргтехники, интернет-кафе, магазин трикотажной одежды, автозаправочная станция, салон по обслуживанию автомобилей, фирма по ремонту техники, киоск с табачной продукцией, алкогольная лавка, клиника пластической хирургии, цветочный магазин, издательство детской литературы, издательство детской литературы, журнал для мужчин, журнал для женщин, журнал для детей младшего возраста, журнал для подростков, фитнес-хаус, бассейн.

Задание 2. Дайте определение понятию «вечный образ» и раскройте содержание следующих культурных концептов:

Адам и Ева, Авель и Каин, Иуда, Агасфер, Прометей, Эдип, Орфей, Пигмалион, Тесей и Ариадна, Нарцисс, Елена, Одиссей, Пенелопа и др.

Тристан и Изольда, Беатриче, Гамлет, Дон Кихот, Офелия, Король Лир, Ромео и Джульетта, Манон Леско, Отелло, Макбет, Фауст, Мефистофель, Гретхен, Вертер, Мюнхгаузен, Дон Жуан, Тартюф, Кармен, Квзимодо, Гулливер, «байронический герой», Робинзон Крузо, Франкенштейн, Голем, Холмс, Дориан Грей.

«Лишний человек», «русский скиталец», «тургеневская девушка», «маленький человек», Евгений Онегин, Татьяна Ларина, Хлестаков, Чичиков, Манилов, Плюшкин, Собакевич, Ноздрев, Коробочка, Обломов, «человек в футляре» и др.

Поясню: последнее задание подразумевает выполнение практических заданий – с презентаций или в форме устного рассказа – с опорой на работы отечественных ученых [4; 6; 8].

Разумеется, и в лекционном курсе большое внимание уделяется работе по воссозданию культурного смысла ключевых национальных концептов, в том числе связанных с именами собственными. Реконструировать их предлагается с помощью следующего задания.

Задание 3. Лихачев пишет о существовании множества концептов, возникающих на основе фразеологизмов из «Горя от ума» Грибоедова, басен Крылова, пословиц, поговорок. Приведите примеры концептов, возникших на основе имен собственных из произведений русской классической литературы. Попытайтесь раскрыть их смысл, употребив в каком-либо социокультурном контексте.

Итак, приходится смириться с утратой в современном мире литературоцентричности: словесность больше не дает универсальных ответов на важные вопросы, не отменяемые в жизни каждого человека. Литература на наших глазах превратилась в одну из индивидуальных стратегий бытия – в свободно выбираемое, наряду с другими, средство самоидентификации, в том числе профессиональной. Однако исторически именно общепонятность культурных концептов послужила основой формирования нации и собирания ее земель: как доказывает в своих работах академик Лихачев, язык, наряду с литературой и фольклором, был «важной и действенной силой, сохранявшей единство Русской земли на всем ее огромном пространстве» [3, с. 532]. Культурные концепты, в том числе связанные с именами собственными, продолжают оставаться важной составляющей национальной концептосферы, а также аккумуляторами смыслов

в медиадискурсе. Методическое перевооружение в работе по их реконструкции для современных поколений студентов – насущная задача гуманитарного образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боева Г. Н. Дискурсивный разлом: восприятие студентами-рекламистами литературных концептов / Г. Н. Боева // Новейшая филология: итоги и перспективы исследований: Сб. статей / отв. ред. О. В. Золтнер. – Омск: Изд-во ОГУ, 2019. – С. 365–367.
2. «Вечные» сюжеты и образы в литературе и искусстве русского модернизма / Отв. ред. член-корр. РАН А. Л. Топорков. – М.: «Индрик», 2015. – 416 с.
3. Лихачев Д. С. Заметки о русском. – СПб.: Logos, 1997. – 608 с.
4. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев. Избранные труды по русской и мировой культуре. – СПб.: СПбГУП, 2015. – С. 240–251.
5. Лихачев Д. С. Культура как целостная среда / Д. С. Лихачев // Там же. – С. 21–33.
6. Луков В. А., Луков Вл. А. Вечные образы как константы тезаурусов мировой культуры / В. А. Луков, Вл. А. Луков // Электронный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – 2008. – № 9. – Комплексные исследования: тезаурусный анализ мировой культуры. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/9/Lukovs_Eternal_Images/ (дата обращения: 17.01.2022).
7. Маркова В. А. Модели читательских практик и их трансформация в электронной среде / В. А. Маркова // Научные и технические библиотеки. – 2015. – № 1. – С. 66–80.
8. Назиров Р. Г. Международные литературные сюжеты и типы: словарь-справочник / Р. Г. Назиров. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. – 204 с. – URL: <http://nevmenandr.net/nazirov/types.pdf> (дата обращения: 28.08.2020).

АННОТАЦИЯ

Боева Г. Н. Методика литературного ликбеза для будущих рекламистов

В статье проблематизируется ситуация дискурсивного разлома между языковым сознанием представителей разных поколений, а именно, неспособность студентов интерпретировать культурные смыслы, заложенные в ключевых концептах русской классики. С

опорой на работы Д. С. Лихачева о концептосфере национального языка предлагается методика реконструкции универсального и контекстуального значения концептов, в том числе связанных с именами собственными, перешедшими в нарицательные.

Ключевые слова: собственные имена, нарицательные имена, концепт, концептосфера, дискурсивный разлом, прецедентный текст, Д. С. Лихачев.

SUMMARY

Boeva G. N. Methods of elimination of literary illiteracy for future advertisers

The article problematizes the situation of a discursive rift between the linguistic consciousness of representatives of different generations, namely, the inability of students to interpret the cultural meanings embedded in key concepts of Russian classics. Based on the works of D. S. Likhachev on the conceptosphere of the national language, a methodology is proposed for the reconstruction of the universal and contextual meaning of concepts, including those related to proper names that have passed into common nouns.

Key words: proper names, common nouns, concept, conceptosphere, discursive fault, precedent text, D. S. Likhachev.

*Л. В. Соснина
(г. Горловка, ДНР),
В. Р. Богомолова
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 811.161.1

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ КОМПОЗИТНЫХ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ

Вопросами изучения композитных цветообозначений занимаются многие современные лингвисты. Имя прилагательное в силу своего категориально-грамматического значения, в основе которого лежит идея качества, является одним из самых важных средств номинации цвета.

Под цветообозначением понимаются чаще всего имена прилагательные, которые обозначают определенные и неопределенные цвета. Они функционируют как самостоятельные слова, так и в составе конструкций с обозначением цвета [6, с. 56].

Целью данной статьи является описание ономаσιологических моделей прилагательных – цветообозначения, которые мы относим к бахуврихи.

Обратимся к истории данного вопроса. В.Д. Черняк отмечает, что в исследовании форм вербализации цветовой палитры имеют место как основные цветковые прилагательные (*синий, зеленый, красный*), так и составные прилагательные, демонстрирующие нюансировку цветовой палитры, а также метафорические по своему происхождению (*вишневый, пепельный*) [8, с. 26].

В работах Е.В. Сапиги, М.В. Репиной, С.В. Жуковой отмечено, что цвет в лингвистической науке находит свое выражение в так называемой колоративной лексике, а именно цветообозначениях и цветоименованиях, описывающих оттенки цвета [5, с. 193]. В то же время ученые рассматривают концепт цвета, представляющий собой такую схему восприятия, где у всех объектов окружающего нас мира выделяется характеристика «окрашенности», передаваемая в языке посредством прилагательных цвета [3, с. 34].

Весьма полезной для нас оказалась классификация композитов цветообозначений, предложенная учеными Е.В. Белоглазовой и С.А. Бабиной:

1. Абсолютные, которые подразделяются на две подгруппы (хроматические и ахроматические);
2. Оттеночные.

Для более полного описания цветообозначений как системы были рассмотрены 4 группы колоративных композитов, выделенных Е.А. Косых, где мы относим прилагательные-бахуврихи к двум единицам, а именно:

- 1) монолексемные имена прилагательные, указывающие на конкретный цвет, например, *зеленоглазый, краснолиственный*;
- 2) сложные имена прилагательные, состоящие из нескольких корней, указывающие как на равноправные цвета и их оттенки, так и на интенсивность цвета, например, *пепельно-серый, огненно-красный* [1, с. 140].

Следует отметить, что прилагательные-бахуврихи относятся к классу универбализационных композитов, поскольку имеют тождественное словосочетание определенному сложному слову, например, бахуврихи цветообозначения *белокожий* относится к группе абсолютных композитов. В данном слове ономаσιологический базис формируется на основе семантики главного слова исходного словосочетания, то есть «кожа», а ономаσιологический признак на основе семантики зависимой лексемы цветообозначения «белый», например: *Это был круглолицый и белокожий господин с большими залысинами и редкими светлыми волосами, аккуратно зачесанными на пробор* (Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001; Национальный корпус русского языка; ruscorgpora.ru); *Впервые*

Шуша увидела, как молятся верующие мальчики из старинных родов, из хороших семей, с белой кожей и ранней сединой (Дарья Симонова. Легкие крылышки (2002); Национальный корпус русского языка; ruscorgora.ru).

Актуальность нашего исследования определяется существованием множества научных подходов к изучению прилагательных-цветообозначений и сложностью разграничения структурных разновидностей словообразовательного единства. Полагаем, что главный принцип построения композитных колоративных моделей предусматривает необходимое участие в слове второго компонента с названием цвета.

При рассмотрении колоративного композита *огненно-красный* возникает вопрос, можем ли мы отнести его к группе универбализационных композитов, а именно бахуврихи. Согласно концепции Л.В. Сосниной, в таких сложных прилагательных наблюдается универбализация компонентного типа при опущении служебных единиц исходного словосочетания в процессе его преобразования в композит [6, с. 62]. Следует отметить, что исходное словосочетание композита *огненно-красный* – *красный*, как *огонь* определенно относится к классу бахуврихи. При этом ономасиологическая модель данного композита «*цвет+коррелятив*», поскольку ономасиологический признак «*красный*» относится к группе абсолютных (хроматических) единиц, а ономасиологический базис «*огонь*», согласно классификации Л.В. Вяземской и О.Н. Емельяновой, относится к группе слов, семантика которых напрямую связана с цветом, но они называют такие явления действительности, которые в представлении каждого из нас устойчиво ассоциируются с тем или иным цветом или даже целой гаммой цветовой палитры [2, с. 64].

И.А. Попова, описывая стихию огня в колористике художественных произведений И. Бунина, указывает, что именно цвета обладают насыщенными эмоционально-экспрессивными возможностями, основой которых является символическое значение. Ученый считает, что эффект эмоционального воздействия усиливается при уделении внимания цветам вторичной номинации, поскольку данные цветоименования сохраняют живой образ стихии, где прослеживается психоэмоциональная связь с понятием, предметом, давшим название цвету [4, с. 73].

Вслед за Л.В. Сосниной отмечаем, что в соответствии с ономасиологическим подходом к изучению номинативных единиц «*цвет*» является «ономасиологическим признаком, указывающим на субъективную оценку восприятия цвета предмета или объекта» [7, с. 176].

По результатам нашего исследования предлагаем рассмотреть ономасиологические модели композитов цветообозначения. Напомним, что предметом данной работы являются прилагательные-бахуврихи, составляющие значительный пласт лексики, используемой для описания цветообозначений.

Базовый цвет «белый»

1. Модель «цвет+орган»

Белолицый/с белым лицом: *Если по порядку, то на Курском вокзале совершенно неожиданно для меня нас встречает высокий, белолицый, русский, красивый юноша в каком-то порывшемся (буквально ржавом), старом нелепом пальтишке* (А.А. Тахо-Годи. Жизнь и судьба: Воспоминания (2009); Национальный корпус русского языка; ruscorgora.ru); *Верина мама выскочила с белым лицом и отчего-то рванулась к парку* (Татьяна Кудрявцева. Рассказ о войне// «Бельские просторы», 2013; Национальный корпус русского языка; ruscorgora.ru).

2. Модель «цвет+объект»

Белокаменный/из белого камня: *Белокаменный домонгольский храм в княжеской резиденции близ Галича и, конечно, Почаевская лавра одиноко стоят за византизм в Галиции* (Рустам Рахматуллин. Имя Русь // «Новый Мир», 2009; Национальный корпус русского языка; ruscorgora.ru); *Храм Надежды – маленькое залитое солнцем здание из белого камня – стоял точно между рекой и лесом* (Виктор Пелевин. Любовь к трем цукербринам (2014); Национальный корпус русского языка; ruscorgora.ru).

3. Модель «объект+коррелятив»

Белоснежный / белый как снег: *Для женщин с белоснежной кожей салоны предлагают услугу экспресс-загара* (Отдохни, №27, 01.07.2014); *Белый как снег Ковалев направился к двери* (Александра Маринина. Стечение обстоятельств (1992); Национальный корпус русского языка; ruscorgora.ru).

Базовый цвет «красный»

4. Модель «цвет+объект»

Краснолистный/с красными листьями: *Попутно отмечено, что краснолистный клен и близкая нам береза обычно предпочитают расти на освободившихся опушках* (Лесная мозаика // «Знание-сила», 2003; Национальный корпус русского языка; ruscorgora.ru); *Были и японские деревца, развесистая слива с красными листьями, крупнейших размеров смородина, были и виноград, и миндаль, и пирамидный тополь – все это принималось и росло с удивительной быстротой благодаря любовному глазу Антона Павловича* (О.Л. Книппер-Чехова. О А.П. Чехове (1921-1933); Национальный корпус русского языка; ruscorgora.ru).

5. Модель «колоратив+коррелятив»

Кроваво-красный/красный, как кровь: *Разговорившись за чашечкой чая, мы даже не заметили, что наступил вечер, и солнце стало потихоньку садиться за горизонт, освещая небо кроваво-красным закатом* (kartaslov.ru); *Дедушка и Сергей поочередно макали в соль спелые помидоры, из которых тек по их губам и рукам красный, как кровь, сок, и заедали их сыром и хлебом* (А.И. Куприн. Белый пудель (1903); Национальный корпус русского языка; ruscorgora.ru).

6. Модель «цвет+статус»

Краснознаменный/из красного знамени: *Но не так давно выяснилось, что для подлинной своей Родины я – косматый краснознаменный варвар, я – незаконнорождённый, но любил-то ее, как родную!* (Александр Терехов. Коммуналка (1995-2005); Национальный корпус русского языка; ruscorgora.ru); *У двери, в которую я вошел, стояли два солдата в штанах, сшитых из красного знамени Свободы* (Максим Горький. Мои интервью (1906); Национальный корпус русского языка; ruscorgora.ru).

7. Модель «цвет+орган»

Краснощекий / с красными щеками: *Парень открыл дверь, и из машины вышел тот самый краснощекий депутат, у которого Тамара была на приеме* (Александра Попова. Ангел на простыне // «Волга», 2015; Национальный корпус русского языка; ruscorgora.ru); *Марина с красными щеками держала свою чашку возле лица и поглядывала на меня из-за ее края* (Андрей Геласимов. Год обмана (2003); Национальный корпус русского языка; ruscorgora.ru);

Базовый цвет «черный»**8. Модель «цвет+состояние»**

Чернодушный /с черной душой: *Чернодушная – какое емкое определение! Вот только Арина сомневалась, что у Хелены вообще есть душа* (booksonline.com.ua); *Не секрет, что за приятной внешностью и дружелюбием часто скрывается человек, мысли которого далеки от позитива и он оказывается личностью с черной душой* (5elementum.ru).

9. Модель «орган+цвет»

Чернобровый /с черными бровями: *Маменькина дочка Марфушка, чернобровая и со свекольным румянцем во всю щеку, поразила воображение кинозрителей* (ВИВА-Биография, №11(77), 2013 г.); *К судьям выходит Инна Шевченко, загорелая блондинка с черными бровями* (События недели, №29(163), 15.07.14 г.).

10. Модель «объект+квалитатив»

Черноплодный / с черными плодами: *Зимостойким и карликовым подвоем для груши является кизильник черноплодный*

(Александр Рудиковский. Способы повышения зимостойкости плодовых // «Восточно-Сибирская правда» (Иркутск), 2003.06.07; Национальный корпус русского языка; ruscorgora.ru); *На вырубках и пустошах прибрежной зоны особенно разрослись различные ежевики (с ботанической точки зрения – это малина, только с чёрными плодами); в основном два вида: ежевика кавказская — более мощная, с крупными зелёными листьями и крупными плодами, и ежевика беловатая – с сероватыми листьями и более мелкими плодами* (Ю. Н. Карпун. Природа района Сочи (1997); Национальный корпус русского языка; ruscorgora.ru).

Описывая различные научные подходы к рассмотрению колоративных прилагательных, отмечаем сложность и вместе с тем перспективность данного направления современной лингвистики. Бахуврихи-колоративы являются весьма многочисленными и продуктивными лексическими средствами вербализации цвета. Таким образом, мы выделяем 10 ономаσιологических моделей колоративных композитов, таких как *орган+цвет, цвет+объект, цвет+состояние, объект+квалитатив, колоратив+коррелятив*, включающих базовые цвета *белый, красный, черный* в качестве структурного компонента. Значительную часть нашей картотеки составляют колоративные квазикомпозиты, например, *черно-пегий, черно-серебристый, черно-бурый, иссиня-черный*, а также единицы деривационного композитостроения *черноморский, чернокишечный*. Полагаем, что дифференциация и рассмотрение различных классов колоративных композитов требует дальнейшей доработки с целью определения новых ономаσιологических и структурных моделей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоглазова Е.В., Бабина С.А. Градуальная функция сложных имен прилагательных цветообозначения в русском языке (на примере произведения В.В. Крестовского «Петербургские трущобы») / Известия ВГПУ. Филологические науки. Языкознание. – Саранск. – 2020. – С. 140-144.
2. Емельянова О.Н., Вяземская Л.В. Цветовая и световая лексика в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» / Языкознание/ Общее языкознание. Сибирский федеральный университет. – Красноярск, 1998. – С. 64-75.
3. Комарова З.И., Талапина М.Б. Лингвоцветовая картина мира: ахроматический фрагмент: монография / З.И. Комарова, М.Б. Талапина. – Екатеринбург: Изд-во Уральского федерального ун-та им. Б.Н. Ельцина, 2011. – 220 с.
4. Попова И.А. Стихия огня в колористике прозы И.Бунина / Вестник РУДН, серия Лингвистика. – 2010. – №2. – С. 73-81.

5. Сапига Е.В., Репина М.В., Жукова С.В. Цветообозначения в современной лингвистике: семантический и семиотический аспекты // Историческая и социально-образовательная мысль. – Т.8. – Ч.2. – №2. – Краснодар, 2016. – С. 192-195.
6. Соснина Л.В. Структурные разновидности композитных цветообозначений / Вестник РУДН, серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания. №2. – 2015. – С. 56-64.
7. Соснина Л.В. Адъективные композиты русского языка: структурный и ономаσιологический аспекты: дисс. ... д-ра филол. наук / Л.В. Соснина. – Донецк, 2017. – 429 с.
8. Червяк В.Д. Цветовая палитра рассказов Ю.Казакова: лексическое воплощение / В.Д. Червяк, Хо Канин // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – Вып. 184. – 2017. – С. 26-30.
9. Шарипова В.М. Скрытая предикативность атрибутивных структур / Вестник Башкирского университета, раздел Филологии и искусствоведения. – Т.12. – №4. – 2007. – С.110-111.

АННОТАЦИЯ

Соснина Л. В., Богомолова В. Р. Ономаσιологический подход к изучению композитных цветообозначений

Данная статья посвящена анализу имеющихся научных подходов к изучению композитных цветообозначений в русском языке. Основываясь на современных концепциях по данной проблеме, следует отметить, что сложные прилагательные цветообозначения в плане выражения носят дифференцированный характер. Опираясь на наше исследование, мы описываем ономаσιологические модели колоративных бахуврихи, относящиеся к группе универбализационных композитов. По результатам анализа выявлены наиболее продуктивные ономаσιологические модели колоративных композитов, которые мы относим к бахуврихи.

Ключевые слова: бахуврихи, цветообозначения, универбализационные композиты, ономаσιологический базис, ономаσιологический признак, тождественное словосочетание, хроматические и ахроматические композиты.

SUMMARY

Sosnina L. V., Bogomolova V. R. Onomasiological approach to colour composites studying

This article is devoted to the analysis of having scientific approaches of learning colour composites in the Russian language. From the perspective of modern conceptions of this problem, we should admit

that compound colour adjectives, in their forms, has differentiated character. Relying on our research, we describe onomasiological models of colour bahuvrihi, related to univerbalizing composites. Based on the research findings, we identified the most productive onomasiological models of colour composites that were referred to bahuvrihi.

Key words: bahuvrihi, colour naming, univerbalizing composites, onomasiological basis, onomasiological characteristic, identical word-combination, chromatic and achromatic composites.

*В. К. Харченко
(г. Белгород, РФ)*

УДК 811.161. 1

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ В СОВРЕМЕННОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

В кругу имен собственных особое место занимают наименования лица (антропонимы). Мы исследовали русскую разговорную речь на протяжении многих лет, причем более прицельно в 2012-2015 годах, что обусловило выпуск пятитомной Антологии разговорной речи [5]. На основе классификации собранного материала по 58 параметрам (антонимы, градация, жаргонизмы, метафоры и т.д.) была получена возможность в параллель выделенным классам пронаблюдать и над антропонимами в современной разговорной речи и, привлекая теперь еще и новый материал, выделить аспекты их изучения, установить, какие изменения наблюдаются сейчас в антропонимах.

Первую группу составляют имена людей, знакомых, полужнакомых и близких людей, родственников. Рассмотрим, какие изменения произошли в этом аспекте на протяжении последних десятилетий. Во-первых, это закрепившееся резкое сокращение именника, отчасти связанное с резким падением рождаемости. В монографии исследованы такие соотношения, как редкое имя при привычном отчестве (*Адольф Дмитриевич, Свирид Иванович, Драсида Михайловна, Милитина Александровна*), привычное имя при редком отчестве (*Виктор Евтропьевич, Григорий Нефедович, Анна Анисьевна, Мария Ксенофоновна*) и редкое имя и редкое отчество (*Герасим Емельянович, Стефан Логвинович, Федотья Устиновна, Христина Илларионовна*) [6, с. 21-22]. Обращает на себя внимание звуковое богатство именника, впоследствии утраченное [6, с. 23]. Во-вторых, это проявляющееся «исчезновение» имени в семейном общении во время периодов

охлаждения отношений, о чем можно прочесть в рассказе Валентины Соловьевой «У всех дети как дети» (*Ты почему форму не повесила? Сколько раз тебе повторять?*). В-третьих, имеет место и противоположная тенденция: обращение по имени как своего рода признание в любви, награда: [Секретарь лет 28 по телефону работнику канцелярии:] **Машиа?** Здравствуй, моя девочка! У меня нет приказа... (03.04.2012). В семейной речи наблюдается звательная форма именительного падежа и ласковое транслирование имени собственного в официальной ситуации [Девушка лет 22 по сотовому:] **Аллё! Тётъ Марин! Здрасьте! Это Дашиа. Денис по билетам экзамен сдал, сейчас по вождению будет сдавать...** (26.07.2012). [Женщина лет 55, подавая паспорт проводнику, шутливо представляется:] **Галиночка Лаврентьевна!** (19.11.2014). Другие примеры: [Грузный мужчина, торгующий конфетами на рынке, соседке по прилавку:] **Тамарыч! Разменяй, пожалуйста!** (2004). [Молодой человек прощается по мобильнику:] **Ладно, Палыч, добро! Хорошо...** (26 марта 2006). Так, мы были свидетелями семейного общения молодых супругов в поезде, когда жена, по национальности эмоциональная, яркая украинка демонстрировала недовольство: *Куда деваётся? – Девается – куда ложишь! Ты ведешь себя, как сын миллионера!* Но когда ночью у женщины поднялось давление, зазвучало: **Борисик!...Борися!** (27.06.2005).

Изменения коснулись и гипокористических имен. Вместо традиционных обозначений *Ирочка, Ниночка, Димочка, Оксаночка* употребляются, и нередко, такие имена, как *Ирчик, Оксаник, Димон, Вован*. [Доцент 55 л. о знакомой с молодости сотруднице Зое:] *Я говорю: «Зойчик! Я вспоминаю – мне тебя так жалко становится! Старость – это кошмар! Надо ни на что не обращать внимания! Это сложно, но я пытаюсь это! Когда люди мне начинают плакаться, я – почти не слушаю! Где ты раньше был? Я пытаюсь не вникать. Вы поругались – а я ночь не сплю!»* (08.09.2012). [Женщина лет 40 в маршрутке по сотовому:] *Да, **Валюшечкин!** Привет! Нет, я поехала опять в стоматполиклинику. Я сегодня в ночь* (23.09.2012). [Дочери:] *Аллё, **Лялюнь!** Я сейчас разговариваю! Ладненько!* (25.10.2013). [Секретарь проректора Ларисе, сотруднице отдела грантов:] *Давай, **Лорик**, с этим разберёмся* (20.06.2014). [Замдекана лет 36 по телефону лаборантке 35 л.:] *Аллё! **Людочек!** Пришлите, какие показатели я должна дать!* (29.12.2014). [Прохожий лет 30:] ***Димон**, как подняли зарплату, ты помнишь? Семьдесят рублей...* (13.05.2012). Фиксировалось это явление и раньше. [Молодая девушка по мобильнику:] **Ольчик**, ты в офисе? (09.2005). [По мобильнику женщина лет 30, под Туапсе:] **Женя!**

Женёк! (11.09.2005). [Музыкальный работник детского сада, с. Двучное Валуйский район Белгородской области:] *Родители приводят детей в сад и мы слышим: **Ольгусик! Надюльчик!*** (29.03.2006).

В художественной литературе немало свидетельств творческого отношения к имени собеседника. – **Лю!** – **Света** догнала [Людмилу] **Архипову**. – *Подожди! Ты меня извини... У меня с Настей так плохо... Делаешь добро, а выходит...* – *Я смотрю, ты в процессе делания добра совсем озверела!* (Н. Горланова, В. Букур. Роман воспитания). Разговор сестер включает творческое отношение к имени: **Гелико-сан**, что ты не спишь? – *Не сплю и не сплю, – неласково отзывается Геля. – У нас что-то случилось, нет?* – *быстро спрашивает Тая. – Случилось. Случай. Луч случайный. – А почему звезды мигают?* – *Надо уроки учить, тогда будешь знать, почему. – Я учу. **Гелечка-сан**, этого мы еще не проходили* (И. Полянская. Предлагаемые обстоятельства). Следующий отрывок из повести А. Слаповского еще более выразительный. В положенный срок Ольга Владимировна почувствовала, что беременна. / Они были счастливы. Они часами гуляли, называя будущего сына **Алешей, Алешечкой, Лешечкой, Лешунчиком, Шунчиком, Чунчиком, Лексиком, Алексиком, Ляльсиком, Алексюшечкой, Аленьким Цветочком, Лешечкой-Лепешечкой, Лешечкой-Крошечкой, Лукошечкой, Хорошечкой, Люсюсюнчиком, ЛеоЛесей, Лешмандиком, Алле-Селе, Леш-Клеш**, а также – **Лесик-Куrolесик, Лестик, Люстик, Листик, Чистик, Стиг-Прыг, Стишок, Лесиокус-Фокус, Шок-Фок, Люлек-Бегунок, Люлюшка, Лестик, Люстик, Листик, Чистик, Стриг-Прыг...** / Родилась девочка. / Они не огорчились. Они приняли это как разумные люди. Но слишком долго они возились с именем и не в силах были отказаться от него, поэтому и назвали девочку необычным именем – **Алексина**. Есть же Александра, почему не быть **Алексине**? [3, с. 317-318].

К группе личных имен примыкают, как видим, и прозвища, как позитивные, так и негативные: [Отец лет 30 сыну, поправляющему на дороге ботинки:] *Отойди, **Заяц!*** (29.04.2012). [Реализатор доставщику товаров о блузах:] *Та – с дыркой, та – с дыркой, та – с краской (показывает)! Эрик, глянь! **Солнце**, глянь! Я тебе покажу* (01.05.2012). [На детской площадке папа лет 30 дочке лет пяти:] *Пойдём, **Котёнок**, надо купаться и спать ложиться. Завтра рано...* (28.05.2012). [На лестнице одна из студенток однокурснице:] *Это на третьем [этаже]? **Сусанин**, веди, куда положено!* (2003). [Студент студенту в коридоре университета:] *Слышишь, **Смешной**, ты когда уезжаешь?* (18.11.2005). [Дежурный старшеклассник лет 15 здоровается,

протягивает руку:] *Лысый, я тоже тут!* (03.04.2012). [Прохожая лет 50 весело женщине 65 л.:] *Почему юбки не носите, Чучело?* (05.04.2015).

Второе направление в исследовании имен собственных в разговорной речи составляют прецедентные имена, использующие для характеристики ситуации и участников ситуации. Отражаются такие обозначения лиц и в семейных родословных. *Змей Горыныч!* – воздев руки к потолку, высказалась интеллигентная женщина 76-ти лет в адрес соседа, по выходным изводившего всех нескончаемой дрелью. *Черт Поленьч,* – бранилась героиня одной из родословных. Приведем оценку со стороны зарубежных авторов. Ирина Ракуза, швейцарская писательница, пишет: «И все же никто не обладает таким поэтическим багажом, как мои русские друзья. Он знает сотни стихов наизусть, в этом их не превзойти. Для выживания – как это было в шестидесятые годы – стихи больше не служат, времена, когда в кухнях вполголоса читались запрещенные Цветаева, Мандельштам и другие, уже в прошлом. И с таксистами о поэзии не поговоришь. Все можно купить, да и интернет даст ответ на любые вопросы. Словом, к поэзии обращается – и осваивает ее – лишь тот, кто испытывает к ней истинный интерес. Но ценители есть, я знаю многих. Стихи цитируют даже экскурсоводы на петербургских прогулочных катерах. Хорошая литература обостряет восприятие, делает его тоньше, сложнее. А политический дискурс – с точностью наоборот. Здесь самый эффективный метод – упрощение. Куда это может завести – мы хорошо знаем» [1, с. 185]. Первоначально мы полагали, что в живом диалоге упоминания, в частности, о литературных героях уходят в прошлое. В своё время об этом феномене писал Г.Г. Хазагеров [4, с. 132-145]. Однако впоследствии оказалось, что не только литературные герои, но и политические деятели, киногерои, писатели, философы активно участвуют в экспрессивной палитре живой разговорной речи: *Тэтчер, Обама, Гоголь, Демьян Бедный, Конфуций, Штирлиц*. Некоторые при этом фиксируются не единожды: *Плюшкин, Сталин, мать Тереза*. И здесь наблюдаются следующие параллели: персонификация и комплимент (*Леся Украинка!*); обобщающие образы (*Мотыки, Шурики*); персонификация с отрицанием (*Я не Рокфеллер!*). [Доцент литературовед 48 л. профессору 60 л. в вышитой блузе украинского образца:] *Леся Украинка!* (30.10.2013). [Музыковед 55 л. знакомой:] *Меня от одного этого слова («гороно») трясёт. Как вспомню: там сидят такие Мотыкиодноклеточные...* (03.04.2012). [Мужчина лет 47 о сыне знакомому:] *Я не Рокфеллер! И то! Кататься он будет сильно или нет? Я ему обещал велосипед...* (19.07.2012). [Мужчины на пляже. Лет 50 и 65:] *А это что у тебя? – А это дробь (в спине). В детстве баловались. Пятьдесят лет (сидит). – Удивительно,*

что я не обращал внимания! Не Штирлиц я! Не наблюдательный! (19.08.2012). Кстати, в последнее время происходят изменения в отрицающих конструкциях буквально на противоположные смыслы. *«Я не Марат Казей!»* – так отвечают ребята на любое предложение старшего, по наблюдениям священника из Белоруссии Саввы (Мажуко). Марат Казей – один из пионеров героев, он помогал партизанам, и за это был расстрелян. «Мы воспитываем людей, которые не способны к действию» – печальные слова священника, сказанные в этой передаче (ТВ, канал «Спас», 18 января 2019 г.). Итак, прецедентные имена, заметим, встречаются в разговорной речи причем преимущественно у людей старшего возраста, и здесь на первом месте стоит Гоголь с его мертвыми душами. [Профессор-филолог, 71 г.:] *А муж как Плюшкин, любую палку подберёт! А я бы всё вычистила, убрала. И сидела бы в чистоте, как королева!* (04.05.2012). [Врач 71 г. о квартире умершего брата:] *Коробок понатаскал, понаскадывал туда всякую... У него полно всяких... всяких придамбасов. Он как Коробочка! Я говорю: что ты тут склад сделал? – У меня всё уложено, я знаю, где мне что искать. – Святое дело! Я даже молоток нашла. В столе под телевизором. – Инструменты у него хорошие!* (27.08.2012). Важное место занимают также исторические персонажи Сталин, Гитлер. [Библиотекарь, женщина лет 58:] *На истфаке уже камеры установили в аудиториях. Сталин отдыхает!* (19.09.2012). [Учительница-словесник 56 л. знакомой о директоре:] *Она, как Гитлер, решила действовать на несколько фронтов. Срезала часы четверым, а мы написали заявления!* (14.02.2015). Другие имена собственные также занимают не последнее место. [Доцент 53 лет о поездке в Сан-Марино, демонстрируя фотографию, как художник рисовал портрет колоритного итальянца:] *А это я сфотографировала ради фактуры. Смотрите, какой мужик! Мефистофель!* (06.09.2012). [В магазине мужчина лет 40 знакомому продавцу:] *Татьяна?! Как Онегин? Молодец!* (20.12.2012). [Разговор о платке зам. декана, женщине 54 г.:] *Какой интересный вырез! – Г. увидела, говорит: Шахерезада!* (13.05.13). [Профессор 59 л. о муже-лидере:] *Он привык! Он царь-король, а я где-то сзади Гульчехра...* (05.07.2013). Повторим: здесь обращает на себя внимание возрастной расклад, а именно: предпочтение отдано людям старшего возраста: 50-60 лет. Есть ли такое цитирование среди молодых людей – остается под вопросом. Не исключено, что Г.Г. Хазагеров был глубоко прав в своем предположении о некоторой утрате культуры цитирования первоисточников [4, с. 132-145].

В статье Алексея Семкина ставится вопрос, почему почетное место Зои Космодемьянской в последнее время стало заменяться гламурными фигурами? «Вклад обеих девушек (Зои

Космодемьянской и Лизы Чайкиной) в дело победы ничтожен – это случай чистой жертвенности, высочайшей и чистейшей в силу отсутствия какой-то практической пользы. Это мотив гибели, бессмысленной в практическом отношении, но важной для создания из судьбы человеческой высокого символа. <...> Остановимся и мы в смущении перед этим окончательным и беспощадным выбором – между героиней-фанатичкой и безмозглой телкой (или, как говорят сегодня, “Гламурной кисой”?)» [2, с. 165-182]. Изменения приоритетов в стране обусловили такой поворот. Мы же наблюдаем изменения в языке, но хорошо известно, что язык «есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое, историческое живое целое» [7, с. 14]. Так что прецедентные имена могут служить сигналом к переориентации молодежи, тем более что нужда в такой переориентации остро просматривается.

И есть третье направление исследований: имя собственное во внутренней речи человека как средоточие идеального отношения к людям, как знак желательного, оптимального образца поведения. Здесь мы касаемся телеологической, пассионарной лингвистики, когда ориентация на имя, а с ним и на судьбу человека ли или героя текста может оказаться значимым фактором поддержки и развития личности. Это справедливо, однако исследовать этот аспект чрезвычайно трудно. Он обнаруживается в личных вещах людей, великих людей, скажем так: в записных книжках, дневниках, воспоминаниях. Это не всегда современная речь, однако, скажем так, что это важная часть речи в понимании значимости имени собственного. Для М.Ю. Лермонтова, для А.В. Кольцова кумиром был А.С. Пушкин. Для П.И. Чайковского таким человеком был Моцарт. Для Стаса Намина, музыканта и продюсера, как музыкант сам признался в телепередаче, кумиром был Эрнст Неизвестный (ТВ, «Культура», 14 ноября 2021 г.). Не каждый человек назовет своего кумира, да и эти кумиры меняются со временем и возрастом. Наличие кумира, эффект подражания весьма способствуют установке: «Стать другим, чтобы остаться тем же». В связи с возможностью учебы у близкого человека отметим, что воздействие примера всегда было весьма серьезным посылом. Когда спрашивают, почему в Америке много нобелевских лауреатов, то в ответ слышат: нобелевского лауреата может воспитать нобелевский лауреат. Будущих математиков на первом курсе американского университета поощряют читать биографии известных ученых. У нас же книги серии ЖЗЛ пока ещё у молодёжи не в чести. Обратим внимание на заметку, опубликованную в журнале «Знание – сила». Сто лет тому назад:

Япония самая книжная страна в мире. Всё книжное производство в мире исчисляется в 150000 книг в год, а на долю Японии из них приходится 27%. Книжные знания помогли Японии на перспективу, как помогли и нам сорок-пятьдесят лет назад. Третье направление... Приходится обращаться к себе или к самым близким людям за примерами. На долгое время кумиром для меня был маленький лорд Фаунтлерой из одноименной книги Френсис Бернетт. Помню: в письмах я называла маму «дорогая», «моя дорогая» в подражании маленькому лорду. В зрелом возрасте моим кумиром стала Беатриса из книги «Сними обувь твою» Э.Л. Войнич. Действовали принципы этой женщины: «Честные люди платят свои долги, не уваливая и не хныча», «Жизнь не спрашивает нас, в какой грязи нам приятнее было бы вымазаться», «Она умела молчать». Мы могли бы сейчас найти более точные цитаты, но не делаем этого, потому что в сознании остались вот эти слова. Важно, что образ соотносился с яркими фразами, и чем дальше, тем прочнее было такое соотношение. Помнится, в момент работы над докторской диссертацией кумиром стал А.И. Солженицын. Вчитывалась я в пословицы «Пришла беда – не брезгуй и ею» и в признание, что именно в этот момент трудно работать, надо бы отложить (на каменной кладке, в бараке, после двух смен в школе), и что было бы, «если бы я отложил свое дело»? И такое «вчитывание» помогало преодолевать лень, слабость, невзгоды, всегда караулившие на пути. Позднее моим кумиром стал В.И. Даль, поскольку собирание больших, объемных словарей (словаря детской речи, антологии разговорной речи, словаря семейных родословных, словаря цвета в полной версии) требовало неустанной ориентации на великих предшественников. Мы пишем об этом потому, что этот аспект нужно начинать исследовать, поскольку имя собственное как олицетворение человека работает и после смерти своего носителя, становясь недостижимым, но таким желанным образцом, кумиром поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ракуза Ирина. Петербург, Бродский – и литература как эликсир жизни. Пер. с нем. // Иностранная литература. – 2015. – № 12. – С. 183–187.
2. Семкин Алексей. «И девушка наша проходит в шинели...» Еще раз об особенностях национального героизма / Алексей Семкин. – Нева. – 2015. – № 5. – С. 165–182.
3. Слаповский Алексей. Первое второе пришествие. Анкета. Я – не я. / Алексей Слаповский. – М.: Грантъ, 1999.
4. Хазагеров Г.Г. Персоносфера русской культуры / Г.Г. Хазагеров. – Новый мир. – 2002. – № 1. – С. 132–145.

5. Харченко В.К. Антология устной разговорной речи. Некоторые аспекты теории: В пяти томах / В.К. Харченко. – М.: ЛЕНАНД, 2016.
6. Харченко В.К., Черникова Е.М. Лингвогенеалогия: имя собственное в жанре семейных родословных / В.К. Харченко, Е.М. Черникова. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 192 с.
7. Ушинский К.Д. Родное слово: книга для детей и родителей / К.Д. Ушинский. – Новосибирск: Мангазея: Дет. лит. Сиб. отд., 1999. – 447 с.

АННОТАЦИЯ

Харченко В. К. Имя собственное в современной разговорной речи

Рассматриваются три направления изучения имен собственных (антропонимов) в современной речи: наименования лиц в обычном разговоре, прецедентные имена в разговорном дискурсе и наименования лиц, служащих ориентирами в поведении. Последний аспект наименее изучен, так как он обращен к внутренней речи человека и часто скрыт от окружающих. Автор отмечает недостаточное владение цитацией, именами, скрывающимися в художественных текстах, и отсюда проблемы, связанные с пассионарной лингвистикой.

Ключевые слова: антропонимикон, гипокористические имена, прецедентные тексты, подражание образцам поведения.

SUMMARY

Kharchenko V. K. Proper name in modern colloquial speech

Three directions of studying proper names (anthroponyms) in modern speech are considered: names of persons in ordinary conversation, precedent names in colloquial discourse and names of persons serving as guidelines in behaviour. The last aspect is the least studied, since it is addressed to the inner speech of a person and is often hidden from others. The author notes the lack of knowledge of citation, names hidden in literary texts, and hence the problems associated with passionary linguistics.

Key words: proper name, anthroponymicon, hypocoristic names, precedent texts, imitation of patterns of behaviour.

REFERENCES

1. Rakuza Irina. Petersburg, Brodsky – and literature as an elixir of life. Per. with him. // Foreign Literature, 2015, №. 12. – P. 183–187.
2. Semkin Alexey. «And our girl passes in an overcoat...» Once again about the features of national heroism / Alexei Semkin – Neva. – 2015. – №. 5. – P. 165–182.

3. Slapovsky Alexey. First Second Coming. Questionnaire. I'm not myself. / Alexey Slapovsky. – М.: «Grant», 1999.
4. Khazagerov G.G. Personosphere of Russian culture / G.G. Khazagerov. – New World, 2002. – № 1. – P. 132–145.
5. Kharchenko V.K. Anthology of oral colloquial speech. Some aspects of the theory: In five volumes / V.K. Kharchenko. – М.: ЛЕНАНД, 2016.
6. Kharchenko V.K., Chernikova E.M. Linguistic genealogy: a proper name in the genre of family pedigrees / V.K. Kharchenko, E.M. Chernikov. – М.: Book house «LIBROKOM», 2010. – 192 p.
7. Ushinsky K.D. Native word: a book for children and parents / K.D. Ushinsky. – Novosibirsk: Mangazeya: Det. lit. Sib. otd., 1999. – 447 p.

*Л. Р. Данакари
(г. Волгоград, РФ),
О. В. Шкуран
(г. Луганск, ЛНР),
С. И. Ивентьев
(г. Казань, РФ)*

УДК 1, 014.12., 17.02

ПСЕВДОНИМ КАК ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЙ И ИНФОРМАЦИОННЫЙ ФЕНОМЕН

Предмет исследования. Концепт «псевдоним».

Цель исследования. Исследовать и раскрыть духовно-нравственную и информационную сторону концепта «псевдоним».

Методы исследования. Теоретические методы логического, сравнительного анализа и аналогии.

Обсуждение рассматриваемой темы.

Любое имя включает в себя определённую информацию, которая может содержать как положительный, так и отрицательный аспект [3, с. 233].

Человек, давая имя любому предмету или живому существу, создаёт и творит, тем самым реализует своё право на творчество и сотворчество (четвёртое и пятое поколения прав человека) [3, с. 153].

Имя, данное человеку, несёт определённую информацию о нём [3, с. 252].

К имени можно отнести псевдоним (греч. ψευδής – ложный, όνομα – имя), под которым понимается «вымышленное имя,

используемое человеком в публичной деятельности вместо настоящего (данного при рождении, зафиксированного в официальных документах); вид антропонима» [18].

Можно с уверенностью говорить о том, что псевдоним – это фактически дополнительное имя.

Часто в основу псевдонима берут прозвища (клички) человека [15, с. 3117-3121].

Псевдоним рассматривается как результат самоидентификации личности, а также как текст биографии человека [11, с. 36].

Псевдоним – это всегда определённый, хоть и вымышленный, образ.

Псевдонимы подразделяют на положительные и отрицательные.

Согласно толковому словарю С.И. Ожегова понятие «образ» в философии означает идеальную форму отражения предметов, а в искусстве это художественное отражение действительности. Там же понятие «образ» сводится к облику и виду (например, потерять человеческий облик) [20].

В Новом энциклопедическом словаре изобразительного искусства «образ» обозначает вид, форму или изображение. Например, придать форму чему-либо [9].

В психологии «образ – форма отражения объекта, явления в сознании, субъективная картина мира или его фрагментов, включаемого самого субъекта, строящаяся в соответствии с пространственно-временным и причинно-следственными закономерностями и зависящая от системы значений, которыми оперирует субъект. На чувственной ступени познания основой возникновения образа являются ощущение, восприятие, представление; на уровне логического мышления – понятие, суждение, умозаключение. Возникающий в сознании образ зависит от всех психических явлений – воли, эмоций, установок, мотивов и т.д. Образное мышление – вид мышления, связанный с оперированием образами и сочетающийся в себе чувственные и логические компоненты. Образное мышление нередко бывает связано с интуицией, с воображением» [5, с. 88].

Образ относится к информации и одному из способов передачи информации [3, с. 237]. Он отражает наше материальное и духовное бытие.

Издревле человек владел наукой образности, которая позволяет человечеству управлять информацией (знаниями) в своих образах и мыслях, а также в реальной жизни [3, с. 267]. Именно через псевдоним может происходить такое управление жизнью человека или определёнными событиями.

Слово «образ», являясь синонимом слова «идея» (греч. *idea* – вид, образ), означает отражение действительности в сознании [6, с. 82-83].

В астрологической и эзотерической традициях «псевдоним – это некая задача, которую берёт сам на себя человек в дополнение к его основной программе, заданной настоящей фамилией. И через какое-то время за выполнение новой задачи начинают спрашивать даже более жестко, чем за старую фамилию. Так как псевдоним возникает в результате самостоятельного выбора, за этот выбор приходится расплачиваться более серьёзно, чем за те проблемы, которые перешли с фамилией от предков.

В лучшем случае псевдоним позволяет спрятаться за маской и сбросить с себя часть программы, полученной от предков. Но для этого процесс принятия псевдонима должен быть сакральным, связанным с определённым обрядом, позволяющим сбросить первоначальный груз, перешедший с фамилией, а взамен принять на себя какие-то дополнительные обязательства. Поэтому зороастрийцы считали, что псевдоним позволено брать только посвящённому человеку, который умеет им грамотно пользоваться. Всем остальным брать псевдонимы небезопасно, так как они могут расплатиться за своеволие. Псевдоним можно сравнить с шагреновой кожей, которая что-то даёт, но отнимает гораздо больше, так как за все дары приходится потом расплачиваться. В худшем случае легкомысленное отношение к псевдонимам укорачивает человеку жизнь» [14]. Новый отрицательный псевдоним может привести его обладателя к негативным последствиям (изменение поведения на более агрессивное, суициды и пр.). По указанным причинам необходимо очень обдуманно и осторожно выбирать себе псевдоним.

Современные исследователи, анализируя причины появления псевдонимов, отмечают, что причины возникновения псевдонимов: желание скрыться от преследований, скрыть своё имя, личную жизнь, заменить некрасивую или вульгарную фамилию на благозвучную, желание или необходимость скрыть иностранное происхождение подлинной фамилии, и – особенно для журналистов – возможность писать в различных газетах на разные темы под разными псевдонимами» [12, с. 334], дань моде [16, с. 477], придания мистификации определённым событиям и другие.

По мнению исследователя петербургского городского фольклора Н.А. Синдаловского, «в системе причинно-следственных связей псевдоним всегда занимает второе, подчиненное место. Это и понятно. Фамилия человеку достаётся от его предков, отчество – от отца, имя появляется вне зависимости от собственного желания его будущего носителя в результате разных, порой самых невероятных обстоятельств, вплоть до обыкновенного каприза одного из родителей. И только псевдоним, за редким

исключением, всегда является *результатом собственного выбора и следствием неожиданно возникших конкретных причин*. Иногда эти причины внешние, то есть социальные, иногда внутренние – индивидуальные, личные. Но как в том, так и в другом случае поводом для возникновения псевдонима является литературная или профессиональная деятельность» [8, с. 477].

Выделяют аксиологический, литературный, сценический (эстрадный), политический, процессуальный, медицинский, бытовой, семейный, виртуальный, профессиональный, корпоративный, гендерный, религиозный, философский, магический, криминальный, мифический, ритуальные и другие псевдонимы [1, с. 122-136; 2, с. 28-34; 19, с. 13].

Под аксиологическим (др.-греч. ἀξία – ценность) псевдонимом понимается псевдоним, который содержит и раскрывает ту или ценность.

Все вышеперечисленные псевдонимы, так или иначе, в себе содержат аксиологический аспект.

В имеющейся литературе подробно раскрыты литературный, сценический (эстрадный) и криминальный и другие псевдонимы.

Например, часто политическими псевдонимами пользовались политики (например, псевдонимы В.И. Ульянова «Ленин», Н.К. Крупской «К. Саблина» и т.д.).

Процессуальный псевдоним присваивается в уголовном судопроизводстве, когда меняют персональные данные свидетеля [17, с. 82-88].

Профессиональный псевдоним используется в разведке, а корпоративный псевдоним – в тайных организациях и корпорациях.

Медицинский псевдоним применяется при оказании медицинского услуг на условиях анонимности как гражданско-правое средство индивидуализации граждан [2, с. 28-34].

Виртуальный псевдоним (никнеймы или «ники» и пр.) присущ так называемому цифровому человеку [13, с. 230–234].

В религиозных организациях при крещении или инициации, принятии в общину новому члену даётся новое духовное (религиозное) имя.

В некоторых источниках отмечается, что «магический псевдоним – это тайное имя, защитный оберег от чужого негативного энергетического воздействия» [7].

Магическим псевдонимом наделяются люди, которые проходят через посвящение и магическую инициацию.

Через псевдоним человек наделяет себя определёнными качествами, которые в реальной жизни могут отсутствовать.

Государство обеспечивает своим гражданам право на имя и псевдоним, личную жизнь, осуществляя защиту этих прав [10, с. 48-50; 11, с. 36-40].

Часто псевдоним регистрируют как товарный знак («бренд»), тем самым закрепляя своё авторство на него [11, с. 37]. К данному товарному знаку можно отнести известные эстрадные персональные бренды «Дима Билан», «Пётр Дранга» и другие [4, с. 26-36].

Нами хотелось бы обратить особое внимание к так называемым духовно-нравственным псевдонимам.

Под духовно-нравственным псевдонимом следует понимать вымышленное (новое) духовное имя человека, которое раскрывает определённые духовные и нравственные качества и характеристики его обладателя, а также выбранный им Путь.

К духовно-нравственным псевдонимам следует также относить новые или дополнительные имена души человека или какой-либо духовной сущности, используемые для сокрытия по каким-то причинам своего истинного имени.

В народных мифах и почти во всех религиях некоторые духовные сущности кроме своего имени обладают также и именами-псевдонимами, которые они имеют для своей идентификации среди своих, а также имеют дополнительные имена, приобретаемые в определённых условиях. Здесь речь идёт о личинах (масках), которые часто используются злыми духами для искушения людей.

Человек за всё время своего существования присваивал псевдонимы и давал новые имена духовным сущностям.

Н.А. Синдаловский отмечает, что «от античных времен мы в наследство получили народную традицию прибавлять к именам богов дополнительные характеристики: Зевс Громовержец, Венера Прекрасная, Аполлон Мусагет, то есть предводитель муз. Эту языческую практику подхватила и успешно использует христианская церковь. Имена православных святых, как правило, сопровождаются дополнительными эпитетами фольклорного происхождения: Георгий Победоносец, Никола Морской, Ксения Петербургская. Применялся этот лингвистический обычай и в отношении светских людей: Анна Кровавая, Александр Благословенный, Николай Палкин. Такой безошибочный приём не оставлял никаких сомнений в принадлежности нового имени тому или иному историческому персонажу. Сколько бы ни было в истории русского государства императоров с одними и теми же именами, мы со школьной скамьи знаем, что эпитет «Палкин» применим исключительно к Николаю I, а «Благословенный» – только к Александру I.

В России XVIII столетия дополнительное имя приобрело государственный статус. Величайшим полководцам того времени

государство жаловало второе имя, которое прибавлялось к первому, родовому, и напоминало о военных победах его носителя. Новое имя становилось официальным и до сих пор пребывает в этом почетном статусе. Во всяком случае, в современных энциклопедических словарях нет ни Румянцев, ни Потёмкина, ни Суворова, а есть Румянцев-Задунайский, Потемкин-Таврический, Суворов-Рымникский» [8].

Согласно Библии, Иисус Христос назвал Симона Петром: «Иисус же, взглянув на него, сказал: ты – Симон, сын Ионин; ты наречешься Кифа, что значит: камень (Петр)» (Иоан. 1:42).

Христианская церковь при крещении человеку даёт новые духовные (религиозные) имена, вкладывая в него сакральный смысл, т.е. они обладают сакральной семантикой.

Духовные (религиозные) новые имена можно относить к духовно-нравственным псевдонимам человека.

Выводы. В ходе исследования было выявлено, что концепт «псевдоним» содержит в себе духовно-нравственное и информационное наполнение (содержание). В связи с чем, авторами предлагается для выделения этой особенности использовать понятие «духовно-нравственный псевдоним», которое обладает сакральной семантикой.

Резюмируя вышеуказанное, можно однозначно говорить о том, что псевдоним представляет собой информацию и один из способов передачи информации, а также взаимосвязан не только с материальным, но и духовным бытием человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демидова О.Р. Литературный псевдоним как феномен культуры // Парадигма: философско-культурологический альманах. – 2017. – № 26. – С. 122–136.
2. Иванова Ж.Б., Коробко К.И. Правовое регулирование оказания медицинских услуг пациентам на условиях анонимности // Юридические исследования. – 2017. – № 11. – С. 28–34.
3. Ивентьев С.И. Божественные и духовно-нравственные права и свободы человека: монография. – Новосибирск: ООО «Агентство «СИБПРИНТ», 2012. – 357 с.
4. Кузьмина В.А., Терских М.В. Формирование личного бренда музыканта в социальных сетях (на примере П. Дранги и А. Воробьева) // Социально-экономические явления и процессы. – 2020. – № 2 (109). – Т. 15. – С. 26–36.
5. Конюхов Н.И. Словарь-справочник по психологии. – М., 1996. – 160 с.
6. Краткий философский словарь. – М.: Политиздат, 1950. – 322 с.

7. Магический псевдоним. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://astromagicmoon.ru/magiya/zashchitnaya-magiya/magicheskij-psevdonim>. (дата обращения: 25.11.2021).
8. Синдаловский Н.А. Псевдоним: легенды и мифы второго имени // Нева. – 2011. – № 2. – С. 215–238.
9. Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства: в 10 т. – Т. 6: Н-О. / В.Г. Власов. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 590 с.
10. Останина Е.А. Некоторые вопросы защиты права на имя, псевдоним и неприкосновенность частной жизни // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2019. – Т. 4. – Вып. 3. – С. 48–50.
11. Омарова Ю. А. О гражданско-правовых средствах индивидуализации граждан // Российское право: образование, практика, наука. – 2017. – № 4 (100). – С. 36–40.
12. Прокопьева О.В. Причины появления псевдонимов в XIX–XXI веках // Вестник Чувашского университета. – 2011. – № 2. – С. 333–334.
13. Попова Д.А., Сальникова Е.С. Ценностная ориентация цифровой личности в жанре интернет-комментария // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2019. – № 5. – С. 230–234.
14. Псевдонимы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://esoterics.wikireading.ru/71704> (дата обращения: 25.11.2021).
15. Сидоров А.В. Прозвища как основа псевдонимов англоязычных авторов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14. – Вып. 10. – С. 3117–3121.
16. Спирина А.А. Псевдоним как результат самоидентификации творческой личности // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2015. – № 1-2. – Т. 17. – С. 475–478.
17. Смолькова И.В. Псевдоним свидетеля в уголовном судопроизводстве (с учётом практики европейского суда по правам человека) // Всероссийский криминологический журнал. – 2012. – № 2. – С. 82–88.
18. Словарь русского языка: В 4-х т. – Т. 3. П-Р / Гл. ред. А.П. Евгеньев. – М.: Русский язык, 1983. – 750 с.
19. Тарасов М.В. Субъекты и объекты гражданских правоотношений в информационно-коммуникационных сетях: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2015. – 26 с.
20. Толковый словарь русского языка: Ок. 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов: под ред. проф. Л.И. Скворцова. – М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и образование», 2011. – 736 с.

АННОТАЦИЯ

Данакари Л. Р., Шкуран О. В., Ивентьев С. И. Псевдоним как духовно-нравственный и информационный феномен

В статье исследуется концепт «псевдоним», который представляет собой не только культурный, но и духовно-нравственный, информационный феномен. Авторами вводится в оборот понятие «духовно-нравственный псевдоним», под которым понимается новое вымышленное духовное имя человека и новые или дополнительные имена души человека или какой-либо духовной сущности, используемые для сокрытия своего истинного имени. Обращено внимание на то, что духовно-нравственный псевдоним выбирается или назначается при определённой ситуации и раскрывает определённые духовные и нравственные качества и характеристики его обладателя.

Ключевые слова: человек, душа человека, имя, псевдоним, информация, духовно-нравственный псевдоним, образ.

SUMMARY

Danakari L. R., Shkuran O. V., Iventev S. I. Pseudonym as a spiritual, moral and informational phenomenon

The article explores the concept of «pseudonym», which is not only a cultural, but also a spiritual and moral, informational phenomenon. The authors introduce the concept of «spiritual and moral pseudonym», which means a new fictitious spiritual name of a person and new or additional names of a person's soul or some spiritual entity used to conceal their true name. Attention is drawn to the fact that a spiritual and moral pseudonym is chosen or assigned in a certain situation and reveals certain spiritual and moral qualities and characteristics of its owner.

Key words: man, human soul, name, pseudonym, information, spiritual and moral pseudonym, image.

Ю. Л. Дмитриева
(г. Горловка, ДНР)

УДК 811.161.1

СРЕДСТВА ОБЪЕКТИВАЦИИ ОБРАЗА ТЕРЕМА
В ВЕРТИКАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ
ПРОСТРАНСТВЕННОЙ МОДЕЛИ МИРА
С. ЕСЕНИНА

В лингвистике пространство рассматривается и как одна из первичных форм бытия (см. дефиницию полисеманта *пространство* в «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С. А. Кузнецова [2], и как категория сознания, формирующаяся при непосредственном взаимодействии человека с миром. В ряде исследований отмечено, что пространство нельзя рассматривать как некое вместилище, которое заполняется познаваемыми человеком (или создаваемыми им) объектами. Наоборот, оно констатируется объектами (см. [15, с. 20-22]). Индивид «переживает пространство» [7, с. 5], взаимодействуя с реалиями онтологического мира. Вследствие этого пространство «находит множественные отражения в визуальных, тактильных образах, как статических, так и динамических» [Там же].

В силу того, что пространство обладает измеримыми признаками (см. [4]), мы определяем его как моделируемый исчисляемый феномен, подлежащий типологии. Так, в рамках лингвистики текста авторы предлагают несколько классификаций типов пространства, характерных как для художественных, так и для текстов других стилей. Т. В. Матвеева выделяет объективное, субъективное, психологическое, социальное и художественное пространство. Кроме того, автор считает целесообразным говорить о «подлинном реальном пространстве» текста [8, с. 32–33]. Н. С. Болотнова описывает реальное художественное пространство, ирреальное (дифференцируется на астральное и инфернальное), волшебное и фантастическое пространство, а также пространство зазеркалья [1, с. 179]. Наконец, Н. А. Николина рассматривает открытое и замкнутое, расширенное и сужающееся по отношению к персонажу или определённому описываемому объекту, конкретное и абстрактное, реально видимое и воображаемое пространство [9, с. 148–149].

Напротив, Л. Г. Гынгазова в дискурсе носителя традиционной культуры выделяет физическое и духовное пространство. Е. С. Яковлева, указывая на существующее в науке деление пространства на физико-геометрическое и семиотическое, выделяет окрестность говорящего (или физическое пространство),

умозрительное пространство, квазипространство бытия, «пустое» пространство и пространство инобытия. Отметим, что учёный приходит к выводу о целесообразности выделения на основе описанного пространственных моделей. Ср.: «Перечисленные пространства являются разными интерпретациями расположения объекта относительно говорящего и в этом смысле они сопоставимы друг с другом. Поэтому кажется естественным называть эти пространства языковыми моделями, присущими русскому языковому сознанию» [15, с. 63].

В функциональной грамматике принято говорить о пространственных отношениях, средства выражения которых, согласно А. В. Бондарко, репрезентируют также ситуацию локализации. Последняя представлена основной моделью $A + V + r + L$ (см. [3]) и четырьмя субмоделями.

Л. П. Дронова описывает семантические пространственные модели номинаций, относящихся к разным сферам. На основе анализа этимологии вербальных знаков и их современных словарных дефиниций учёный выделяет семантические модели «(то, что) здесь и сейчас (есть)» → «настоящее, истинное, хорошее, оставаться / жить»; «близко / рядом (находящийся)» → «близкий человек: любимый, друг»; «выше – ниже» → «лучше – хуже»; «напротив / наоборот» → «плохой, злой, дурной»; «далёкий / дальний» → «чужой», «плохой, злой, дурной» [7, с. 227–237].

Таким образом, в лингвистике нет единой точки зрения на квалификацию пространства. Кроме того, «проблема языковой репрезентации категории пространства, – отмечается в предисловии коллективной монографии «Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте», – предстаёт как одна из вечных тем языкознания, филологии, философии» [7, с. 6]. Нами предпринимались попытки описать средства объективации пространства (пространственной модели мира) в поэзиях С. Есенина.

Целью данной работы является анализ и описание средств объективации образа терема. Материал исследования – поэтические произведения С. Есенина.

В число распространённых в лингвистике моделей пространства Р. Н. Порядина включает «вертикальную, поверхностную, фасад, внутренность, упорядоченность» [7, с. 13], дополняя данный ряд динамической моделью линейного пространства; вертикальным моделированием, основанным на оппозиции «верх – низ»; пространственными моделями «внутренний / внешний» и «близкий / далёкий». Отметим, что «внутренний – внешний» и «близкий – далёкий» мы рассматриваем как признаки образов пространственной

модели мира, под которой понимаем отображение представлений об организации пространства, формируемых языком и культурой в сознании человека. В число основных параметров данной модели включаем геометрические позиции объектов, выраженные формами языка; бинарные признаки характеристики пространства; признаки культурно-социального начала; горизонтальную и вертикальную ориентированность восприятия.

Отметим, что ориентированность восприятия связана с позицией человека. В горизонтально ориентированном пространстве «рождаются и живут; по нему ходят, ездят; в нём существует определённый порядок; он выступает как обобщённый объект восприятия» [7, с. 83]. Так, пространственная модель мира, репрезентированная в этнолингвистическом словаре «Славянские древности» (см. [12, с. 581]), рассматривается нами как горизонтально ориентированная. Именно с этой плоскостью восприятия соотносится образ дома – один из ключевых для горизонтально ориентированной пространственной модели мира в произведениях С. Есенина. Ср.: *Смолкшим колоколом над прудом / Опрокинулся отчий дом* [5, с. 76]; *Где ты, где ты, отчий дом, / Грешный спину под бугром?* [Там же, с. 117]; *И вновь вернулся в отчий дом, / Чужою радостью утешусь* [Там же, с. 139]; *Не втащит неводом заря / Меня в твой тихий дом* [Там же, с. 141]; *Я покинул родимый дом* [Там же, с. 143]; *Бабы подолами слёзы утирали, – / Кто-то воротится невредим в дом?* [6, с. 9]; *О Русь, о степь и ветры, / И ты, мой отчий дом!* [Там же, с. 42]; *Отцовский дом / Не мог я распознать* [Там же, с. 89]; *Пойдём домой – / Ты все увидишь сам* [Там же, с. 91]; *И там, где был когда-то отчий дом, / Теперь лежит зола да слой дорожной пыли* [Там же, с. 94] и т.д.

Вертикально ориентированная пространственная модель мира задаётся культурой, в частности, религией человека. Так, согласно концепции Л. Г. Гынгазовой, в пространстве мира в соответствии с христианским миропониманием выделяются две большие зоны: бытия (земное воспринимаемое человеком пространство) и инобытия («область потустороннего, сакрального» [7, с. 84]). Последняя зона квалифицируется как представления о рае и аде. Исследователь указывает, что традиционно область реального выражается словосочетания *этот свет* и *белый свет*, а область потустороннего – *тот свет*. Отметим, что данные вербальные знаки зафиксированы и в словарной статье слова *свет*. Ср.: «Свет – земля со всем существующим на ней, мир, вселенная. *Белый с.* (Земля, люди). *Божий с.* (=белый свет). *Тот с.* (загробный мир). *Этот с.* (земной мир)» [2].

Кроме того, по данным этнолингвистического словаря «Славянские древности» [13, с. 299] однозначного описания расположения зоны инобытия не зафиксировано. В фольклорных текстах славян он располагается то на небе, то под землёй, то мыслится как изолированный от реальной области. Например, у южных славян рай и ад находятся на небе. Так, рай расположен на третьем небе, а ад – на его северной стороне. В чешских текстах представления о сакральной области пространства описываются как расположенные в подземелье, в облаках и под водой. В сербской традиции вертикально ориентированная пространственная модель мира включает три зоны: «верхний мир – на небе, на нём престол божий, рай и ад; средний – на нём живут люди; нижний – подземный, но это не ад, там нет ни дьявола, ни мучеников» [13, с. 299]. В произведениях С. Есенина (например, в стихотворениях (маленьких поэмах) «Марфа Посадница» и «Микола») вертикально ориентированная пространственная модель мира включает небесный, земной миры и ад. Причём данные миры взаимосвязаны и обобщаются друг с другом как посредством вербальных формулировок (молитв, призывов), так и с помощью существ, населяющих их (ангелов, божеств, демонов, птиц, в частности, голубей).

В славянской культуре функционируют две базовые модели восприятия и описания того света: «он мыслится либо по аналогии с земным миром, либо противоположным ему» [13, с. 299]. В произведениях С. Есенина рассматриваемая область сакрального моделируется по аналогии с земным миром. Так, для вертикально ориентированной пространственной модели мира ключевым полагаем образ терема. Считается, что терем расположен под сенью мирового дерева. В свадебных фольклорных песнях зафиксировано представление о пиршестве рядом с теремом в райском саду.

Наши исследования показали, что при воспроизведении потустороннего пространства С. Есенин вводит данный образ, объективированный лексемой *терем*. В языковом опыте этноса за указанным словом закреплено значение «в Древней Руси: жилое помещение в верхней части богатых хором или дом, особняк в виде башни» [2]. В приведённой дефиниции объективированы несколько когнитивных признаков анализируемого образа. Это признак «жилое помещение (дом)» и «верх». Отметим, что указание на функционирование объекта в определённом государстве, которое существовало в конкретный временной период, квалифицируем как выражение признака «далёкий».

В большом лингвострановедческом словаре «Россия» под редакцией Ю. Е. Прохорова указано, что впервые лексема

терем зафиксирована в летописи «Повесть временных лет», а её происхождение связывают с греческим словом, которое в переводе означает «кров, жилище». «На мусульманском Востоке так называют постройку, похожую на древнерусский терем» [10, с. 563]. В словарной статье отмечено, что постройки такого типа были характерны для архитектуры Древней Руси и использовались до конца XVII в., когда возникает мода на европейские архитектурные формы. В фольклорных текстах «в теремах обычно живут прекрасные и недоступные сказочные царевны; терем может быть местом заточения красавицы» [Там же, с. 564]. Таким образом, в анализируемой словарной статье также эксплицирован когнитивный признак «далёкий» (как по времени использования в архитектуре, так и по организующим данный образ объектам, сказочным, т.е. «не существующим в реальной действительности, создаваемым воображением» [2], царевнам).

Признак «далёкий» образа терема актуализирует отнесение образа терема в соответствии с параметрами культурно-социального начала пространственной модели мира к категории «чужой». «Когнитивная сущность данной категории, – согласно Р. Н. Порядиной, – связана с доминантой различения “себя” и “другого”, с осознанной идентификацией лица как члена группы, с феноменом собственности, с идеей разделения сущего по принадлежности к разным субъектам, с дифференциацией мира по степени отчуждённости» [7, с. 57]. Следовательно, образу терема присущ также признак «внешний». Отметим, что данный признак отчасти зафиксирован и в этимологии слова *терем*.

По данным «Этимологического словаря» М. Фасмера анализируемый вербальный знак зафиксирован во всех славянских языках, однако его значение варьируется от жилого помещения до номинирования элемента строения. Ср.: «Тёрем – укр. терём, др.-русс. теремъ “терем, дворец”; “купол”, сербск.-слав. трѣмъ “turtis”, болг. трем “крыльцо, горница”, сербохорв. тријем, род. п. тријема “зал”, словен. trefn “навес”» [14]. Соответственно, значения «крыльцо», «купол», «навес» объективируют когнитивный признак «внешний», т.е. находящийся за границей строения. В то же время значения «купол» и «навес» выражают также когнитивный признак «верх». Данный признак позволяет отнести образ терем к верхней зоне вертикально ориентированной пространственной модели мира.

В указанной зоне находится образ терема и в стихотворениях (маленьких поэмах) С. Есенина. На это указывают адъективы *райский*, т.е. «относимый к раю» [2], и *Божий*, т.е. «относимый к Богу» [Там же]. Ср.: *Уж вы, голуби, слуги Боговы, / Солетайте-ко в райский терем* [6, с. 10]; *Я – слуга давнишний Богов, / В Божий терем правлю путь* [Там же, с. 15] и др.

В примере *Как сидеть их белым душенькам / В терему ли, в саде райском* [6, с. 201] терем расположен в райском саду (вербализация соответствующими вербальными знаками). На это указывает также лексема *душенька*, в которой суффикс субъективной оценки *-еньк-* рассматриваем как объективацию положительного отношения автора к описываемому феномену, а также как стилизацию под фольклорный текст. Кроме того, область инобытия в данном тексте описывается по модели «сад». Ср.: «Из трёх основных “моделей” рая, известных книжной традиции, – “сад”, “город” и “небо” – в народных верованиях наиболее разработан образ рая-сада, однако этот сад чаще всего помещается на небе и тем самым сливается с образом рая-неба» [12, с. 397].

Отметим, что в соответствии с существующей концепцией о неопределённости расположения того света образ терема в поэзии С. Есенина относится не только в верхней зоне, но и к лесу. Ср.: *В терем тёмный, в лес зелёный, / На шелковы купыри, / Уведу тебя* [5, с. 20]; *Ой, прощайте, белые птахи, / Прячьтесь, звери, в терему* [6, с. 15]. В предикативной части *Прячьтесь, звери, в терему* [6, с. 15] на расположение терема в лесу указывает вербальный знак *зверь*, за которым закреплено значение «дикое, обычно хищное животное. Лесные звери» [2].

В русской лингвокультуре лес относится к категории «чужого». Туда, согласно нашим исследованиям, ссылали всё плохое. Там обитали жители потустороннего света (леший, Баба Яга, русалки). Кроме того, лес традиционно являлся местом встречи человека с мифологическими существами. Образ леса в славянской традиции характеризуется такими когнитивными признаками, как «удалённость, непроходимость, необъятность», сближается с тем светом и понимается «как пространство небытия (наряду с морем и горами). Лес противопоставлен дому/двору/саду в рамках оппозиции “чужой” – “свой”» [11, с. 97]. Таким образом, расположение терема в лесу также квалифицируем как объективацию признаков «внешний» и «далёкий».

Рассматриваемый образ вербализуется в произведениях С. Есенина как лексемой *терем*, так и словами, называющими элементы строения. Так, в примере *Кроют зори райский терем, / У окошечка Божья Мать / Голубей сзывает к дверям / Рожь зернистую клевать* [6, с. 16] анализируемый образ выражен как лексемой *терем*, которая употребляется в сочетании с именем прилагательным *райский*, выражающим отношение объекта к зоне инобытия, так и вербальными знаками *окошко* и *дверь*, называющими отверстия в стенах жилища. Кроме того, согласно Л. Г. Гынгазовой, тот свет также «организуется населяющими его объектами» [7, с. 84]. В примере из

текста С. Есенина они эксплицированы как сочетанием *Божья Мать*, так и словом *голубь*. Согласно нашим исследованиям, голубь – в христианстве символ Святого Духа. В фольклорной традиции данная птица «выступает посредником в общении, символом встречи, осуществлённой в слове» [7, с. 24]. Следовательно, лексему *голубь* квалифицируем как соединяющее звено между областями реального и сакрального.

В современной лингвистике нет единого определения пространства, отсутствуют также системные описания средств экспликации пространства в текстах С. Есенина. Мы рассматриваем пространство как моделируемый исчисляемый феномен, подлежащий типологии. Выделяемые исследователями виды пространства ложатся в основу формирования пространственных моделей. Под пространственной моделью мира понимаем отображение представлений об организации пространства, формируемых языком и культурой в сознании человека. При построении данной модели учитываются следующие базовые параметры: геометрические позиции объектов, выраженные формами языка; бинарные признаки характеристики пространства; признаки культурно-социального начала; горизонтальная и вертикальная ориентированность восприятия. В соответствии с культурными и религиозными представлениями, репрезентированными в поэтических текстах С. Есенина, выделяем вертикально ориентированную пространственную модель мира, которая включает две зоны: этот свет, область реального, и тот свет, область сакрального. В число ключевых образов того света включаем образ терема, вербализованный в текстах поэта лексемой *терем*, адъективами *райский*, *Божий*, словами, называющими элементы строения, *окошко*, *дверь*. Основными когнитивными признаками анализируемого образа, зафиксированного как в словарных дефинициях слова, так и в текстах С. Есенина, являются «верх», «внешний», «далёкий». Данный образ относим к категории «чужой». Однако данное описание не является исчерпывающим, что и составляет перспективу дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста : учеб. пособие / Н. С. Болотнова. – [5-е изд.]. – М. : Флинта, 2016. – 520 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2004. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (дата обращения: 13.01.2022).
3. Дмитриева, Ю. Л. Параметры пространственной модели мира (на материале поэзии С. Есенина) / Ю. Л. Дмитриева //

- Вестник Донецкого национального университета. – Серия Д: Филология и психология. – № 1. – Донецк: Изд-во ГОУ ВПО «ДонНУ», 2021. – С. 33–38.
4. Дмитриева, Ю. Л. Пространственная модель мира в произведениях С. А. Есенина / Ю. Л. Дмитриева // Современное есениноведение : научно-методический журнал. – № 4 (55). – 2020. – Рязань : Изд-во РГУ им. С. А. Есенина. – С. 63–70.
 5. Есенин, С. А. Полное собрание сочинений: В 7 т. – Т.1: Стихотворения. (Подготовка текста и коммент. А. А. Козловского). – М. : Наука – Голос, 1995. – 672 с.
 6. Есенин, С. А. Полное собрание сочинений: В 7 т. – Т.2: Стихотворения (маленькие поэмы). Подготовка текста и коммент. С. И. Субботина. – М. : Наука – Голос, 1997. – 464 с.
 7. Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте / Р. Н. Порядина, Л. Г. Гынгазова, Ю. А. Эмер и др. Отв. ред. – проф. З. И. Резанова. – Томск : UFO-Plus, 2007. – 384 с.
 8. Матвеева, Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий : синхронно-сопоставительный очерк / Т. В. Матвеева. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 172 с.
 9. Николина, Н. А. Филологический анализ текста: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Н. А. Николина. – М. : Академия, 2003. – 256 с.
 10. Россия. Большой лингвострановедческий словарь / Под общ. ред. Ю. Е. Прохорова. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА. – 736 с.
 11. Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 т. – Т. 3 / Под общ. ред. Н. И. Толстого. – М. : «Международные отношения», 2004. – 697 с.
 12. Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 т. – Т. 4 / Под общ. ред. Н. И. Толстого. – М. : «Международные отношения», 2009. – 656 с.
 13. Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 т. – Т. 5 / Под общ. ред. Н. И. Толстого. – М. : «Международные отношения», 2012. – 736 с.
 14. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. / М. Фасмер ; Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – [3-е изд., стер.]. – М. : Изд. центр «Терра», 1996. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/vasmer> (дата обращения: 17.01.2022).
 15. Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е. С. Яковлева. – М. : Гнозис, 1994. – 344 с.

АННОТАЦИЯ

Дмитриева Ю. Л. Средства объективации образа терема в вертикально ориентированной пространственной модели мира С. Есенина

В статье даётся определение пространства и приводятся существующие в лингвистике типологии пространства. Кроме того, автор указывает существующие модели пространства. Пространственная модель мира в работе рассматривается как отображение представлений об организации пространства, формируемых языком и культурой в сознании человека. Она формируется в соответствии с такими базовыми параметрами, как геометрические позиции объектов, выраженные формами языка; бинарные признаки характеристики пространства; признаки культурно-социального начала; горизонтальная и вертикальная ориентированность восприятия. Автор выделяет вертикально ориентированную пространственную модель мира, в число ключевых образов которой включает образ терема. В статье анализируются средства объективации данного образа и описываются его основные когнитивные признаки.

Ключевые слова: модель мира, пространство, когнитивный признак, образ, параметр, категория.

SUMMARY

Dmitrieva J. L. Means of objectification of the image of the tower in a S. Yesenin's vertically oriented spatial model of the world

The article defines space and provides the typologies of space existing in linguistics. In addition, the author describes the existing models of space. The spatial model of the world in the work is considered as a representation of ideas about the organization of space formed by language and culture in the human mind. It is formed in accordance with such basic parameters as the geometric positions of objects expressed by the forms of language; binary signs of space characteristics; signs of cultural and social origin; horizontal and vertical orientation of perception. The author identifies a vertically oriented spatial model of the world, among the key images of which includes the image of the tower. The article analyzes the means of objectification of this image and describes its main cognitive features.

Key words: world model, space, cognitive attribute, image, parameter, category.

М. Н. Ивахненко
(г. Горловка, ДНР)

УДК 81'373.2+82.03

РАСХОЖДЕНИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МУЛЬТИПЛИКАЦИОННЫХ СЕРИАЛАХ И КОМИКСАХ

На протяжении нескольких последних десятилетий благодаря процессу глобализации множество стран, являющихся представителями самых различных культур, смогли представить друг другу невообразимое количество фильмов, мультфильмов, сериалов и других кинематографических единиц, которые вдохновляли и продолжают вдохновлять многих режиссеров создавать аутентичное творчество не только для своей страны, но и всего мира. Необъятное количество комиксов, которые смогли вобрать в себя немного от художественной литературы и немного от мультипликационных фильмов, влюбили в себя сотни тысяч молодых читателей.

На сегодняшний день комиксы становятся все более распространенными на территории русскоговорящего мира. Комиксы занимают внушительный процент переводной литературы как в виде любительских переводов, размещаемых в сети интернет, так и профессиональных, размещаемых в печатных изданиях. Вследствие этого исследователи все чаще поднимают вопрос о переводе такого типа литературы.

Обращаясь к «Толковому словарю» С.И. Ожегова, «комикс (от англ. comic «смешной») – небольшая, наполненная иллюстрациями книжка лёгкого, обычно приключенческого содержания, а также серия рисунков с соответствующими подписями» [8, с. 233]. А.Г. Сонин под комиксом подразумевает «смысловое единство, произведение на стыке литературы и искусства, текст которого представляет собой последовательность кадров, состоящую из рисунка и текста» [7, с. 12]. Не удивительно, что при переводе комиксов возникают проблемы, связанные с особенностями художественного стиля (сохранение выразительности текста, перевод шуток, перевод «говорящих» имен и названий, перевод речи персонажей), а также проблемы, связанные с графическими ограничениями [10, с. 54].

Мультфильмы и мультсериалы в первую очередь относятся к аудиовизуальному тексту, ведь они включают в себя реплики персонажей, тексты песен, голос за кадром, надписи, периодически появляющиеся на экране, которые могут свидетельствовать

о пройденных промежутках времени, названиях локаций и других утоняющих сюжет моментах, а также титры и субтитры. Учитывая все вышеупомянутые аспекты, мультипликационные фильмы и сериалы нуждаются в аудиовизуальном переводе для показа в других странах. Переводчику необходимо сохранить коммуникативную ситуацию при переводе, а также соблюсти характерные аспекты аудиовизуального текста, который, по мнению российского киноведа С.А. Филиппова, можно охарактеризовать как «систему средств, позволяющую осуществлять передачу смысла с помощью кинематографа» [9, с. 125].

Несмотря на необходимость адекватного перевода мультфильма, при аудиовизуальном переводе перед переводчиком стоит главная задача – это необходимость точной передачи сочетания звукового и визуального компонентов [1, с. 58]. Это действительно сложно сделать, ведь длина русского языка и английского значительно разнится. Особенно межъязыковая разница прослеживается в употреблении в английском языке сокращений в разговорной речи и быстрым темпом речи. Перевод английского текста на русский язык почти всегда получается чуть больше, чем оригинал, поэтому переводчику часто приходится прибегать к опущениям и всяческим сокращениям текста.

Главные задачи, стоящие перед переводчиком мультипликационного сериала или фильма, – достижение точного совпадения картинки и его звукового сопровождения, обращая особое внимание на артикуляцию персонажей; соблюдение возрастных и культурных особенностей при переводе; заострение особого внимания на выразительных средствах, стилистических приемах и именах собственных; сочетание юмора страны-оригинала с юмором страны-перевода, чтобы зрители поняли комичный эффект, а также, при необходимости, использование цензуры.

Перевод мультфильмов и комиксов вызывает множество споров и дискуссий о том, как же все-таки правильно переводить такие формы искусства. Главным камнем преткновения при переводе комиксов является их замысловатая структура, которая ставит переводчика в определенные рамки, не позволяя ему быть свободным при переводе. К структуре относятся формы блоков текста, которые не должны быть нарушены и должны выглядеть максимально эстетично с визуальной точки зрения, не говоря уже о правильности и созвучности перевода. Строгое соблюдение некоторых знаков препинания, а порой обязательное их опущение, избегание повтора заглавных букв, сохранение размера шрифта для правильного восприятия идеи автора – все это ради сохранения

визуальной аккуратности и ровного расположения текста. Однако одной из самых больших трудностей при переводе мультфильмов являются имена собственные (далее ИС).

Имена собственные играют важнейшую роль не только в повседневной жизни, но и в различных литературных произведениях, мультипликационных и художественных фильмах. Полагают, что перевод ИС является процессом, не вызывающим особых затруднений, так как они принадлежат к языковым единицам с однозначными соответствиями. Однако важно помнить, что ИС имеют сложную структуру. Они отражают культуру, национальные особенности страны, которые необходимо учитывать при переводе. Также при переводе ИС может возникнуть такая проблема, как их неблагозвучие на языке перевода. Эти нюансы следует учитывать при выборе способа перевода ИС с английского на русский язык.

Особенно серьезно нужно относиться к переводу говорящих ИС, так как они несут более сложную смысловую нагрузку. Такие ИС часто встречаются в мультипликационных сериалах, комиксах и книгах. Не уделяя переводу ИС должного внимания, переводчик лишает возможности читателя или зрителя окунуться в своеобразную атмосферу, увидеть все особенности произведения и понять юмористические моменты, которые основываются на ИС, так как большинство из них не просто выполняют назывную функцию для персонажа, но и несут в себе определенную смысловую нагрузку, напрямую зависящую от сюжета мультфильма или комикса.

Мы разделяем мнение Д.И. Ермоловича, который утверждает, что «имена собственные служат для особого, индивидуального обозначения предмета безотносительно к описываемой ситуации и без обязательных уточняющих определений» [3, с. 9]. С. Влахос и С. Флорин утверждают, что ИС часто выполняют роль лаконичных характеристик персонажа. ИС – основа образной системы произведения, и исследование их семантики является первоочередной задачей переводчика, ведь именно это позволит целостно построить систему образов произведения [2, с. 216]. Обычно, при предоставлении персонажу имени, автор закладывает в него определенное значение, которое соответствует характеру героя.

Существует множество факторов, от которых зависит и которые влияют на перевод ИС в мультфильмах и комиксах с английского языка на русский. Одним из факторов можно считать различие двух культур, что отражается в каждой сфере человеческой жизни, и делает их уникальными и неповторимыми. Именно это должно учитываться во избежание недоразумений и неточностей, которые могут возникнуть в процессе передачи

ИС, и могут привести к ошибочному видению роли персонажа и сути мультфильма в целом. Поэтому при переводе ИС самой острой проблемой для переводчика для получения качественного перевода остается правильный выбор трансформации, с помощью которой переводчик доносит до зрителя определенную долю важной информации о персонаже. Это дает возможность понять общую сюжетную линию и вызывает заинтригованность, необходимую для возникновения желания просмотреть мультфильм или прочитать комикс. Любое искажение первичного продукта может вызвать не только дальнейшие проблемы коммуникации, но и привести к полному изменению мировоззрения читателя или зрителя. Таким образом, следует отметить, что перевод мультипликационных произведений и комиксов подобен переводу художественной литературы и ставит целью не только соблюдение адекватности лексики и сюжета, но и неповторимого авторского стиля.

ИС относятся к безэквивалентной лексике, и именно поэтому существуют трудности при их переводе. Звучание, значение и происхождение имени героя имеет непосредственное отношение к формированию его образа. К.Б. Зайцева считает, что правильно подобранное имя не только показывает связь формы и значения, но и усиливает эмоциональное впечатление [4, с. 6]. Таким образом, в процессе обработки имени собственного переводчик должен обратить внимание на семантическое происхождение имени или названия. Работая с этой группой, переводчик также должен концентрировать внимание на культурно-исторической, лингво-культурологической информации, закодированной в этих словах. Каждый антропоним является вместилищем кодированной информации не только о герое, но и о стране, создавшей его, ее культуре и традициях. Поэтому работа переводчика заключается не только в раскодировании этой информации, но и преобразовании ее в благоприятную для понимания. Удачно переведенный антропоним способствует более полному восприятию образа персонажа, он становится определенным маркером и дополняет целостный образ в воображении зрителя или читателя.

В качестве материала исследования были взяты мультипликационный сериал и комикс «Время приключений» на английском языке и их переводы на русский. В ходе исследования были выявлены 7 способов перевода ИС с английского языка на русский, такие как транскрипция, транслитерация, калькирование, полукалька, создание неологизма, уподобляющий перевод и описательный перевод. К примеру, ИС *Evergreen* в мультфильме представлено как *Вечнозеленый*, то есть переведено методом калькирования, а в комиксе – *Эвергрин*, то

есть передано методом транслитерации. Или же ИС *Tree Trunks*, которое мультфильм перевел как *Деревяшка*, и комикс также прибегнул к описательному переводу, назвав его уменьшительно-ласкательным именем *Хоботок*, так как персонаж – слон. *Silent Dan* переводчик мультфильма передал посредством уподобляющего перевода – *Дэн Шептун*. Переводчик же комикса перевел ИС методом калькирования – *Тихий Дэн*. В случае с ИС *Pincer Beetle* и переводчик мультфильма, и переводчик комикса использовали описательный способ перевода. Мультфильм описал нам персонажа как *Жук с клешнями*, базируясь на внешних данных персонажа, а комикс – как *Жук Танцор*, базируясь на роде деятельности персонажа. *Princess Bubblegum* комикс применяет адаптированное транскодирование и получает *Принцесса Бубльгум*, а мультфильм переводит методом калькирования и получает *Принцесса Жвачка*. В структуру ИС *Crabbit* входят два слова: “crow” – ворона и “rabbit” – кролик. Переводчик мультфильма соединил эти два слова и получил неологизм – *Воролик*, в то время как переводчик комикса получил другой неологизм – *Кролеворок*.

В целом в иллюстративную базу вошли 180 ИС, 150 из которых совпали и в мультфильме, и в комиксе. Однако в ходе работы были выявлены также и 30 единиц, которые не совпали при переводе мультфильма и комикса.

Самыми распространенными способами перевода ИС являются транскрипция и метод калькирования. Реже использовались уподобляющий перевод и метод полукальки. В случае с несовпадающими ИС, и переводчик мультфильма, и переводчик комикса отдали предпочтение методам калькирования и описательного перевода. Однако в тех случаях, в которых комикс использовал метод калькирования, мультфильм прибегал к описательному переводу, в других случаях комикс отдавал предпочтение транскрибированию или транслитерации. В целом, во всех 30 случаях, переводчики мультфильма и комикса использовали совершенно разные способы перевода ИС.

Стоит уделить внимание тому, что данные расхождения в переводе ИС произошли не случайно. Переводчик мультфильма не боялся оставлять «длинное» ИС или же передавать его еще длиннее, вкладывая больше информации о персонаже, в то время как переводчик комикса старался его «укоротить». Это связано с тем, что в мультфильмах нет ограничений в произношении ИС, так как для мультипликационных сериалов в порядке вещей давать большую информационную базу зрителю. Однако существенное ограничение мы встречаем в комиксах, в которых переводчику с трудом нужно уместить помимо общей информации, доносящейся

героем, еще и его довольно объемное имя в маленькую рамку для реплик. Как следствие, в данной ситуации переводчику остается пожертвовать некой информацией о персонаже, а также подключить все свои умственные способности, чтобы сделать броское и лаконичное ИС.

Таким образом, вопросу перевода ИС в литературе, а тем более в мультипликационных фильмах, уделяется огромное внимание, поскольку они оказывают большое влияние на процесс восприятия мультфильма и комикса в целом и представляют непростую задачу для переводчика. Таким образом, главной проблемой переводчика оказывается не столько языковой состав исходного текста, сколько его содержание и эмоционально-эстетическое значение. Также следует учитывать, что синтаксические структуры английского и русского языков значительно расходятся, поэтому очень сложно и практически невозможно полностью передать оригинал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакулев Г. П. Стратегии аудиовизуального перевода / Г. П. Бакулев // Вестник Всероссийского государственного института кинематографии, 2014. – № 4. – С. 48–60.
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М. : Международные отношения, 1980. – 340 с.
3. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур / Д. И. Ермолович. – М. : Р. Валент, 2001. – 200 с.
4. Зайцева К. Б. Английская стилистическая ономастика : Тексты лекций / К. Б. Зайцева. – Одесса, 1973. – 63 с.
5. Комикс «Время Приключений» (на английском языке) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://com-x.life/1158-adventure-time.html>
6. Комикс «Время Приключений» (на русском языке) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://adventuretime.cn-fan.tv/comixs.php?id=1>
7. Сонин А. Г. Комикс: психолингвистический анализ / А. Г. Сонин; под ред. В. А. Пищальниковой. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999. – 110 с.
8. Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ozhegov.com/words/12826.shtml>
9. Филиппов С. А. Киноязык и история : крат. история кинематографа и киноискусства / С. А. Филиппов. – М. : клуб «Альма Анима», 2006. – 207 с.
10. Харитонов Е. В. Девятое искусство: Зарубежный фантастический комикс / Е. В. Харитонов. – М. : Academia-F, 2004. – 95 с.

АННОТАЦИЯ

Ивахненко М. Н. Расхождения при переводе имен собственных в англоязычных мультипликационных сериалах и комиксах

Автор статьи исследует проблему перевода имен собственных на русский язык. Сравнительный анализ перевода имен собственных проводится на материале англоязычных мультипликационных сериалов и комиксов. Рассматриваются закономерности и расхождения, возникающие при переводе одних и тех же имен собственных. Объясняются причины расхождений.

Ключевые слова: имя собственное, мультипликационный сериал, комикс, способы перевода.

SUMMARY

Ivakhnenko M. N. Dissimilarities in translation of the proper names in the English-language animated series and comic books

The author of the article investigates the problem of proper names translation into Russian. The comparative analysis is based on material from the English-language animated series and comic books. Common features and dissimilarities are considered while translating one and the same proper name. The reasons for dissimilarities are explained.

Key words: proper name, animated series, comic book, ways of translation.

А. А. Калинина

(г. Екатеринбург, РФ)

УДК 811.161.1

**АНТРОПОНИМ КАК ОСНОВНЫЙ ТИП
ОНОМАСТИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ
РУССКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ)**

Наметившийся в последней четверти XX в. сдвиг гуманитарного знания в сторону антропоцентризма ознаменовался формированием новых дисциплин, нацеленных на изучение человека в многообразии его взаимоотношений с окружающим миром. По справедливому замечанию А.А. Залевской, тенденция к объединению результатов, получаемых науками, связанными с изучением человека и разных аспектов его функционирования в природе и обществе, оказалось достаточно сильной [2, с. 23]. Процесс интеграции затронул и науки филологического цикла. Это подтверждается возникновением таких направлений как лингвокультурология, когнитивная лингвистика,

психолингвистика, этнолингвистика и т.д., объединивших усилия для исследования проблем взаимодействия языка, культуры и ментальности как отдельного человека, так и группы людей, включая целые этносы.

В последние годы развития лингвистической науки языковая личность с ее культурными и индивидуальными характеристиками изучается с точки зрения концептного подхода, предполагающего, что человек «живет, общается, мыслит, действует в мире концептов» [6, с. 11]. Таким образом, в концепт понимается как ключ к пониманию сознания языковой личности. В настоящее время концепт является фундаментальной категорией когнитивистики и лингвокультурологии. Необходимость ее введения обуславливается признанием современными исследователями-лингвистами недостаточности традиционного термина «понятие» в его классической трактовке, а также необходимостью четкого разграничения данных терминов и требование избегания подмены одного другим, возможной по причине их соотнесенности с процессом познания человеком окружающей действительности [7, с. 80].

Являясь многоаспектным образованием, концепт стал предметом изучения нескольких научных школ. Так, когнитивисты под концептом подразумевают все то, что носитель определенного языка знает, думает, предполагает о каких-то реальных или воображаемых объектах действительности. Например, П.В. Чесноков трактует концепт как целостное, нерасчлененное отражение факта действительности [13, с. 93]. Е.С. Кубрякова называет концепт результатом построения информации об объектах и их свойствах. Исследователь подчеркивает, что наряду со сведения об объективном положении дел в мире эта информация также включает в себя и сведения о воображаемых мирах и возможном положении дел в этих мирах [5, с. 90]. Согласно представителям лингвокультурологической школы, концепт – это «культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализации, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму» [1]. По мнению Г.Г. Слышкина, концепт представляет собой совокупность средств апелляции к понятию, предлагаемых носителю языка культурой, как накопленное культурное лингвистическое достояние, зафиксированное в лексикографии [10, с. 32-33].

Исследователи выделяют как национально-специфические, так и универсальные концепты, которые являются базовыми не только для представителей отдельной лингвокультуры, но и имеют значимость для всех мировых культур. Наряду с такими

концептами как «женщина», «мужчина», «семья», «любовь», «деньги», «смерть» и др., к универсальным концептам можно отнести и антропоним как особый тип ономастического концепта.

В связи с тем, что антропоним является многомерным конструктом, его изучение не ограничено с точки зрения исследовательских подходов. Цель данной статьи заключается в анализе специфики репрезентации указанного концепта в русских пословицах и поговорках, под которыми, мы вслед за Л.Б. Савенковой, будем понимать устойчивое в языке и воспроизводимое в речи анонимное изречение, используемое для употребления в дидактических целях [9, с. 21].

Выбор именно паремий в качестве предмета исследования детерминирован тем, что пословицы являются одним из главных средств вербализации языковой картины мира, культурно-национальных эталонов, стереотипом, мифологем и менталитета представителя той или иной лингвокультурной общности [12, с. 233]. И.А. Стернин отмечает высокую информативность паремий для выявления интерпретационного поля концепта: «В паремиях мы находим застывшие осмысления того или иного концепта, сложившиеся на протяжении длительного времени и менявшиеся в зависимости от места, времени и условий проявлений концептуальных сущностей в жизни народа, отдельных групп людей, отдельного человека» [11, с. 63]. Действительно, такие паремические жанры, как пословицы и поговорки, представляют собой известные носителю определенной лингвокультуры формулы, включающие этнокультурную информацию.

Анализ русских паремий на предмет репрезентации в них различных ономастических концептов позволил выделить несколько их типов:

– антропонимы, используемые для идентификации индивида по имени, фамилии, отчеству, псевдониму или прозвищу: *У всякого Матвея своя затея; Как Иван Васин – на все согласен; Толкуй, Фетинья Саввишина, про ботвинью давешну; Я ему про Фому, а он мне – про Ерему;*

– хрононимы, называющие отрезки времени и праздники по церковному календарю: *С Петрова дня – красное лето, зелёный покос; На Илью до обеда лето – после обеда осень; Коли до Ивана (Купала) просо в ложку, то будет и в ложке; не хвались на Юрьев день посевам, а хвались на Николин день травой;*

– агонимы, служащие для номинации персонажей Ветхого и Нового Завета: *Ева Адама прельстила, весь род погубила; Живет как у Христа за пазухой; Давид молится да плачет, а Саул веселится и скачет;*

– мифонимы – имена сказочных мифических персонажей: *Баба-яга, вилами нога, весь мир кормит, сама голодна; Соловей-разбойник свистит – себя тешит; В те годы, когда царь Горох с грибами воевал;*

– исторические онимы – аллюзия на реально существовавших исторических лиц: *Приехал Кутузов бить французов; Пусто, словно Мамай прошел; Сколько Гитлер ни крути, а от смерти не уйти; Дмитрий и Борис за город подрались (отсылка к усобице между Борисом Константиновичем и Дмитрием Константиновичем Суздальскими из-за княжеского удела в Нижнем Новгороде в XIV вв.).*

М.Л. Ковшова также пишет о наличии в паремиологическом фонде русского языка литературных онимов, номинирующих персонажей сказок, художественных произведений, кино- и анимационных фильмов, например, *Буратино, Дюймовочка* [4], но нами таких пословиц и поговорок, к сожалению, выявлено не было.

Говоря об особенностях функционирования мужских антропонимов в русских паремиях, следует отметить следующее. Во-первых, за именем нет соответствия конкретному человеку, т.к. «собственные имена в паремиях и идиомах осуществляют особую, культурную, референцию к пространству культуры» [3, с. 172]. Во-вторых, введение антропонима в пословицу определяется утилитарной целью рифмовки суждения для запоминания: *Мели Емеля, твоя неделя; Федот, да не тот; Не всяк Филя – простофиля; Каков Савва, такова ему и слава; Дема, сиди дома! Пляши, Матвей, не жалея лаптей; Нашему Ваньке до женитьбы няньки.*

Наиболее частотным мужским антропонимом, используемым в русских паремиях, является имя *Фома* (118 употреблений): *Горюет Фома, что пуста у него сума; Фома в Москву пришел да скоро и родню нашел; Не бей Фому за Еремину вину; На безлюдье и Фома дворянин; Потужи о себе, а там и о Фоме.* При этом данное личное имя имеет 5 производных форм (*Фомище, Фомка, Фомушка, Фомка Фома, Фомушка Фома*), которые также употребляются в пословицах и поговорках: *Фомка вор: на долото рыбу удит; Фомка и на долото рыбу удит; У Фомки пили, да Фомку ж и били; У Фомушки денежки – Фомушка Фома; у Фомушки ни денежки – Фомка Фома; Указкою глупого Фомку не выучишь, ласкою наглого гостя не выгонишь; Один сынище, и тот Фомище.* Однако лишь у полного имени отсутствуют какие-либо оценочные коннотации, тогда как субъективно-оценочные суффиксы производных форм выражают негативное или пренебрежительное отношение либо к человеку, либо к ситуации.

Вторым по частотности употребления является имя *Иван* (98 примеров): *Нет имен супротив Иван, нет икон супротив Никол; Богат Иван – богат и пан; Ни в городе Иван, ни в селе Селифан*. В некоторых паремиях данный антропоним получает позитивную оценку своих качеств или действий, например: *Велика Федора, да дура, а Иван мал, да удал; Горе, горе, что муж Григорий, хоть бы болван, да Иван; Дядя Иван – и людям, и нам*. Однако в большинстве случаев *Иван* предстает глупым, лишенным счастья и удачи, бедным, голодным, а также подверженным вредным привычкам: *Когда у Ивашки белая рубашка, тогда у Ивашки и праздник; Нет воров супротив Романов, нет пьяниц супротив Иванов; Люби Ивана, а береги кармана; Нашему Ивану нигде нет талану; Крестил поп Иваном, да прозвали люди болваном; Иван в дудку играет, а семья с голоду умирает; Был у меня муж Иван – не приведи Бог и вам*.

Несмотря на то, что имя *Иван* по частоте употребления в паремиях уступает антропониму *Фома*, оно имеет большее количество форм имени (*Иван, Ваня, Ванька, Иванушка, Ивашка, Иванька, Иванович, Иваныч, Иван Андреич, Иван Иванович, Иван Петрович*): *Всякий черт Иван Иванович; Щеголь Ивашка: что ни день, то рубашка; На каждого Ивана своя Марья найдется; Чему Ваня не научился, того Иван не выучит; Шпрехен зи деиц, Иван Андреич? Один Иван – должно; два Иван – можно; три Иван – никак не возможно (сказал немец про Ивана Ивановича Иванова); Иванов, как грибов поганых; На Ваньке далеко не уедешь*.

По мнению О.В. Маруневич, антропоним *Иван* в русских паремиях зачастую функционирует не как имя личное, а как неофициальный этноним *русский*. Согласно мнению автора, для конструирования авто- и гетеростереотипов носители той или иной лингвокультуры используют распространенные антропонимы нации: рус. *абдул – татарин, мамед – уроженец Кавказа или Средней Азии; фриц – немец; англ. Маск – шотландец, Миск – ирландец, Аhab – араб* [8, с. 85].

Таким образом, проведенный анализ русских пословиц и поговорок, содержащих в себе компонент-антропоним, позволил прийти к следующим выводам. Во-первых, в паремиях личное имя функционирует как в полной форме (*Фома, Иван*), так и в производных (*Фомка, Ивашка, Ванька* и т.д.), имеющих как положительную, так и резко отрицательную оценку. Во-вторых, антропонимы в пословицах имеют собирательное значение и не привязаны к конкретному человеку, обладающему значимостью в русском национально-культурном пространстве. Выбор личного имени детерминирован лишь его созвучностью с поучительной интенцией паремии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воркачев С.Г. Культурный концепт и значение / С.Г. Воркачев // Труды Кубанского государственного технологического университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2003. – Т. 17. – Вып. 2. – С. 268–276.
2. Залевская А.А. Введение в психолингвистику / А.А. Залевская. – М.: Российский гос. гуманитар. ун-т, 1999. – 383 с.
3. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: антропонимический код культуры / М.Л. Ковшова. – М.: ЛЕНАНД, 2019. – 400 с.
4. Ковшова М.Л. Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах / М.Л. Ковшова. – М.: ЛЕНАНД, 2019. – 352 с.
5. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова. – М.: МГУ, 1996. – 350 с.
6. Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода / С.Х. Ляпин // Концепты. Научные труды Центркоцепта. – Архангельск: Изд-во Поморского гос. ун-та, 1997. – Вып. 1. – С. 11–35.
7. Маруневич О.В. К вопросу об эпистемологической сущности категории «концепт» / О.В. Маруневич // Философия права. – 2008. – № 6 (31). – С. 80–83.
8. Маруневич О.В. Концепт «иностранец»: лингвокогнитивный и аксиологические аспекты (на материале русского и английского языков): дисс. ... канд. филол. наук / О.В. Маруневич. – Пенза, 2009. – 258 с.
9. Савенкова Л.Б. Русская паремиялогия: семантический и лингвокультурологический аспекты / Л.Б. Савенкова. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского гос. ун-та, 2002. – 240 с.
10. Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как системное образование / Г.Г. Слышкин // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2001. – № 1. – С. 29–34.
11. Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта / И.А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2001. – С. 58–65.
12. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
13. Чесноков П.В. О взаимодействии формальных типов языковых и логических построений / П.В. Чесноков // Язык и мышление. – М.: Наука, 1967. – С. 88–102.

АННОТАЦИЯ

Калинина А. А. Антропоним как основной тип ономастических концептов (на материале русской паремииологии)

Статья посвящена анализу антропонимов, зафиксированных в пословицах и поговорках русского языка. Нами были выявлены основные типы, формы и семантика личных имен, формирующих мужской паремииологический ономастикон. Нами также было доказано, что в паремиях личное имя имеет собирательное значение и может быть использовано для иллюстрации различных бытовых ситуаций.

Ключевые слова: антропоним, ономастический концепт, пословица, оценочная коннотация, семантика.

SUMMARY

Kalinina A. A. Anthroponym as the essential type of onomastic concepts (on the material of Russian paremiology)

The paper is focused on analyzing anthroponyms in the proverbs and sayings of the Russian language. We have identified the main types, forms and semantics of personal names that form the male paremiological onomasticon. We have also proved that in proverbs a personal name has a collective meaning and can be used to illustrate various everyday routines.

Key words: anthroponym, onomastic concept, proverb, evaluative connotation, semantics.

*С. В. Карний
(г. Донецк, ДНР)*

УДК 070; 81; 82

**ЯЗЫКОВОЙ АСПЕКТ СФЕРЫ ВЛИЯНИЯ ПЕЧАТИ
ДОНБАССА В ПЕРИОД ПЕРЕИМЕНОВАНИЯ
СТАЛИНО (9 НОЯБРЯ 1961 Г.)**

Смена названия промышленного центра и самого региона отобразилась на содержательной части изданий, задачей которых, среди прочего, стало проведение политики культивирования в сознании населения чувства идентификации себя с Донбассом – металлургическим, угольным, машиностроительным, полиэтнокультурным краем. На данный аспект обращает внимание Н. П. Курмакаева, отмечая, что в языке и номинациях городского пространства, культуры, литературы и глокальных СМИ получили закрепление концепты «шахтёрского» и «донбасского» кластеров [3,

с. 179]. Данные тенденции свойственны и периоду переименования промышленного регионального центра Сталино в Донецк.

В 1960 г. система печати Донбасса эволюционировала на фоне развития регионального радио- и телевидения, основной из функций которого являлось, утверждает Е. В. Манжула, всестороннее освещение задач и целей ВЛКСМ, для чего, по данным исследователя, комплексно задействовались доступный материально-технический инструментарий, а также кадровый потенциал профильных комитетов Донбасса. Так, в СМИ преимущественно отображалась работа молодёжи, касающаяся строительства в регионе сельскохозяйственных объектов [4, с. 27].

На газету «Вперёд» в информационной сфере Донбасса была возложена функция освещения достижений в сельскохозяйственной отрасли. Издание принадлежало Донецкому обкому КП Украины и областному Совету депутатов трудящихся по Артёмовскому территориальному производственному колхозно-совхозному управлению (июнь 1962 – декабрь 1977 г.). В самом Артёмовске тоже выходила в свет с таким же названием газета «Вперёд», формировавшая нравственные и социальные идеалы селян в качестве печатного органа парткома Артёмовского производственного колхозно-совхозного управления Артёмовского горкома партии, районного и городского Советов депутатов трудящихся (июль 1963 – 2001 г.). В 2001 г. издание стало Артёмовской гражданской газетой. «Заря Приазовья», газета Донецкого обкома КП Украины и облисполкома по Володарскому производственному территориальному колхозно-совхозному управлению, позиционировала нормы общественного поведения (январь 1963 – декабрь 1966 г.). «Маяк» был одним из наиболее читаемых изданий Красноармейского городского и районного комитетов КП Украины, городского и районного Совета депутатов трудящихся (январь 1963 – декабрь 1970 г.). Массовой стала газета «За коммунизм» – орган партийной, профсоюзной организаций и дирекции племзавода «Диктатура» Володарского района Донецкой области (июнь 1964 – декабрь 1967 г.).

Расширением контингента читателей, публикуя познавательные и информационные материалы, занимался «Голос колхозника» – орган партийной организации и правления колхоза «Родина» Володарского района Донецкой области (январь 1965 – декабрь 1966 г.). Непрерывным источником достоверной и официальной информации для своей аудитории стала украинская газета «Колгоспна праця» – орган партийной организации и правления колхоза им. Шевченко Николаевского сельсовета Волновихского района Донецкой области (май

1964 – декабрь 1967 г.). Ещё одно украиноязычное издание с созвучным названием «Колгоспне життя» в качестве органа парторганизации и правления колхоза им. Горького Звановского сельсовета Славянского района актуализировало проблемы того времени, побуждая аудиторию к поиску их решений (май 1964 – декабрь 1967 г.). На проявлении билингвизма вследствие украинизации региона также акцентируется внимание В. Ю. Даренского, исследовавшего природу ментальных конфликтов в Украине. Учёный указывает также на то, что данная государственная политика в отношении Донбасса являлась неоправданной, так как, по его словам: *«элементы украинской культуры здесь существуют только в качестве отдельных «мозаичных» вкраплений, притом чаще всего весьма искусственных, навязанных государством»* [1, с. 43]. В колхозе им. Фрунзе с. Терны Краснолиманского района издавался партийной организацией и правлением свой печатный орган «За коммунизм» (январь 1965 – декабрь 1967 г.).

С января 1965 по декабрь 1967 г. положительными фактами в своих номерах оперировало издание «Колхозное знамя» – орган парторганизации и правления колхоза им. Калинина Староигнатьевского сельсовета Волновахского района. Агитировала, пропагандировала и воспитывала трудящихся газета «Колгоспне життя» – орган парторганизации и правления колхоза им. XXII съезда КПСС Волновахского района (январь 1965 – декабрь 1967 г.). Организовывать народные массы в своё время была призвана газета Центрального комитета ЛКСМ Украины «Комсомольское знамя» (январь 1965 – декабрь 1973 г.).

В 60 – 70-х гг. вместе с успешным индустриальным Донбассом высокоразвитыми становились и СМИ, обслуживающие интересы его жителей, а также предприятий, устанавливающих прочные экономические и международные связи. Их основной функцией становится освещение деятельности многоотраслевого сельского хозяйства и развитой транспортной сферы. Фокус внимания газетно-издательской инфраструктуры был также устремлён на информационную поддержку научной и культурной сфер.

Широкий аспект общественных функций был свойственен изданию «Луч Ильича», печатавшийся с марта 1965 по декабрь 1986 г. Амвросиевским районным комитетом КП Украины и районным Советом депутатов трудящихся. Печатный орган парткома, объединённый построением профсоюза и управление треста «Горловскхимстрой» социальное управление реализовывал посредством газеты «Строитель» (сентябрь – декабрь 1965 г., январь – декабрь 1967 г.). Речевой стиль массовой коммуникации в информационной среде Донбасса формировала также газета

«Антрацит» – орган партийного бюро, шахткома и администрации ш/у № 2 «Давыдовское» г. Кировского (январь – декабрь 1966 г.). Речевые традиции продолжала и одновременно закладывала также массовая газета «Во славу Родины» в качестве инструмента партбюро, шахткома профсоюза, администрации шахты № 9 треста «Горезантрацит» (январь 1966 – декабрь 1967 г.) на русском языке. А «Гірницька праця» как орган партийного бюро, шахткома профсоюза и администрации шахты № 3 «Доброполье» осуществляла коммуникацию на украинском (январь – декабрь 1966 г.). Образность, фактологическое содержание, авторский и газетно-публицистический стиль присущи изданию «Знамя труда», в своё время служившим органом Волновахского районного комитета КП Украины и районного Совета депутатов трудящихся Донецкой области (январь – декабрь 1966 г.).

Классовых интересов придерживалось медиа «За цикличную работу» – орган партбюро, шахткома профсоюза и шахтоуправления № 10 треста «Селидовуголь» (январь – декабрь 1966 г., январь – декабрь 1967 г.). Такими характерными признаками, как эмоциональность, образность, экспрессивность, отличалось издание «За комплексную механизацию» – орган парткома, шахткома профсоюза и управления ордена Ленина шахты № 9 треста «Снежнянскантрацит» (январь – декабрь 1966 г.).

Воздействием путём агитации, пропаганды, коммуникации, убеждения массовой аудитории выражалась «Зоря комунізму», издаваемая Краснолиманским районным комитетом КП Украины и районным советом депутатов трудящихся Донецкой области (январь – декабрь 1966 г.). Имплиcitную и эксплицитную стратегии в освещении деятельности угольного предприятия придерживался редакционный коллектив под руководством парткома, шахткома профсоюза и шахтоуправления им. М. Горького, осуществляя подборку новостей для очередного номера газеты «За передовую шахту» (январь 1966 – декабрь 1967 г.).

Социальная оценка со свойственными ей лингвистическими и экстралингвистическими факторами как воздействующий языковой признак газеты была присуща контенту печатного органа «Красное знамя», выпуск номеров которого обеспечивал райком КП Украины и районный Совет депутатов трудящихся Донецкой области (январь – декабрь 1966 г.). Идеологизированность свойственна и материалам периодического издания «Ленинское слово», сбором которых занимался партком и администрация строительства Славянской государственной районной электростанции им. 50-летия Великой Октябрьской

социалистической революции г. Славянска (январь – декабрь 1966 г.). Политико-идеологического стиля повествования придерживался «Металлист» в качестве печатного органа парткома, завкома и дирекции Артёмовского завода цветных металлов им. Э. И. Квиринга (январь 1966 – декабрь 1967 г.).

Композиционно-стилевые приёмы публицистического языка присущи газете «Новая жизнь», органу Старобешевского райкома КП Украины и районного Совета депутатов трудящихся Донецкой области (март – декабрь 1966 г.). Особой стилистикой, выражаемой в простоте, доступности и ясности изложения текста, выделялось издание «Правда Украины» – орган Центрального Комитета Коммунистической партии Украины, Верховного Совета и Совета Министров УССР (январь 1966 – декабрь 1977 г.). Характер взаимодействия с адресатом различными языковыми средствами прослеживался в издании «Прапор праці», органе Волновашского районного комитета КП Украины и районного Совета депутатов трудящихся (январь – декабрь 1966 г.).

Нестандартный тип общения с читательской аудиторией был присущ изданию «Металлург» как органу партийного комитета, завкома профсоюза, управления Донецкого металлургического завода (январь 1966 – декабрь 1967 г.). «Промінь» выполнял контактоустанавливающую задачу, поставленную парткомом, профсоюзной организацией и администрацией шахты «Украина» (январь 1966 – декабрь 1967 г.). «Путь к коммунизму» на своих страницах реализовывал непринуждённое общение с аудиторией, побуждая её к межличностной, групповой и массовой коммуникации. Издание осуществляло свою деятельность в качестве органа Великоновоселковского РК КП Украины и районного Совета депутатов трудящихся (февраль – декабрь 1966 г.). Ценностно-ориентирующая и директивная риторика свойственна контенту газеты «Радянський патріот» – органа Александровского районного комитета КП Украины и районного Совета депутатов трудящихся Донецкой области (январь – декабрь 1966 г.). Донецкая газета «На будові» также обслуживала сферу общественных взаимосвязей в качестве органа ордена Трудового Красного Флага управления Донбассканалстрой и объединённого стройкома профсоюза (январь 1966 – декабрь 1967 г.). На страницах украинской газеты «Під прапором Леніна» прослеживается дифференцированный публицистический стиль, поддерживаемый Марьинским районным комитетом КП Украины и районным Советом депутатов трудящихся Донецкой области (январь – декабрь 1966 г.).

Массовоинформационный язык использовал при изложении информационно-аналитических материалов «Ясиноватский

машиностроитель» – орган партийной организации, комсомольской организации и дирекции Ясиноватского машиностроительного завода (январь – декабрь 1966 г.). «Строитель коммунизма», орган Новоазовского райкома КП Украины и райсовета депутатов трудящихся Донецкой области, синтезировал различные языковые стили для изложения в информационном пространстве общественных мнений (январь – декабрь 1966 г.).

Специфический профессиональный язык был свойственен газете «Трибуна тваринника», ставшей органом партийной, профсоюзной организации и дирекции совхоза «Добропольский» (январь – декабрь 1966 г.). Самостоятельным функциональным стилем речи среди других изданий выделялась специализированная газета «Ясиновский коксохимик» – орган парткомитета, завкома профсоюза и дирекции Ясиновского коксохимического завода (февраль 1966 – декабрь 1967 г.).

Функционально-стилевые языковые объединения применяла Шахтёрская жизнь» под руководством партбюро, шахткома профсоюза и администрации шахтоуправления «Бутовская» треста «Макеевуголь» (январь 1966 – декабрь 1967 г.). Для привлечения внимания аудитории посредством языковых приёмов функционально-стилевое единство в текстах использовал в 1966 г. «Строитель». Его своим печатным органом сделали партком, объединение постройкома профсоюза и управление треста «Горловскхимстрой». «Социалистический труд» также отличался специфической тематикой исходя из информационных потребностей профессиональной аудитории, удовлетворением которых занимались партийный и профсоюзный комитеты, а также управление Докучаевского флюсо-доломитного комбината (январь 1966 – декабрь 1967 г.).

Свой воздействующий потенциал, которым в тот период обладали СМИ, пользовался «Шахтёр». Его редакционную политику в 1967 г. определяли партийная профсоюзная организация и управление Ордена Трудового Красного знамени шахты «Центральная» – предприятия коммунистического труда. Частью общественно-бытовой жизни населения Енакиево стал «Авангард» – орган парткома, стройкома профсоюза и администрации треста «Енакиевометаллургстрой» (август – декабрь 1967 г.). Качественно-массовой газетой информационного пространства стал «Азовский моряк» – орган партийного комитета, комитета плавсостава и администрации Азовского управления углерудовозного флота (январь – декабрь 1967 г.).

Идеологический дискурс лингвистическим инструментарием в виде высказываний и текста продолжал «Радянський шахтар»

с учётом редакционной политики партийной, профсоюзной организаций и администрации шахты «Донецкая» треста «Торезантрацит» (январь – декабрь 1967 г.). Экстралингвистические факторы при создании журналистских текстов учитывались в газете «Радянский шахтар», находившейся в прямом подчинении партийной, профсоюзной организаций и администрации шахты «Донецкая» треста «Торезантрацит» (январь – декабрь 1967 г.).

Отдельный информационный дискурс вёлся на страницах номеров газеты «Победа труда» – орган партийной, профсоюзной и комсомольской организаций и дирекции предприятий (январь – декабрь 1967 г.). «Почётный труд» как продукт речевой деятельности в виде печатного текста распространялся с 1969 по 1976 г. под руководством партийной, профсоюзной организаций и администрации СУ № 12 треста «Красноармейскшахтострой» (январь 1969 – декабрь 1976 г.).

Развитие печати Донбасса в глобальном контексте происходило, пишет Н. Р. Красовская, параллельно с зарождением в США и Западной Европе понятия «информационная война» вместе с осознанием значительной роли прессы на данном поприще, после чего началось вложение значительных ресурсов для ведения информационного противостояния. По мнению исследователя, преимущество оставалось за западными странами по причине наличия в советской системе значительных недостатков в печатном деле [2, с. 55]. Один из них, по мнению С. М. Самуйлова, жёсткая идеологическая цензура в условиях однопартийной системы, из-за чего не только журналисты, но и исследователи вынуждены были соответствовать догмам марксистско-ленинского учения о взглядах на исторические события в контексте логической смены общественно-экономических процессов [6, с. 5].

Речевой код Донбасса в политико-идеологическом информационном тексте распространялся (январь 1971 – декабрь 1983 г.) изданием «Рабочая газета», органом ЦК КП Украины. В качестве влиятельного канала для сообщений в газетно-журнальной издательской сфере долгое время служил орган Донецкого горкома КП Украины и городского Совета депутатов трудящихся в виде газеты «Вечерний Донецк» (июль 1973 – декабрь 2006 г.). Частью дискурсивного пространства Донбасса в данный период также стали: «Ворошиловградская правда» (январь – декабрь 1974 г.), «Известия» (январь 1973 – декабрь 2004 г.) – общенациональная газета (Украинский выпуск), «Прогресс» – орган парткома, профкома комитета ЛКСМУ и дирекции хлопчатобумажного комбината им. XXV съезда КПСС (сентябрь – декабрь 1976 г.).

Далее развитие прессы продолжится в эпоху перестройки, в период которой, говоря о качестве региональной печати,

А. О. Поклонский отмечает, что региональная печать в своём большинстве не утруждается созданием оригинальных текстов, свидетельством чему являются одинаковые приписки «От редакции» [5, с. 49].

Причиной возникновения в период переименования Сталино в Донецк такого количества газет, обслуживающих населённые пункты, предприятия и организации, стала урбанизация советского региона, в котором не было национал-радикальных проявлений межнациональной или межэтнической розни. Благодаря СМИ они являлись этнокультурно однородными. Объединяющим фактором являлся русский язык, литература, медиа, культура, ценности, философия, идеология, историческая принадлежность к русской цивилизации, сформировавшейся к концу XX ст.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даренский В. Ю. Региональные типы модерна в Украине как источник ментальных конфликтов / В. Ю. Даренский // Историческая психология и социология истории. – 2014. – Т. 7. – № 1. – С. 38-55.
2. Красовская Н. Р. Информационные войны на территории бывшего СССР / Н. Р. Красовская, А. А. Гуляев // Гуманитарные проблемы военного дела. – 2019. – № 2(19). – С. 51-58.
3. Курмакаева Н. П. Динамика лингвокультурной ситуации региона в языке местной прессы / Н. П. Курмакаева // Культура в фокусе научных парадигм. – 2020. – № 10-11. – С. 178-186.
4. Манжула, Е. В. Участие регионального телерадиовещания Украинской ССР в реализации целей и задач ВЛКСМ в 1960-1980-х гг. (на примере Луганской области) / Е. В. Манжула // Мanuscript. – 2020. – Т. 13. – № 6. – С. 25-29. – DOI 10.30853/manuscript.2020.6.4.
5. Поклонский А. О. Пресса Донбасса в эпоху перестройки (1985-1991 гг.) / А. О. Поклонский // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. – 2021. – № 1. – С. 46-51.
6. Самуйлов С. М. Мы поняли многое о США ещё в СССР / С. М. Самуйлов // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2017. – № 12(576). – С. 5-20.

АННОТАЦИЯ

Карпий С. В. Языковой аспект сферы влияния печати Донбасса в период переименования Сталино (9 ноября 1961 г.)

В статье впервые с применением историографического и лингвистического подходов представлен подробный перечень

газет, функционировавших на территории Донбасса в период переименования Сталино в Донецк и формировавших глокальное информационное пространство, общественное сознание, принципы журнализма, на которые опирается современная медиасистема государства с отложенным политическим статусом (Донецкая Народная Республика). Представленная ретроспектива свидетельствует о наличии в крупнейшем русскоязычном регионе развитой системы газетного производства, а также – журналистики как общественного института, формирующего лингвокультурную ситуацию в условиях вооружённого противостояния, что имеет сходные черты с современными процессами на Донбассе.

Ключевые слова: язык, речь, лексика, стилистика, жанр, лингвистика, лингвокультурная ситуация, печать, пресса, журналистика, СМИ, информационное пространство, самоидентификация.

SUMMARY

Karpiy S. V. Linguistic aspect of the sphere of influence of the press of Donbass during the renaming of Stalino (November 9, 1961)

The article for the first time using historiographical and linguistic approaches presents a detailed list of newspapers that functioned on the territory of Donbass during the Great Patriotic War and formed the glocal information space, public consciousness, the principles of journalism, which are based on the modern media system of the state with a delayed political status (Donetsk People's Republic). The presented retrospective testifies to the presence in the largest Russian-speaking region of a developed system of newspaper production, as well as journalism as a public institution that forms the linguocultural situation in the context of armed confrontation, which has similar features with modern processes in Donbass.

Key words: language, speech, vocabulary, stylistics, genre, linguistics, linguistic and cultural situation, press, journalism, media, information space, self-identification.

С. А. Колода
(г. Чунцин, КНР),
Ван Ляньцэн
(г. Чунцин, КНР)

УДК 347.78.034

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ИМЕН СОБСТВЕННЫХ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА КИТАЙСКИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ С ПОЗИЦИИ КИТАЙСКОГО ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Одним из наиболее сложных вопросов в переводоведении остается проблема адекватного перевода имен собственных. Несмотря на то, что исследований на эту тему достаточно как российской, так и в зарубежной лингвистике, в практике и теории китайского переводоведения поиск эквивалентов для иноязычных антропонимов и топонимов – задача достаточно сложная, требующая не только четких лингвистических, культурологических и социально-исторических оснований, но и значительных творческих усилий переводчика. Не имея значительной подготовки, обширных фоновых знаний в иноязычной культуре, «обычный» читатель перевода художественного произведения на китайский язык не всегда может легко и однозначно отделить имя собственное от имени нарицательного из-за отсутствия формальных признаков. В китайской иероглифической письменности, как известно, нет заглавных букв, что могло бы помочь отделить имя собственное от нарицательного. Кроме того, содержательный аспект не всегда дает четкое понимание специфики имени как грамматической категории. Также в китайской традиции любое слово может быть выбрано в качестве имени собственного, т.е. диапазон китайских имен собственных неограничен. Ряд исследователей справедливо отмечает, что «... при восприятии русского художественного текста китайским реципиентом (который изначально не является целевым адресатом), значение и особенности употребления имен собственных могут «пройти мимо» для читателя, если их не почувствовал и не выразил в тексте переводчик» [12, с. 46]. Поэтому нам кажется крайне важным рассмотреть методы и приемы перевода имен собственных в переводах художественной прозы с русского языка на китайский, а также представить некоторые теоретические положения, характерные для теории перевода имен собственных в Китае.

Существуют значительные различия между западной и китайской теорией перевода. История западного перевода была

связана с внутренним и внешним обменом между различными культурами, с историей взаимной интеграции и постоянного развития, культурного обмена. Классическая китайская теория перевода характеризуется консервативными взглядами, верностью своим ценностям, лингвистическим традициям, что всегда находило отражение в переводческой деятельности. Кроме этого, необходимо сказать, что становление современной теории перевода с китайской спецификой сопровождалось спорами двух лагерей академического сообщества, а именно сторонниками традиционной школы перевода и сторонниками следования зарубежной теории перевода [10]. В настоящее время политика в области развития переводоведения следует принципам уважения к традиции с учетом заимствования и интерпретации идей мировой науки. Стоит отметить, что китайская теория переводоведения является развивающейся наукой, которая берет за основу актуальные проблемы переводов в Китае, а также стремится к преодолению превосходства идеологии в пользу объективности перевода.

Самую известную работу «Эволюция» по теории перевода в Китае Янь Фу написал столетия назад, но концепция «достоверность, выразительность, изящество» (信, 达, 雅) все еще является ведущей для китайских переводчиков. Впоследствии его идея «верности» была признана «ядром» китайской классической традиционной теории перевода. Формулу «достоверность, норма, стиль» стали считать главными правилами перевода, а критерий «верности» стал символом национальной специфики теории перевода в Китае [2, с. 50]. На данный момент китайская модель перевода может быть описана как лингвистическая, т.е. стремящаяся к распространению на перевод собственных психологических и лингвистических постулатов. Заимствование новых идей из международного переводческого опыта, например, теория эквивалентности Ю. Найды. Известный китайский лингвист и теоретик перевода Лю Мицин, опираясь на принципы Янь Фу, предлагает рассматривать критерии перевода, выделяя три плоскости переводческой деятельности: семантическую, логическую и эстетическую. Эстетика языка имеет значение при переводе не только литературных, но и любых других произведений [16].

Важное место в развитии теории перевода в Китае занимают работы советских и российских лингвистов и переводчиков. В.Ф. Щичко отмечает влияние на китайскую науку о переводе зарубежного переводоведения, прежде всего западных ученых. Хотя китайские исследователи знакомы и с работами советских и российских ученых в области перевода [14, с. 23]. Среди них можно отметить исследования В.Н. Комиссарова, Л.К. Латышева. По

мнению Ван Мэняо, «на переводческую науку Китая значительное влияние оказала советская школа переводоведения» [2, с. 14].

Китайская исследовательница Ван Мэняо отмечает, что «лингвистическая модель перевода как более близкая китайской ментальности остается господствующей в науке о переводе, а «верность» – основным критерием перевода» [3, с. 12]. В данном случае речь идет о верности оригиналу. Эта модель китайской теории перевода продолжает зарубежную теорию переводческой эквивалентности.

Проблемы перевода антропонимов и топонимов с иностранного языка на китайский связаны с рядом лингвистических, исторических и социокультурных факторов:

1) особенности иероглифической письменности и грамматики изолирующих языков, к которым относится китайский;

2) существование в китайском переводоведении двух концепций, поддерживающих традиционные и инновационные методы и приемы перевода имен собственных;

3) появление за короткий период исторического развития языка иноязычных слов, в том числе имен собственных и названий всемирно известных брендов, что вызвало необходимость быстрого поиска эквивалентных замен иностранных названий и имен;

4) мощное экономическое и общественно-политическое развитие КНР с началом реформ и открытости, быстрая глобализация КНР и необходимость создания или изменения устоявшихся ранее переводов антропонимов и топонимов.

Остановимся более подробно на этих факторах и предложим приемы перевода имен собственных.

1. Наиболее часто употребляемые методы перевода имен собственных – транскрипция и транслитерация. Когда речь идет о переводе на китайский язык, ситуация осложняется тем, что почти все слоги китайского языка – значимые слова. Есть некоторое количество слогов, которые используются только для того, чтобы передавать фонетику в именах и заимствованиях, но подобных слогов очень мало. Задача осложняется тем, что в китайском языке существуют иероглифы с различным написанием, но одинаковым звучанием. Следовательно, даже идя по пути фонетического перевода, приходится решать, какой из иероглифов с таким звучанием выбрать. Такой выбор для переводчика обусловлен значением иероглифа. При передаче имен собственных на китайский язык используется комбинированный подход. С одной стороны, имена передаются с помощью поиска фонетически близкого аналога. С другой, при наличии нескольких равнозначных

вариантов транскрипции, выбор производится по эмпирическим правилам, зачастую по личному отношению к носителю имени. Подобная окраска может приводить к качественному изменению отношения остальных носителей языка к данному человеку, что является неприемлемым [4]. При этом необходимо учитывать, что в китайском языке иероглиф имеет значение, которое может быть положительное, отрицательное и нейтральное.

В данном случае предлагают использовать сопоставление слогов китайского языка иероглифам, значение которых несет нейтральную или положительную окраску. При этом в случае отсутствия для некоторых слогов специального иероглифа, использующегося для заимствований и прочих фонетических соответствий, представляется целесообразным использовать сходные по прочтению иероглифы. Кроме того, в китайском языке личное имя состоит из двух частей: фамилия и имя; обычно фамилия состоит из одного или двух иероглифов, также и имя, т.е. большинство китайских личных имен состоит из двух и трех иероглифов, чаще из трех иероглифов, реже из четырех иероглифов. В то время как в русской речевой традиции используется имя, отчество и фамилия. Такое сочетание вызывает много трудностей как для переводчика, так и для читателя, поскольку невозможно выбрать морфологический компонент в китайском языке, который бы соответствовал русским суффиксам женских отчеств -овна, -евна, а также окончаний женских фамилий -а, -ая. Значит, надо подобрать эквивалентный и несущий нейтральный смысл иероглиф. Подобные окончания русских имен, отчеств и фамилий в китайском переводе могут выглядеть так: -кая 卡娅, -нова 诺娃, -нович 诺维奇, -ров 罗夫 и т.д.

Здесь нам кажется уместным привести один из принципов перевода, который сформулировал китайский лингвист Линь Юйтай: «Переводчик должен передавать не только смысл, но и дух оригинала; перевод должен точно соответствовать смыслу и духу слова и предложения, а также экстралингвистическому смыслу» [2, с. 51].

В некоторых случаях для перевода на китайский язык используются традиционные для выбора имени компоненты, т.е. иероглифы, обозначающие силу, мужество (力, 立, 利, 勇, 荣, 诺) для мужских имен, красоту, названия цветов, птиц (丽, 花, 蕾) для женских.

В отношении перевода топонимов мы предлагаем переводить только их исходные части, а суффикс и окончание (-ий -ая) не переводить, потому что они не имеют значения в плане содержания и при переводе дадут два дополнительных иероглифа, в результате чего получатся имена собственные более

6-7 иероглифов, что создаст трудности для чтения и запоминания. Например, Невский проспект переводится как 涅瓦大街, (суффикс -ск-, и окончание -ий не переводится); Николаевский вокзал 尼古拉火车站; Каменноостровский проспект – 卡缅诺奥斯特罗夫大街; Офицерская улица – 阿费茨勒街, Монетная улица – 莫涅特街 [1, с. 62–63].

В китайском языке собственные существительные обозначают отдельных лиц, а также единичные предметы и явления, также они могут обозначать относительный признак предмета [5, с. 8]. Исследователи-синологи отмечают, что грамматически китайские имена собственные близки к личным местоимениям [6, с. 56]. При этом в китайском языке отсутствует категория рода и числа, в отдельных случаях род выделяется лексически. Также существительные нейтральны в отношении числа. В отдельных случаях число выделяется морфологически с помощью суффикса 个 [Горелов, с. 11]. Например, два китайских имени 小力 мужское имя 小 (彼\晓) 丽 женское имя 丽 имеют разное написание, но будут звучать одинаково – Сяо Ли. До тех пор, пока не будет четкого указания на пол человека, которому принадлежит это имя, понять, что это мужчина или женщина, не представляется возможным. Таким образом, возникает необходимость выбора такого идентификатора, который позволит отделить женские имена собственные от мужских в переводах иноязычных текстов на китайский язык. Чтобы различать мужские и женские имена, принято выбирать иероглиф, соответствующий традиции наименования мужчин или женщин. Например, 力 обозначает силу, 丽 обозначает красоту. Оба иероглифа звучат «ли». Первое для мужских имен, а второе для женских.

2. В китайской науке о переводе сегодня существует несколько правил передачи имен собственных с иностранного языка на китайский. В общих чертах их можно описать следующим образом:

а) следование общепринятому варианту: Москва 莫斯科, Россия 俄罗斯, Санкт-Петербург 圣-彼得堡;

б) учет произношения оригинального языка: корабль “Аврора” 阿芙乐尔 “巡洋舰” 哈巴罗夫斯克;

в) соблюдение правил единой транслитерации китайского языка. Это правило используется при переводе имен собственных с русского на китайский или с китайского на русский языки. В Китае вышла книга самого авторитетного издательства «Синьхуа» по транслитерации русских имен на китайский язык, которая является главным руководством к транслитерации. Для того чтобы избежать произносительных совпадений с ненормативной лексикой, нужно использовать правила, представленные в

указанной таблице единой транслитерации. Этот источник является важным подспорьем для современных переводчиков с иностранного языка на китайский. Например, в этом издании мы можем почерпнуть такие антропонимы: Анна – 安娜 (Светлана-Светлановна) Ольга – 奥莉加, а не 奥力雅 Иван – 伊万, а не 伊凡 Медведев – 梅德韦杰夫, а не 麦德维戴夫, Вронский – 沃龙斯基.

Если иноязычное имя собственное уже имеет устоявшийся вариант перевода, то оно используется в соответствии с данной нормой.

3. Иноязычные слова и названия появляются в китайской культуре и языке достаточно давно. Имеющиеся исторические данные говорят о том, что перевод буддийских писаний в Китае начался в конце династии Восточная Хань (25 – 220 г. н.э.) и получил максимальное развитие во времена Вэй, Цзинь, Южной и Северной династий. Т.е. необходимость поиска перевода имен собственных возникает достаточно давно. Однако в контексте нашего исследования мы учитываем более поздний период, когда в конце XIX – начале XX вв. вследствие значительных политических, социальных и экономических преобразований в Китае проникает большое количество иностранцев, иностранных товаров и западной культуры. В XX в. возникает необходимость выбора перевода названий всемирно известных брендов, что до сих пор представляет определенную переводоведческую проблему для китайского языкознания [9]. И если для перевода названий иностранных брендов используются, в основном, три способа: калькирование, транслитерация и адаптация [7], то для перевода имен собственных в художественном тексте способов перевода употребляется больше.

4. «Несмотря на то, что антропонимы относятся к именованию людей и только людей, этот единственный объект дает чрезвычайно сложный спектр категорий имен, что связано с историей культуры, особенностями психологии людей, с традициями и многим другим» [11, с. 174]. Это замечание как нельзя лучше описывает ситуацию в китайском переводе. Китайский исследователь Ху Ешуан отмечает, что имена исторических фигур переводятся по-разному в зависимости от исторических фактов. Например, русская фамилия «Блюхер» обычно переводится как «布柳赫尔», но если речь идет о В. К. Блюхере, который под псевдонимом «З. В. Галин» был главным военным советником Сунь Ятсена, то нужно переводить как «加伦» [13, с. 283].

Решить вопрос с выбором перевода антропонимов еще сложнее, если такие имена не включены в словарь перевода имен собственных или они являются частью художественного

образа литературного персонажа. Тогда переводчику необходимо выбрать один из двух переводческих приемов: транскрипцию или транслитерацию. Для перевода имен без устойчивых переводов часто используется метод транскрипции. Если речь идет о прозвище, то либо переводится оригинальное имя, либо дается транскрипция, а потом комментарий. Кроме того, надо обратить внимание на то, как и какие иероглифы употребляются при переводе [12, с. 15; 1]. Как мы уже отмечали, к китайским словам, состоящим из иероглифов, нельзя применить традиционную европейскую систему словообразования. Например, уменьшительно-ласкательные суффиксы, характерные для антропонимов славянских языков. Форма китайских иероглифов неизменна, однако почти все они имеют два признака – ключ и фонетик. Ключ является семантическим ядром общего значения иероглифа. Например, графема 女 означает женщину или женский пол, поэтому она часто выступает ключом в иероглифах, которые используются в женских именах. Иероглифы с ключом 女 «женщина» находим в следующих антропонимах в переводах «Капитанской дочки» А.С. Пушкина (переводы выполнены в разных редакциях разными переводчиками): 华西里耶夫娜 – Васильевна, 玛丽娅 – Марья, 哈尔洛娃 – Харлова; в переводе романа «Анна Каренина» Л. Толстого: Анна – 安娜 (Долли) – 陶丽.

Поскольку калькирование как метод перевода имен собственных с русского языка на китайский невозможен эффективным приемом будет подбор эквивалента на китайском языке с последующим комментарием. Д. И. Ермолович выделяет среди разных приемов перевода имен собственных «комментирующий перевод, то есть использование ономастического соответствия, дополненного комментарием в примечании или приложении» [8, с. 34–36]. Например, Ундина 温基娜 (水神) (дух воды) в повести О. Мандельштама «Египетская марка».

Обратим внимание, что при переводе одного и того же текста разными переводчиками могут использоваться разные по степени глубины комментарии. При переводе имени собственного *Лизавета* в повести Пушкина «Капитанская дочка» пять переводчиков в своих неповторяющихся графических вариантах использовали иероглиф 丽 «красивый»: 丽萨维塔 (Сунь), 伊丽萨维塔 (Хуан), 丽莎维塔 (Фэн); 伊丽萨维塔 (Чжи); 丽莎贝塔 (Лю).

Интересный пример комментирования перевода имен собственных в романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка» приводят О.П. Трофимова, Я.И. Полухина и Тун Цзян. Это эпиграф к главе, позволяющий читателю получить некоторое представление о содержании следующего текста. Например: 克尼亚日宁 – Княжнин (из эпиграфа к первой главе); 赫拉斯科夫 –

Херасков (из эпиграфа к десятой главе); в то же время: 歌谣 – песня (из эпиграфа в шестой главе) [12, с. 52].

Одним из видов комментирования мы можем назвать т.н. семантический перевод, который активно используется при переводе имен собственных в художественных текстах с русского языка на китайский. Приведем примеры такого перевода из романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: Бездомный – 无家汉, 流浪汉; Бегемот – 河马, 黑猫 (здесь переводчик уточняет «черный кот»); Мастер – 大师 (семантическое значение в китайском языке «великий мастер») [15, с. 283].

Приведем примеры семантического перевода из повести О.Мандельштама «Египетская марка»: костел Гваренти 天主教堂圣叶卡捷琳娜 (церковь Екатерина в Санкт-Петербурге), Кокоревский склад – 科科列夫仓库 (Кокорев – хозяин склада), Калинин 卡林基诺桥 (мост Калинин).

Использование только транскрипции и транслитерации как ведущих методов перевода имен собственных с иностранного языка на китайский, на наш взгляд, является недостаточным. Современные китайские читатели переводной художественной литературы более погружены в иноязычную культуру, они имеют больше возможностей получить дополнительную информацию об истории и современном развитии других стран, поэтому и их требования к переводу более высоки. Китайская теория перевода, одним из принципов которой является необходимостью учета культурных факторов иных языков и стран, позволяет нам выдвинуть фонетический и семантический способы переводы как характерные для перевода текстов художественной прозы на китайский язык.

Согласимся с мнением наших коллег, что комментарий при переводе имен собственных на китайский язык – важная часть художественного текста-перевода. Он позволяет погрузить китайского читателя в атмосферу оригинального художественного текста, дает возможность увидеть в иероглифическом тексте живую канву русского текста, дешифровать и глубже понять текст оригинала. «Комментарии позволяют не только расширить лингвистические компетенции читателя, но и углубить его знания о русской истории и культуре описываемой в романе эпохи» [12, с. 53].

При выборе способа перевода имени собственного с русского языка на китайский необходимо также учитывать доминирующие культурные факторы, культурную психологию и межкультурные контакты. Иногда необходимо отойти от общепринятого в китайской традиции перевода, чтобы придать топониму или антропониму больший смысл, чем он был заложен автором текста-оригинала.

Таким образом, перевод имен собственных на китайский язык является творческим процессом и во многом зависит от степени понимания переводчиком не только конкретного языкового содержания текста-оригинала, но и глубокого проникновения в контекст и подтекст художественного произведения. Можно с уверенностью сказать, что переводчики иностранной художественной литературы на китайский язык должны не только хорошо знать язык-оригинал и язык-реципиент, но и обладать достаточным уровнем литературного таланта. Только когда переведенное имя в художественном тексте соответствует оригиналу и по звучанию, и по форме, и по смыслу, тогда переведенное имя считается эквивалентным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Ляньцзнь Перевод имен собственных с русского на китайский язык (на материале перевода повести О. Мандельштама «Египетская марка») // Мир русскоговорящих стран. – 2020. – № 2 (4). – С. 57–65.
2. Ван Мэняо. Современная наука о переводе в Китае: история становления и тенденции развития : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2014. – 153 с.
3. Ван М. Современная наука о переводе в Китае: история становления и тенденции развития : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2014. – 19 с.
4. Володина А. А., Елкин С. В., Клышинский Э. С. К проблеме перевода русских имен собственных в китайский язык / Новые информационные технологии в автоматизированных системах. – 2005. – № 5. – <https://www.keldysh.ru/pages/cgraph/ASOLI/auto-tr-s-2.html>
5. Горелов В. И. Теоретическая грамматика китайского языка. – М.: Просвещение, 1989. – 318 с.
6. Драгунов А. А. Исследования по грамматике современного китайского языка. – Ч. 1: Части речи. – М.–Л., Изд-во АН СССР, 1952. – 231 с.
7. Дубкова О. А., Лукина И. С. Трансляция мировых брендов средствами китайского языка // Вестник НГУ. Серия : История, филология. – 2012. – Т. 11: Востоковедение. – С. 198–201.
8. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур: Заимствование и передача имён собственных с точки зрения лингвистики и теории перевода. – М.: Р. Валент, 2001. – 200 с.
9. Ли Сяотао, Колода С. А. Специфика использования иноязычных заимствований в рекламе на китайском и русском языках // Верхневолжский филологический вестник. – 2021. – № 1 (24). – С. 128–137.

10. Синь Цюаньминь. Новое исследование этапов истории китайского перевода // Журнал Гонконгского ун-та иностранных исследований. – 2011. – С. 21.
11. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. – 366 с.
12. Трофимова О. В., Полухина Я. П., Тун Цзин. Комментирование антропонимов в китайских переводах «Капитанской дочки» А. С. Пушкина // Мир русского слова. – 2013. – № 3. – С. 46–54.
13. Ху Ешуан. Прием транслитерации в культурологическом аспекте (на примере русско-китайского и китайско-русского переводов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2009. – Т. 12. – Серия 7. – С. 280–284.
14. Щичко В. Ф. Китайский язык. Теория и практика перевода : учеб. пособие. – М. : Восточная книга, 2010. – 224 с.
15. Yang Ming Bo. The Conveying of Semantic Content While Translating Proper Names from Russian into Chinese (by the example of the M. Bulgakov's novel «The Master and Margarita») // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 2. – 2010. – S. 277–284.
16. 刘宓庆 现代翻译理论 北京 中译出版社 2019

АННОТАЦИЯ

Колода С. В., Ван Ляньцзэн. Особенности перевода имен собственных с русского языка на китайский в художественной прозе с позиции китайского переводоведения

Статья посвящена проблемам переводоведения с учетом значительных различий между западной и китайской теориями. Рассматриваются лингвистические, исторические и социокультурные факторы. Авторы доказывают, что при выборе способа перевода имени собственного с русского языка на китайский необходимо также учитывать доминирующие культурные факторы, культурную психологию и межкультурные контакты.

Ключевые слова: теория перевода, комментарий, транскрипция, транслитерация.

SUMMARY

Koloda S. V., Wang Lianzen. Features of the translation of proper names from Russian into Chinese in fiction from the standpoint of Chinese translation studies

The article is devoted to the problems of translation studies, taking into account significant differences between Western and Chinese theories. Linguistic, historical and sociocultural factors are considered. The authors argue that when choosing a method for translating a proper name from

Russian into Chinese, it is also necessary to take into account the dominant cultural factors, cultural psychology and intercultural contacts.

Key words: translation theory, commentary, transcription, transliteration.

*И. Л. Кучешева
(г. Омск, РФ)*

УДК 811.161.1

К ВОПРОСУ О СПОРТИВНЫХ НАЗВАНИЯХ С КОМПОНЕНТОМ-ИМЕНЕМ СОБСТВЕННЫМ

Die moderne Idee der interkulturellen Kommunikation kann als eine Tatsache der spirituellen Integration der Völker angesehen werden. Daher liegt es nahe, sie als eine neue Art der Kommunikation zu betrachten, die sich durch das Kennenlernen der Kulturen anderer Völker, eine fruchtbare Zusammenarbeit und das Leben in einem multinationalen Umfeld auszeichnet.

Der Inhalt sprachlicher Einheiten – Eigennamen – spiegelt alle Lebensformen und Lebensweisen einer Volksgruppe und alle Stadien ihrer Entwicklung wider.

Eigennamen, die Teil von Sportnamen sind, sind ein Mittel, um Informationen über Kultur, Mentalität und Sportwissen zu sammeln und zu speichern.

Die fehlende Erforschung der etymologischen und semantischen Merkmale von Eigennamen in Sportnamen führt zu gewissen Schwierigkeiten bei der Übersetzung von wissenschaftlicher, technischer und sportwissenschaftlicher Literatur und schafft auch eine Sprachbarriere im Kommunikationsprozess.

Die Erforschung von Sportnamen mit Eigennamenskomponente sollte zunächst Fragen nach ihrer Herkunft einbeziehen, die dem gesamten Wortschatz der Sprache gemein sind.

Sportnamen mit Eigennamenskomponente übermitteln und speichern wissenschaftliche und sportbezogene Informationen. In der Sprache der Wissenschaft und des Sports gibt es eine Tendenz zu ihrer weit verbreiteten Verwendung. Die Untersuchung von Sportnamen ermöglicht es uns, Eigennamen als potenzielle Quelle für die Benennung spezieller Konzepte zu bewerten. Die Analyse der Muster bei der Bildung von Sportnamen im Vergleich zur Entwicklung von Wissenschaft und Sport ermöglicht es uns, das Problem des Zusammenspiels von sprachlichen und sozialen Faktoren zu lösen.

Im Leben der modernen Gesellschaft nimmt die Rolle von Sport und Körperkultur zu. Sport spielt eine wichtige Rolle im politischen, kulturellen und gesellschaftlichen Leben der Gesellschaft

und ist für Linguisten im Zusammenhang mit der Entstehung der Sportwissenschaft von Interesse.

Eigennamen – Wörter oder Phrasen, die zur Benennung eines Objekts, seiner Unterscheidung von anderen Objekten, seiner Individualisierung und Identifizierung dienen [1, c. 4].

Die Eigennamen umfassen mehrere Namensgruppen: Toponyme und Anthroponyme. Toponyme sind eine Sammlung geographischer Namen – Länder, Städte, Berge. Anthroponyme vereinen alle Arten von Personennamen: Vornamen, Nachnamen sowie deren Übertragungen auf Sportnamen.

Um die Namen von Sportarten wie Wurftaubenschießen, Bogenschießen, Ringen, Schwerathletik und Leichtathletik mit Eigennamenskomponente auf der Grundlage des deutschen Sprachmaterials richtig zu verstehen und im Kommunikationsprozess zu verwenden, ist es notwendig, ihre Etymologie zu kennen.

Als nächstes betrachten wir Sportnamen aus dem Bereich der Sportarten Wurftaubenschießen, Bogenschießen, Ringen, Schwerathletik und Leichtathletik anhand des Materials der deutschen Sprache und geben ihre thematische Einordnung an.

1. Wurftaubenschießen

– *englisches Sporting*: Doppelschießen auf den unterschiedlichsten Flugwegen, oft sehr schwierig.

– *Kentucky Luftwiderstand*: die Praxis der horizontalen Zielpunkteinstellung für den Wind, ohne irgendwelche physikalischen oder mechanischen Waffeneinstellungen zu verwenden.

– *Pennsylvania Gewehr*: eines der ersten weit verbreiteten Gewehre für Jagd und Kriegsführung. Es ist ein einzigartiges amerikanisches Gewehr, das sich durch einen langen Lauf auszeichnet.

In der Untergruppe «Wurftaubenschießen» wurden Sportnamen mit Toponym-Komponente identifiziert.

2. Bogenschießen

– *Yorkshire Pfeil*: Pfeil, wie ein Pfeil, mit Zusatz von Gefieder. Die Auslegerwelle ist aus Holz. An einem Ende befindet sich ein Schlitz und am anderen Ende eine Spitze.

– *mongolischer Bogen*: die aus mehreren Holzschichten (hauptsächlich Birke) besteht, die mit Tierleim verleimt sind. Die Länge des mongolischen Bogens beträgt im Allgemeinen 150-170 cm.

– *englischer Langbogen*: Bogen der 180-220 cm lang ist, wurde zum gezielten Schießen mit leichten Pfeilen auf 300 m und schweren (150-225 g) bis 180 m verwendet. Beim Schießen mit schweren Pfeilen wurden Bögen von hervorragender Spannung verwendet, was eine Ausnahme war.

In der Untergruppe «Bogenschießen» wurden Sportnamen mit einer Toponym-Komponente identifiziert.

3. Ringen

– *Ringen im griechisch-römischen Stil*: eine europäische Kampfsportart, bei der ein Athlet mit einem bestimmten Arsenal technischer Aktionen den Gegner aus dem Gleichgewicht bringen und ihn mit seinen Schulterblättern gegen die Matte drücken muss. Im griechisch-römischen Ringen sind technische Aktionen mit den Beinen und das Greifen der Beine mit den Händen verboten [2, c. 55].

– *kornische Ringen*: einer der ältesten Wrestling-Stile auf den Britischen Inseln, beliebt in der Grafschaft Cornwall.

In der Untergruppe «Ringen» wurden Sportnamen mit einer Toponym-Komponente identifiziert.

4. Schwerathletik

Kraevsky Langhantel: zusammenklappbare Langhantel des ursprünglichen Designs mit drei Markierungen, eine in der Mitte des Griffbretts zum Heben mit einer Hand, und zwei an den Rändern und Scheiben 2-10 Pfund. Seit 1897 wurde es bei Gewichthebern verwendet (benannt nach V.F. Kraevsky, der die erste in Russland «Kreis der Fans der Leichtathletik mit Gewichten» gegründet hat).

– *Arnold Drücken*: eine Grundübung der Deltamuskeln, bezieht alle drei Muskelbündel ein, hauptsächlich das mittlere und vordere, dreht die Arme, bezieht den Rotator aktiv mit ein Manschettenmuskulatur (benannt nach A. Schwarzenegger, einem amerikanischen Bodybuilder).

– *Scott Sportbank*: der Simulator dient dem Training der Schultermuskulatur. Übung auf die Scott Bank wird im Stehen ausgeführt, bildet ein klares und schönes Handrelief (benannt nach L. Scott, amerikanischer Bodybuilder, erster Träger des Titels „Mr. Olympia“ (1965, 1966).

Sportnamen mit einer anthroponymen Komponente wurden in der Untergruppe «Schwerathletik» identifiziert.

5. Leichtathletik

– *Cooper-Test*: eine Testreihe zur körperlichen Fitness des menschlichen Körpers. Der Test besteht aus einem 12-minütigen Lauf: Die zurückgelegte Strecke wird aufgezeichnet und daraus Rückschlüsse für sportliche oder medizinische Zwecke gezogen (benannt nach dem amerikanischen Arzt Kenneth Cooper).

– *Fosbury Flop*: die Hochsprungtechnik, die es dem Entwickler D. Fosbury ermöglichte, die Goldmedaille der Olympischen Sommerspiele 1968 zu gewinnen und einen neuen olympischen Rekord (2,24 m) aufzustellen. Heute wird diese Technik von der überwiegenden Mehrheit der Hochspringer verwendet (benannt nach dem amerikanischen Hochspringer Dick Fosbury).

– *Conconi-Test*: ein Laufen mit allmählich ansteigender Geschwindigkeit, um die Höhe der anaeroben Schwelle zu bestimmen. Die Teststrecke beträgt 3-4 km. Für den Test benötigen Sie einen Pulsmesser mit Rundenspeicher. (benannt nach dem italienischen Sportarzt Francesco Conconi).

In der Untergruppe «Leichtathletik» wurden Sportnamen mit Anthroponym-Komponente identifiziert.

Als Ergebnis der lexikalische-semantischen Analyse kann geschlossen werden, dass die Untergruppen «Wurftaubenschießen», «Bogenschießen» und «Ringens» Sportnamen mit einer Toponym-Komponente beinhalten, die geografischen Namen der Gebiete, Städte und Länder widerspiegeln, in denen sie sich befanden zum ersten Mal erstellt und vermitteln verschiedene Arten von Informationen durch die Jahrhunderte.

Die Untergruppen «Schwerathletik» und «Leichtathletik» beinhalten Sportnamen mit anthroponymem Anteil, enthalten Informationen über Autoren, die einen Bezug zu den genannten Phänomenen, Konzepten und Elementen der Körperkultur haben und deren Namen verewigen.

Toponymische und anthroponymische Sportnamen im Deutschen: Wurftaubenschießen, Bogenschießen, Ringen, Schwerathletik und Leichtathletik bestimmen das Spezifische des Weltverständnisses, haben Stabilität, Reproduzierbarkeit in der Sprache, zielstrebiges Auftreten und beziehen sich auf den allgemeinen kulturellen Wortschatz, d.h. mehr Sprachen.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кучешева И. Л. Имена собственные как термины в подязыке английской лингвокультуры: Дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 2012. – С. 4.
2. Скородумова Н. Н. Немецко-русский словарь спортивных терминов / Н. Н. Скородумова. – М.: Физкультура и спорт, 1949. – 80 с.

АННОТАЦИЯ

Кучешева И. Л. К вопросу о спортивных названиях с компонентом-именем собственным

Данная работа посвящена вопросу о спортивных названиях с компонентом-именем собственным на материале немецкого языка. В работе представлена тематическая классификация спортивных названий с компонентом-именем собственным на материале немецкого языка. В результате проведенного лексико-семантического анализа можно сделать вывод, что топонимические и антропонимические спортивные названия на немецком языке: стендовая стрельба, стрельба из лука, борьба,

тяжелая и легкая атлетика помогают определить специфику познания мира, имеют устойчивость, воспроизводимость в речи и целенаправленный характер появления.

Ключевые слова: имя собственное, антропоним, топоним, спортивное название.

SUMMARY

Kuchesheva I. L. To the issue of sport names with a proper name

This work is devoted to the issue of sport names with a proper name based on the material of the German language. The paper presents a thematic classification of sport names with a proper name based on the material of the German language. As a result of the lexical and semantic analysis, it can be concluded that toponymic and anthroponymic sport names in German: bench shooting, archery, wrestling, weightlifting and track-and-field athletics help to determine the specifics of cognition of the world, have stability, reproducibility in speech and purposeful nature of appearance.

Key words: proper name, anthroponym, toponym, sport name.

*Н. В. Лешкова
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 811.161.1

РЕАЛИЗАЦИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТАКТИК И СТРАТЕГИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОПОВЕДИ

В каждой ситуации общения используется своя стратегия. Под стратегией в данном случае понимается осознание ситуации в целом, определение направления развития и организация воздействия в интересах достижения цели православной проповеди. Целью данного исследования является рассмотрение различных тактик и стратегий православного дискурса. На сегодняшний день использование стратегий и тактик недостаточно изучено, а особенно их роль в православных проповедях, поэтому предлагаемая работа является актуальной. Использование речевых стратегий помогает собеседнику вначале согласиться с адресантом, а после подкрепить согласие конкретными действиями. Такая стратегия используется с целью вызвать у собеседника нужную реакцию на слова священника. Однозначно желаемая реакция – согласие с озвученными аргументами и предложениями, а также побуждение к действию, наиболее желательному в момент проношения проповеди.

Так, фасцинационная дискурсивная стратегия направлена на повышение эффективности восприятия материала через использование сопутствующих воздействий. Ю. Шрейдер определил суть фасциации как «создание у адресата определенного настроения, установки на взаимопонимание» и определил понимание феномена фасциации как «позывной», «который несет сообщения и который заставляет адресата настроиться на прием» [7, с. 289].

А. Войскунский поддержал идею Ю. Шрейдера: «ведь в конечном счете фасциация помогает установлению коммуникативного контакта» [3, с. 142].

Определение фасциации у А. Грязно сугубо психолингвистическое: «фасциация – специально организованное вербальное (словесное) воздействие, предназначенное для уменьшения потерь семантически значимой информации при восприятии сообщения реципиентами, за счет чего повышается возможность ее воздействия на их поведение» [6, с. 14]. Массовая фасциация служит функциональным механизмом единения и групповой защиты и пронизывает собой любые процессы социальной идентификации и индоктринации. Общие чувства радости и печали необходимы человеку, в первую очередь, для единения с определенным сообществом и подкреплении принадлежности к нему как к родному.

В роли фасциации выступают различные сопутствующие средства, выполняющие роль «транспортировки», сопровождающей информацию; они создают определенный дополнительный фон, на котором основная информация выигрывает, поскольку фон частично преодолевает фильтр недоверия. Чаще всего фасциация используется в политических и религиозных мероприятиях для придания наблюдателям соответствующего эмоционального состояния.

Сила воздействия фасциации заключается в том, что она проходит критическое сознание, отключает цензуру ума, и, преодолевая любые препятствия на пути восприятия, действует непосредственно в глубине нейрофизиологических, гормональных и эмоциональных структур организма и личности. С помощью этой стратегии реализуется орнаментальная функция православного дискурса.

К фасцинационным приемам относят смену нагнетающих, напряженных ритмов языка, голосовые модуляции, семантические паузы, яркие многовариантные повторы и драматизации, использование интересных историй, декламаций притч, шуток, ключевых фраз, а также публичных пений.

Фасцинационные тактики опираются на эмоции, сосредотачивают внимание на адресате, вызывая интерес, удивление, радость, восторг, симпатию, минуя или отключая любое логическое объяснение, интеллектуальную аргументацию и критику со стороны реципиента. Фасциация является характерной чертой проповеди как публичной речи. Эмоциональность проповеди определяется идейностью, содержанием, значимостью тех идей и мыслей, которые развивает священник. В проповеди, как ораторской речи, соединены два начала речевой деятельности – познавательное и эмоционально-образное. Проповедник структурирует свое выступление, поддерживает интерес слушателей к своим словам, облегчает процесс восприятия информации. Добиваясь нужного воспитательного и эстетического воздействия на слушателей, оратор прибегает к эмоционально-образной речи [5, с. 65]: *Внутренняя сила человека, даже при стесненных внешних обстоятельствах, толкает его вверх подобно водороду, который поднимает предметы над землей, преодолевая земное тяготение* (Слово Святейшего Патриарха Кирилла в Неделю 4-ю Великого поста после Литургии в главном храме Вооруженных сил РФ).

Эмоциональное воздействие достигается с помощью использования:

– эмоционально-экспрессивной и функционально-стилистически окрашенной лексики: *Они любили окружающий мир, любили людей такой любовью, что их сердце было открыто для всех* (Слово Святейшего Патриарха Кирилла в Неделю 4-ю Великого поста после Литургии в главном храме Вооруженных сил РФ);

– контрастных антонимов, компаративных конструкций: *...что и как человек должен делать, чтобы восходить вверх, а не падать вниз, так чтобы в конце концов, на высших ступенях этой лестницы обрести веру, надежду и настоящую любовь* (Слово Святейшего Патриарха Кирилла в Неделю 4-ю Великого поста после Литургии в главном храме Вооруженных сил РФ).

Священник часто обращается к теме смерти, которая никого не оставляет равнодушным. Иногда слова на обозначение понятий смерти и жизни пишутся с большой буквы, персонифицируя две противоположные силы мира, постоянную борьбу: *Страдание входит в жизнь человека, и если страдание не сопровождать молитвой и правильным к нему отношением, то можно очень сильно себе навредить, порой непоправимо, и мы знаем, что иногда страдания заканчиваются человеческой смертью* (Патриаршая проповедь в Неделю 3-ю Великого поста после Литургии в храме великомученика Димитрия Солунского).

Часто священники используют риторические вопросы, которые касаются насущных вопросов сегодняшнего дня: войны, болезни, аморальности. Во время проповеди звучат слова-призывы к осознанию картины мировой реальности: *А что такое праздношествование? Если праздношествование – это вакуум, отсутствие всякого содержания, то возникает вопрос: может быть, лучше вакуум, чем злое содержание?* (Патриаршая проповедь в четверг первой седмицы Великого поста после великого повечерия в Храме Христа Спасителя).

Кроме этого, традиционным является использование в проповеди священника различных сравнений:

1) когда с помощью ряда риторических вопросов адресанту предоставляется возможность ответить самому себе, именно его жизнь и желания отличаются от устремлений животного мира: *Возникает вопрос: что же все-таки означает падение? Восстание – это возрождение и обновление человека, его путь к совершенству. Но что означает падение? А падение – это обратный процесс, это отказ человека от самых великих ценностей, от истинной веры, впадение в заблуждение, принесение скорби и болезней другим* (Патриаршая проповедь в праздник Сретения Господня после Литургии в Храме Христа Спасителя);

2) сравнение быстротечности человеческой жизни с различными событиями, которые переживают своего творца на несколько поколений: *Думаю, именно так и развивается наша жизнь в Русской Православной Церкви: мы не замкнуты в самих себе, у нас обширные и важные внешние связи, нацеленные на то, чтобы сблизить позиции христиан по многим вопросам современности и тем самым сделать более близкими христиан Востока и Запада* (Проповедь Святейшего Патриарха Кирилла после Литургии в Александро-Невском скиту в тринадцатую годовщину интронизации Его Святейшества);

3) грамматических конструкций, которые функционируют как восклицательные предложения и служат для выражения восхищения, удивления, досады и просто избытка чувств: *...и нам остается только просить Господа, чтобы хватило у нас разума идти по жизни, руководствуясь этим ориентиром, этим светом, который сила Божественная предлагает нам в качестве путеводной звезды, помогающей преодолеть опасности, трудности, искушения и соблазны этой жизни и ввести нас в вечное и Божественное Царство* (Патриаршая проповедь в Рождественский сочельник после Литургии в Храме Христа Спасителя);

4) восклицательные предложения, передающие эмоциональный настрой проповедника относительно определенного чуда: *Мы*

знаем, что именно весной мощный сок пробивается на высоту десять, двадцать, сто метров, оживотворяя дерево. Это действительно удивительное Божие чудо, чудо жизни (Патриаршая проповедь в Неделю сыропустную после Литургии в Храме Христа Спасителя).

После эмоциональной тактики проповедник сразу же использует тактику призыва, вставляя императивные конструкции, в том числе лексические библеизмы: *Если каждый из нас будет руководствоваться таким пониманием доброго дела, если каждый будет понимать, что без добрых дел и вера мертва (см. Иак. 2:20), да и спасение невозможно, то мы действительно станем умелыми в совершении добрых дел, способных изменить жизнь к лучшему* (Слово Святейшего Патриарха Кирилла перед молебном на новолетие).

Фасцинационная стратегия может быть представлена:

– тактикой создания эффекта недостижимости, когда священник говорит о невозможности постичь определенные явления сердцем и умом человека, описать человеческим языком и полностью осознать: *Он осознал свою полную несовместимость со Спасителем, с Его учениками, с этой женщиной, и принял решение пойти и предать Спасителя* (Слово Святейшего Патриарха Кирилла в канун среды Страстной седмицы после богослужения в Храме Христа Спасителя);

– тактикой благодарности. В таком случае правильно провести параллель между словом «благодарность» и главным таинством церкви, которое является основой литургии – Евхаристии (греч. *ευχαριστία* – «благодарность»). Тактика благодарности направлена к Троице, Божьей Матери, Святым, потому что, по мнению православной общественности, всю жизнь человека, которая нашла в этом мире Бога, должно стать благодарностью, и главной церковной службой – евхаристией, – верующие благодарят Бога за Его любовь: *И да поможет нам Господь оставшиеся дни Страстной седмицы провести, насколько это возможно, в молитве, посещая храм Божий, в строгом посте, в размышлениях о своей жизни, принесении покаяния через исповедь, принятии Святых Христовых Таин и, наконец, обрести особый дар благодати, который верующий человек получает в светозарную ночь воспоминаний о Воскресении Спасителя* (Слово Святейшего Патриарха Кирилла в канун среды Страстной седмицы после богослужения в Храме Христа Спасителя).

Иногда священник для лучшего осознания евангельских событий прихожанами прибегает к использованию имажинационной тактики, подводя рассказ непосредственно от исторической личности, описывая ее чувства, мысли и веру: *Но*

не дано было многим прозреть эту истину, а Александр Невский прозрел и выразил в словах: «Не в силе Бог, а в правде». И, защищая правду, веру и независимость своей страны, одержал блестящие победы и тем самым избавил нашу страну от опаснейшего порабощения, которое могло бы привести к коренным изменениям в мировоззрении и жизни нашего народа (Патриаршая проповедь в день памяти благоверного князя Александра Невского после Литургии в Храме Христа Спасителя).

Часто во время проповеди священнослужители могут использовать стратегию обряда и тактику влияния.

В природе человека духовно-идеальное бытие соединено с чувственным и материальным, поэтому он пытается все наделить видимыми чертами, чтобы через это сделать его доступным себе.

По словам С. Гила, «ритуал – это язык религии» [8, с. 17]. Под обрядом понимаем как закреплённую традицией последовательность символически значимых действий, так и внешнюю форму ритуального действия [2, с. 79]. В.И. Карасиком выделена стратегия обряда пронизывает весь православный дискурс и реализуется во всех без исключения его жанровых образцах. В церковном ритуале ценными являются традиционность и эмоциональность. Все важные события в жизни человеческого общества не просто сопровождаются ритуалом, но и переживаются в виде совершения обряда: рождение (крещение), переход подростка в мир взрослых (инициация), создание семьи (свадьба), смерть (похороны).

На стратегии обряда строится весь православный дискурс. Коммуникативные события, которые приобретают ритуальный статус, являются циклическими (религиозные праздники) и спорадическими (свадьбы, похороны). Религиозный аспект – один из основных в религиозной среде, поэтому и проповедник пытается приобщить верующих к церковным таинствам, используя для этого такие тактики:

– тактика информирования, когда священник сообщает о приближении православного праздника: *Сегодня мы молитвенно вспоминаем святого благоверного великого князя Александра Невского, но вспоминаем особенно, потому что в этом году – 800 лет со дня его рождения* (Патриаршая проповедь в день памяти благоверного князя Александра Невского после Литургии в Храме Христа Спасителя);

– тактика приветствия, когда проповедник приветствует тех, кто принимал участие в Таинствах Церкви, таким образом показывая пример подражания для других мирян: *Всех вас сердечно поздравляю с великим и миротворительным праздником Рождества Христова. Радостно, что, несмотря на стесненные*

обстоятельства нашего нынешнего бытия, мы собрались сегодня в Храме Христа Спасителя (Слово Святейшего Патриарха Кирилла после великой вечерни в праздник Рождества Христова);

– тактика констатации, когда проповедник предоставляет пример правильных поступков или подражания церковным традициям: *Жизнь преподобного Серафима являет пример того, как разрушаются всякие человеческие идеалы, связанные с властью, силой, могуществом* (Патриаршая проповедь в день памяти преподобного Серафима Саровского после Литургии в Александро-Невском скиту).

К стратегии обряда причисляем также случаи определенной клишированности речи по определенной традиции. Так, священник использует тактики ведения диалога, причем редко, в частности, после молитвы в течение 50 дней после Воскресения Христова священник произносит «Христос Воскрес!», а прихожане отвечают «Воистину воскрес!». Кроме того, в конце проповеди священник использует формулу «Аминь», что в переводе с иврита означает «да будет так». Произносится «Аминь», проповедник также становится ответственным за свои слова перед Богом: *Тогда Господь поможет нам и в этой жизни, но более всего через эти, может быть, малые дела милосердия перед нами откроется возможность обрести радость вечного бытия с Богом там, где пребывает Авраам, где нет ни печали, ни воздыхания, но жизнь бесконечная. Аминь* (Патриаршая проповедь в Неделю 20-ю по Пятидесятнице после Литургии в Александро-Невском скиту).

Молитвенная стратегия реализуется в виде обращения к Богу и тесно связана с выражением благодарности и восхвалением Бога. Эта стратегия выступает главным механизмом развития не только молитвы, но и исповеди, псалмов и притч, а также является ключевой в жанре проповеди [1; 4; 5]. Эта стратегия применяется в коммуникации с целью обращения к Богу с определенной просьбой, она представляет собой сердечное обращение к Богу, Богородице, святым или небесным силам бесплотным. Так, каждая православная проповедь начинается с призыва Божьего благословения молитвенным обращением.

Молитвенная дискурсивная стратегия актуализируется с помощью:

– утвердительной тактики, когда священник ведет речь о необходимости молитвенного подвига как долга каждого христианина, о силе молитвы. Проповедник может также намереваться призвать паству помолиться за кого-то из больных, за государство, власть, воинов, почивших и др.: *И прошу всех вас и в церковных, и в домашних молитвах помянуть Блаженнейшего*

Онуфрия, поминать наших братьев и сестер на Украине и молиться о мире (Слово Святейшего Патриарха Кирилла в Неделю о Страшном Суде после Литургии в Храме Христа Спасителя);

– объяснительной тактики, целью которой является раскрытие необходимости обращаться со славословием, просьбой, раскаянием к Богу и его святым: *За то, чтобы Господь дал им силу и мудрость отражать, подобно Патриарху Тихону, прилоги лукавого и одновременно верой и правдой служить своему народу, в том числе всячески содействуя миру* (Слово Святейшего Патриарха Кирилла в Неделю о Страшном Суде после Литургии в Храме Христа Спасителя);

– описательной тактики, когда проповедник характеризует чистую молитву и предоставляет ее сравнения с образами, знакомыми обычному человеку, раскрывает суть молитвы, подкрепляя свое описание ссылками на авторитетные источники: *Это повествование помогает нам понять, что в Божием замысле любовь выше, сильнее и важнее, чем справедливость. В наших семьях, в трудовых коллективах, да вообще во многих объединениях людей возникают конфликты, нередко очень сложные; особенно опасно, когда это происходит в семье* (Патриаршая проповедь в Неделю о блудном сыне после Литургии в Александро-Невском скиту);

– тактики апелляции к эмоциональному опыту – священник может обращать внимание мирян на страдания их умерших родных, которые мучаются от грехов и нуждаются в постоянных молитвах, на то, что в грехах нужно покаяться при жизни: *А вот что на небесах происходит, нам неизвестно. И потому раскаяние в грехе, который продолжает омрачать нашу совесть, есть неперемное условие здоровой религиозной жизни. Раскаялся и покаялся – а совесть все равно омрачена, постоянно мысль возвращаешься к этому событию, к этим словам, к этому конфликту, он продолжает тебя волновать. И покуда будет волновать, нужно за то деяние, которое оставило столь глубокий след, просить у Господа прощения* (Патриаршая проповедь в пятницу первой седмицы Великого поста после Литургии Преждеосвященных Даров в Храме Христа Спасителя);

– императивной тактики: *Давайте постараемся каждый день, который мы встречаем, сопровождать молитвой и во время этой молитвы просить Господа о самом главном – о прощении наших грехов* (Патриаршая проповедь перед чином прощения в Храме Христа Спасителя);

– тактики апелляции к народному опыту для организации правильной, с точки зрения православной веры, молитвы: *История Церкви учит нас, что является самым главным. Для*

нас, верующих, нет ничего более важного, чем хранить веру православную, оставаться верным Церкви вне зависимости от любых обстоятельств, будь то умственное, интеллектуальное давление на Церковь и на веру со стороны тех, кто утверждает, что Бога нет, или давление лжебратьев, которые стали на путь расколов и разделений и призывают других стать на тот же путь (Патриаршая проповедь в Неделю Торжества Православия после Литургии в Храме Христа Спасителя);

– тактики просьбы молитвенной помощи у православного святого: *Преподобный Серафим учит нас всему этому. Его молитвами да хранит Господь землю нашу, народ наш, Церковь нашу и каждого из нас, укрепляя на личном пути ко спасению и ограждая от искушений, соблазнов, пороков, всего того, что разрушает человеческую жизнь и создает средостения между человеком и Богом* (Патриаршая проповедь в день памяти преподобного Серафима Саровского после Литургии в Александро-Невском скиту);

– тактики прямого обращения к Богу с просьбой помощи, спасения души: *Пусть Господь хранит нашу Церковь на земле Украинской, Блаженнейшего митрополита Онуфрия, весь епископат, за который мы молимся, с которым мы вместе в эти трудные дни* (Патриаршая проповедь в Неделю Торжества Православия после Литургии в Храме Христа Спасителя).

Стратегия исповеди тесно связана со стратегией молитвы и обряда, но имеет противоположный вектор направленности. Если стратегия молитвы характерна для тех жанров православного дискурса, в которых человек обращается к Всевышнему, прося о помощи и защите, то при реализации исповедальной стратегии человек выступает как судья своих греховных поступков и мыслей. Стратегия исповеди гораздо шире жанра исповеди и реализуется в жанре молитвы и проповеди [5, с. 73]. Целью исповедальной стратегии является приведение человека к исповеди как одного из семи церковных таинств, для этого человек должен осознать, в чем именно ему нужно покаяться, то есть постичь свою греховную, с точки зрения христианства, сущность и невозможность борьбы со страстями без помощи высших сил.

Священник чаще всего использует несколько тактик, для достижения цели:

– тактика параллелизации – суть человека, его немощь рассматривается на примере библейских сюжетов и, интерпретируясь, переносится на настоящего человека, например: *В самом деле, плохим был блудный сын: бросил семью, потратил все причитавшиеся ему деньги на грех, на распутство. С точки зрения справедливости он должен быть наказан, а отец не наказывает своего блудного сына. В этой*

притче словно сталкиваются две ценности человеческого бытия: справедливость и любовь (Патриаршая проповедь в Неделю о блудном сыне после Литургии в Александро-Невском скиту);

– тактика обращения к святым отцам, рассказ истории из патериков, примеры, чтобы человек смог увидеть в этих историях и свой образ: *Ведь преподобный Серафим – немощный, болезненный, не обладавший физической силой, для того чтобы сопротивляться трудным обстоятельствам уединенной жизни в лесу, – являет своей жизнью величайший пример того, что мы знаем из слова Божия: сила Моя в немощи совершается* (2 Кор. 12:9) (Патриаршая проповедь в день памяти преподобного Серафима Саровского после Литургии в Александро-Невском скиту);

– тактика призыва к покаянию, которую часто используют священники, – это ведение монолога от 1-го лица единственного числа, тактика апелляции к собственному опыту проповедника, или от 1-го лица множественного числа, с развертыванием речевого процесса среднестатистического человека, чтобы он в этих мыслях узнал себя: *Кого-то, может быть, обидел, кому-то, может быть, не ответил на вопросы, в том числе через свои слова, обращенные к вам, – Бог знает, что еще может сделать священнослужитель даже помимо своей воли, вольно или невольно внося смятение в души своих пасомых. Если есть что-то такое, что омрачило вас в моих словах, мыслях и иных действиях, то у всех вас искренне испрашиваю прощения* (Патриаршая проповедь перед чином прощения в Храме Христа Спасителя).

Цель дискурсивной стратегии религиозной идентификации – определить религиозное пространство, в котором находится сам священник и его паства, разграничить это пространство от других мировоззренческих позиций.

В своей монографии А. Г.-Б. Салахова предлагает обозначить эту стратегию как «стратегию конфессиональной идентификации» [5, с. 79]. Мы считаем, это несколько ограниченный вариант, потому что термин «конфессия» часто употребляется для описания различных христианских церквей, например, православия, католицизма и многих вариантов протестантизма. Это слово также используют и для описания ответвлений иудаизма (ортодоксы, консерваторы, реформаторы и реконструкторы), и изредка ислама (сунниты и шииты). То есть при сравнении православия с другими христианскими конфессиями, использование предложенного названия будет правомерным. Однако очень часто в проповедях говорящий идентифицирует собрание «христианами», поэтому термин «конфессия» не уместен, в таких случаях речь может идти именно о религиозной идентификации.

Стратегия религиозной идентификации в православной проповеди нацелена на соотнесение адресатов и реципиентов с группой людей, объединенных религиозными интересами. В основе этой стратегии лежит оппозиция «свой» – «чужой». Суть стратегии конфессиональной идентификации – вызвать у слушателей чувство, отражающее принадлежность к группе «православных верующих».

Стратегия конфессиональной идентификации реализуется как на вербальном, так и на невербальном уровне коммуникации. К невербальным средствам идентификации А. Г.-Б. Салахова причисляет условия проповедования, когда все присутствующие сознательно собираются в определенном месте, поведение в котором четко детерминировано, они приходят туда для специфического общения со священником и находятся в окружении определенных людей, занимая в храме, как правило, свое определенное место. Храм является той уникальной атмосферой, в которой царит особая аура.

Дискурсивная стратегия конфессиональной идентификации в православных проповедях реализуется с помощью двух коммуникативных приемов. Это приемы «определения круга своих» и ограничения «круга чужих», основывающиеся на противопоставлении «свой» – «чужой». Под «своими» понимают членов религиозного сообщества, которые противопоставляются «чужим», в частности, светскому, мирскому обществу. Каждый из этих двух коммуникативных приемов, в свою очередь, выявляет следующие коммуникативные ходы в процессе актуализации в дискурсе: «Вера» – «неверие», «добро» – «зло» и «конфессия» – «социум» [5, с. 74].

Дискурсивная стратегия религиозной идентификации реализуется также с помощью тактики самоидентификации. Коммуникативным приемом этой тактики является использование «мы»-группы, под которой понимают всю православную общину, в которую входят не только присутствующие во время проповеди, но и все православные христиане (миряне и духовенство), а также православные, которые умерли.

Использование «МЫ»-группы от православной общины является типичным для тактики утверждения догматов, вероучения, например: *Давайте постараемся каждый день, который мы встречаем, сопровождать молитвой и во время этой молитвы просить Господа о самом главном – о прощении наших грехов* (Патриаршая проповедь перед чином прощения в Храме Христа Спасителя). Для тактики самоидентификации характерны такие обороты: *Мы, православные христиане, ...*

В целях придания положительной характеристики церковной среде, проповедник использует тактику апелляции к авторитету, обращаясь к примерам жизни святых. У верующих людей есть

поговорка: «Скажите мне, кто ваши святые, и я скажу вам, какова ваша церковь». Ведь любая церковь объявляет святыми лишь тех, которые воплотили в своей жизни религиозный идеал и каким он видится определенной церковью. Тактика реализуется как непосредственным цитированием отцов церкви, так и различными приемами метафоризации во время описания личности святого или вообще феномена святости: *Через святого благоверного князя Александра нам были явлены некие чрезвычайно важные мировоззренческие истины, а потому он не просто святой, не просто герой, один из многих, но совершенно особая историческая личность* (Патриаршая проповедь в день памяти благоверного князя Александра Невского после Литургии в Храме Христа Спасителя).

Определяя принадлежность к христианской общине, священники нередко используют тактику апелляции к Священному Писанию, акцентируя внимание на том, что христианская вера объединяет всех людей независимо от национальности, расы, пола, образования и др.: *А если говорить в большем масштабе, чтобы из рода человеческого, из человеческого общежития не исчезала любовь, не исчезало милосердие, чтобы люди сохраняли эти важнейшие измерения, характеризующие человека как совершенно особое существо, созданное по образу Божию* (Слово Святейшего Патриарха Кирилла перед молебном на новолетие).

Используя тактику акцентуализации, священник подчеркивает приемлемость и важность для верующего именно православного сообщества в определенных действиях, необходимых для очищения души, таких как покаяние, послушание, пост и тому подобное, например: *Мы с вами вошли в поприще Великого поста, но каждый волен поститься или не поститься* (Патриаршая проповедь в понедельник первой седмицы Великого поста после великого повечерия в Храме Христа Спасителя).

Также перед названием церкви в ряде случаев священник добавляет прилагательное «святая» для того, чтобы подчеркнуть ее святость, которая закреплена в «Символе Веры» православных христиан. Так, верующие придерживаются мнения, что Церковь является Святой, потому что она освящена самим Иисусом Христом и установленными им святыми таинствами, в которых подается верующим благодать Святого Духа. Святость церкви не нарушают христиане своею греховностью, так как они всегда могут себя очищать через таинство покаяния.

Описывая принадлежность к определенному религиозному сообществу, проповедник также использует тактику конкретизации, характеризуя это сообщество: *... вся религиозная*

жизнь направлена на то, чтобы мы, люди верующие, поняли, в чем же заключается наше участие, что мы должны делать, как мы должны жить, чтобы силой благодати Божией совершилось наше спасение (Патриаршая проповедь в понедельник первой седмицы Великого поста после великого повечерия в Храме Христа Спасителя).

Тактику предостережения используют для того, чтобы верующие были начеку во время встречи с «сектантскими» организациями, которые проповедник также номинирует «врагами, хуже волков», подчеркивая, что подобные собрания даже не являются простой ересью, а представляют собой сатанинские сборища: *Своим сочувствием и милосердием, словом, исполненным любви, он сумел наставить на путь следования за Христом и иноверцев, и сектантов, и просто равнодушных прежде к вере своих современников* (Патриаршее приветствие участникам встречи «Иоанновская семья – десять лет труда и молитв»).

Священник может обращаться к тактике сплочения верующих против общей угрозы, врага, который может представлять собой дьявола, грех, атеистов, марксистов и др. например: *Святые отцы синайские, в том числе преподобный Иоанн Лествичник, учат нас тому, как можно стяжать великие духовные богатства, в том числе веру, надежду и самое великое богатство – любовь* (Слово Святейшего Патриарха Кирилла в Неделю 4-ю Великого поста после Литургии в главном храме Вооруженных сил РФ).

Нами была проанализирована реализация специальных дискурсивных стратегий в православной проповеди. Установлено, что специальные дискурсивные стратегии реализуются в тексте с помощью тактик представления будущих событий, апелляции (к Священному Писанию, авторитету церкви), сравнения человека с животным, создания эффекта недостижимости, благодарности, призыва благословения Божьего, просьбы молитвенной помощи, прямого обращения к Богу, параллелизации, ведения диалога, самоидентификации, приведение примеров жизни святых, акцентуализации, конкретизации, благодарности, приветствия, предостережения, сплочения верующих против общей угрозы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобырева Е. В. Семантика и прагматика инициальных и финальных реплик диалога : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / Е. В. Бобырева. – Волгоград, 1996. – 24 с.
2. Богачевская И. В. Религиозный дискурс как объект философско-религиоведческой рефлексии / И. В. Богачевская // Культура народов Причерноморья. – АРК, 2006. – № 79. – С. 119–121.

3. Войскунский А. Е. Речевая деятельность в ходе компьютерных конференций / А. Е. Войскунский // *Вопр. психологии.* – 1991. – № 6. – С. 142–147.
4. Карасик В. И. Религиозный дискурс / В. И. Карасик // *Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики* : сб. науч. тр. – Волгоград, 1999. – С. 5–19.
5. Салахова А. Г.-Б. Конфессиональная языковая личность: коммуникативные стратегии и тактики : моногр. / А. Г.-Б. Салахова. – Челябинск : Энциклопедия, 2013. – 166 с.
6. Соковнин В. Что такое фасцинация / В. Соковнин. – Екатеринбург : Изд-во Автор. акад. фасцинологии, 2009. – 56 с.
7. Шрейдер Ю. А. Интеллектуализация информационных систем / Ю. А. Шрейдер // *Итоги науки и техники.* – М. : ВИНТИ, 1990. – Т. 14. – С. 289–336.
8. Gill S. D. Beyond “the primitive”: The religions of nonliterature peoples / S. D. Gill. – Prentice-Hall, 1982.

АННОТАЦИЯ

Лешкова Н. В. Реализация специальных тактик и стратегий в современной православной проповеди

Предложенный анализ реализации специальных дискурсивных стратегий, а именно фасцинационной, обрядовой, молитвенной, исповедальной и дискурсивной стратегии религиозной идентификации предполагает фиксацию использования православным священником тактик представления будущих событий, апелляции (к Священному Писанию, авторитету Церкви), сравнения мировоззрения человека, создания эффекта недостижимости, благодарности, призыва благословения Божьего, просьба молитвенной помощи, прямого обращения к Богу, параллелизации, ведения диалога, самоидентификации, приведение примеров жизни святых, акцентуализации, конкретизации, благодарности, приветствия, предостережения, сплочения верующих против общей угрозы, а также использование утвердительной, контрастивной, объяснительной, описательной, констатирующей, императивной, апелляционной тактик. Анализ теоретического материала подкреплен примерами из проповедей Святейшего Патриарха Всея Руси Кирилла, которые были озвучены в различных храмах и в различные праздники.

Ключевые слова: тактика, стратегия, священник, воздействие, адресант, восприятие, православная проповедь, реализация.

SUMMARY

Leshkova N. V. Implementation of special tactics and strategies in modern Orthodox preaching

The proposed analysis of the implementation of special discursive strategies, namely fascination, ritual, prayer, confessional and discursive strategies of religious identification involves fixing the use by an Orthodox priest of tactics of presenting future events, appeals (to the Holy Scriptures, the authority of the Church), comparing a person's worldview, creating the effect of inaccessibility, gratitude, invoking God's blessing, asking for prayer help, direct appeal to God, parallelization, dialogue, self-identification, giving examples of the life of saints, accentualization, concretization, gratitude, greetings, warnings, rallying believers against a common threat, as well as the use of affirmative, contrastive, explanatory, descriptive, ascertaining, imperative, appeal tactics. The analysis of the theoretical material is supported by examples from the sermons of His Holiness Patriarch Kirill of All Russia, which were voiced in various churches and on various holidays.

Key words: tactics, strategy, priest, impact, addressee, perception, Orthodox preaching, implementation.

*Е. В. Минина
(г. Горловка, ДНР),
Д. Э. Карпенко
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'255.4

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ЖАНРЕ ФЭНТЕЗИ

Современный язык состоит не только из огромного количества нарицательных слов, но в нём также присутствует большое разнообразие имён собственных, то есть онимов. В.В. Виноградов определяет онимы как слова, обозначающие действительный или вымышленный объект, личность или местность, единственную в своем роде. Детальным изучением имен собственных занимается наука ономастика – раздел языкознания, изучающий любые собственные имена, историю их возникновения и трансформации в результате длительного употребления в исходном языке или в связи с заимствованием из других языков. Онимы представляют большой интерес для лингвистов, однако передача онимов с одного языка на другой в разнообразных литературных жанрах в целом и в жанре фэнтези в частности исследована недостаточно. Целью

данной работы является выявление и описание особенностей перевода имен собственных в жанре фэнтези на материале произведений А. Сапковского «Ведьмак» путем определения особенностей жанра фэнтези, установления наиболее частотных способов перевода онимов с английского на русский язык.

На сегодняшний день особый интерес представляют лингвистические особенности имён собственных в жанре фэнтези. Фэнтези представляет собой жанр фантастической литературы, который основывается на сверхъестественных явлениях в качестве основной сюжетной линии. Как правило, этот жанр носит преимущественно средневековый характер. Однако сегодня в самом широком смысле слова к жанру фэнтези относятся работы многих писателей, начиная с древних мифов и легенд и заканчивая недавними работами, которые предназначены для широкой публики. Каждый учёный по-разному интерпретирует термин фэнтези, раскрывая в определении собственный смысл, формируя определённую группу характерных этому жанру произведений черт и выстраивая собственное представление об истоках жанра. Так, например, В. Гончаров определял жанр фэнтези как «описание мироздания с позиций объективного идеализма» [1, с. 216]. А в книге «Природа фантастики» Т. Чернышевой фэнтези – это «адетерминированная модель действительности, повествование сказочного типа со многими посылками», игровой фантастикой [6, с. 54].

Следует отметить, что фэнтези обладает рядом устойчивых признаков, которые в совокупности вычленивают литературу фэнтези из всей совокупности нереалистической литературы и составляют жанровый канон фэнтези. Во-первых, фэнтези от научной фантастики отличают антиверистичность, научная непроверяемость. Во-вторых, в отличие от мистической литературы, для фэнтези обязательным является вымышленный мир и антитехногенность описываемых обществ. В-третьих, в фэнтези, в отличие от литературы ужасов, существование сверхъестественного принимается как данность и не требует объяснений. В-четвертых, от сказки фэнтези отличается гибкостью сюжетной схемы и подчеркнутым психологизмом повествования. В-пятых, отличие фэнтези от мифа заключается в сознательной художественной реконструкции мифа при эстетическом переосмыслении принципов мифологического мышления. И, наконец, в отличие от эпоса, для фэнтези национальное прошлое является только материалом, источником вдохновения, которым пользуется автор, создавая собственные предания. Необходимо также подчеркнуть, что главной жанрообразующей особенностью фэнтези является автономный вторичный мир со своей географией, историей, культурой и языком, следовательно, со своим собственным ономастикомом.

Стратегия перевода представляет собой совокупность приемов перевода, направленных на преобразование единиц исходного текста в эквивалентные им единицы текста перевода. Выбор стратегии перевода определяется различными факторами, такими как языковые, культурные, экстралингвистические и т.д. Выполнение перевода может быть ориентировано на читателя, либо на текст оригинала. При ориентации в процессе перевода на читателя переводчик прибегает к стратегии «одомашнивания», т.е. происходит адаптация текста для понимания его читателем при помощи приема национальной адаптации. В данном случае происходит модификация созданных автором образов и потеря стилистического своеобразие произведения.

В случае ориентации переводчика на текст оригинала используется стратегия «отстранения», т.е. воспроизведение индивидуальной стилистики автора, сохранение оригинальной образной системы, созданной автором. При использовании данной стратегии читатель воспринимает мир исходной культуры как чуждый ему. В рамках данной стратегии используются механические приемы, такие как транскрипция, транслитерация, калькирование и прямой перевод.

Наряду с проблемой выбора рассмотренных стратегий всегда возникает вопрос, связанный с временной составляющей художественных произведений. Переводчику следует рассмотреть стратегии «модернизации», «архаизации» и «синхронизации». При модернизации переводчик осуществляет «осовременивание» текста, а при архаизации – «состаривание». Синхронизация же характеризуется совпадением временных характеристик, как в исходном, так и в переводном тексте. Таким образом, на первоначальном этапе переводчику необходимо определить стратегии перевода, в рамках которых уже будут использоваться различные приемы передачи реалий, в частности имен собственных.

Передача имён собственных на другой язык – сложный и многогранный процесс. Он связан с многочисленными недоразумениями, курьёзами, ошибками. Стремление сохранить за объектом уникальное имя подразумевает целый ряд задач. Но эти задачи не могут быть реализованы во всей полноте в силу ряда объективных ограничений, а также потому, что некоторые из этих задач в конкретных ситуациях заимствования противоречат другим [2, с. 14].

Однако при переводе произведений жанра фэнтези переводчик может столкнуться с ещё более сложными проблемами. Одной из главных трудностей при переводе любого художественного текста в жанре фэнтези является перевод вымышленных реалий,

поскольку данные единицы исходного языка порой не имеют эквивалентов в принимающем языке.

Несмотря на возникающие трудности, часто имена собственные просто-напросто транскрибируются или транслитерируются, что обусловлено их специфичностью и соображениями удобства коммуникации, а также особенностями языка [4, с. 34]. Как правило, выделяют такие виды перевода имен собственных, как транслитерация, транскрипция, практическая транскрипция, семантический перевод, калькирование (полукалька), благозвучие, модуляция.

Приём транслитерации применяется в случае, если исходный язык и язык перевода используют разные графические системы, однако есть возможность расставить буквы в определённом соответствии друг с другом, в результате чего, возникнет межъязыковая передача онимов. Например, *Geralt* – *Геральт*, *Foltest* – *Фолтест*, *Segelin* – *Сегелин*, *Nenneke* – *Нэннеке*, *Ciri* – *Цири*, *Oxenfurt* – *Оксенфурт*, *Radcliffe* – *Радклифф*. Важно подчеркнуть, что сегодня транслитерация в чистом виде в русской языковой практике не применяется, потому что в английском, французском и других языках многие буквы латинского алфавита либо изменили свое звуковое значение, либо читаются нестандартно в определенных буквосочетаниях и словах. Поэтому последовательная транслитерация их русскими буквами будет порождать варианты этих имен, мало похожие при чтении на оригиналы [2, с. 18].

Следующий приём перевода имён собственных – транскрипция. Данный способ перевода позволяет передать более точную звуковую форму имен собственных, как, например, *Velerad* – *Велерат*, *Alfie* – *Алфи*, *Daisy* – *Дейзи*, *Wyzim*, *Rivian* – *Ривян*. Цель, к которой должна стремиться система транскрипции, по мнению Дмитрия Ивановича Ермоловича, состоит в том, чтобы соблюсти принцип взаимно однозначного соответствия между фонемами оригинала и их графическими соответствиями в принимающем языке. Транскрибированные онимы наряду с остальными реалиями являются теми элементами перевода, которые сохраняют определенное национальное своеобразие в своей словесной звуковой форме.

При передаче онимов с одного языка на другой возможно также использование приёма благозвучия, который используется не самостоятельно, а в комбинации с другими приемами.

Калькирование используется при переводе в случае замены морфем или иностранных слов, которые соответствуют лексическим эквивалентам языка перевода. По мнению Т.А. Казаковой, возможно выделение следующих видов

калек: словообразовательные кальки; семантические кальки; фразеологические кальки; полукальки; ложные кальки [3, с. 88]. Словообразовательными кальками являются слова, полученные поморфемным переводом иностранного слова на русский язык и составленные из исконно русских морфем. Семантические кальки – это русские слова, которые получили новые значения под влиянием соответствующих слов другого языка в результате буквализма при переводе. Например:

Magistr Magических Тайн – *Master of the Arcana*

– *Да будет позволено мне, Радклиффу из Оксенфурта, магистру Магических Тайн, от всех здесь собравшихся выразить признание твоему возвышенному искусству и благодарность твоему таланту.* – *Allow me, Radcliffe of Oxenfurt, Master of the Arcana, to express what I am sure is the opinion of everyone here present and utter words of gratitude and appreciation for your fine art and skill.*

Фразеологические или синтаксические кальки возникают путём буквального перевода идиоматических выражений и кличек, например:

Чубчик – *Treska*.

«Go get the men, Treska!» he shouted to the third guard, who had stayed closer to the door. – *Жми за людьми, Чубчик! – крикнул он тому, что стоял ближе к двери.*

Полукалькой называется частичное калькирование составных слов, например, *the Sign of Aard* – *знак Аард*, *the Sign of Yrden* – *знак Ирден*, *Melitele's temple* – *храм Мелитэле*, *Master Dandilion* – *маэстро Лютик*.

С помощью калькирования переводится большое количество топонимов, эргонимов и фалеронимов, например: *Dragonstone* (*Драконий Камень*), *Narrow Sea* (*Узкое Море*), *Shady Glen* (*Тенистая Долина*), *Border zone Rats* (*Крысы Пограничья*), *Драконьи горы* – *The Dragon Mountains*, *Король за Стеной* – *The King-beyond-the-Wall*, *лорд Долины* – *Lord of the Vale*.

Для перевода некоторых урбанонимов целесообразно использовать приём модуляции, при котором словарное соответствие заменяется контекстуальным, лексически связанным с ним. Например, *трактир «Старая Преисподняя»* – *the Old Narakort Inn* (*He stopped in front of the Old Narakort Inn, stood there for a moment, listened to the hubbub of voices.* – *Путник остановился перед трактиром «Старая Преисподняя», постоял немного, прислушиваясь к гулу голосов*); *Канатчиковы ворота* – *Ropers Gate* (*Later, it was said the man came from the north, from Ropers Gate.* – *Потом говорили, что человек этот пришел с севера, со стороны Канатчиковых ворот*); *трактир «У Лиса»* –

The Fox (He pulled his horse farther down the street to another tavern, a smaller one, called The Fox. – Незнакомец не вошел в «Старую Преисподнюю», а повел лошадь дальше, вниз по улочке к другому трактиру, поменьше, который назывался «У Лиса»).

При передаче имён собственных с языка оригинала на переводящий язык также имеют место так называемые комбинированные переводческие техники. Выбор способа перевода не только является продуктом мыслительной деятельности переводчика, но и часто в немалой степени обусловлен и подсказывается нам текстом оригинала, нормами языка перевода и т.п. Так, в принимающем языке, к примеру, может появиться имя собственное, полученное не транскрибированием и не транслитерированием, а обоими этими способами одновременно. Если имя собственное состоит из нескольких слов, то вероятнее всего, что калькирование будет применено наряду с транскрипцией и/или транслитерацией, или транспозицией, или транслोकацией.

В переводах работ А. Сапковского можно найти несколько примеров, иллюстрирующих подобное сосуществование переводческих техник:

Ciri a child of destiny – *Цири Дитя Предназначения*;

Geralt the White Wolf – *Геральт Белый Волк*;

Master of the Arcana – *Магистр Магических Тайн*.

В нелегком деле передачи имен собственных на другие языки помимо сложившихся традиций и устоявшихся правил всегда не последнюю роль будут играть субъективные факторы. Помимо влияния индивидуального переводческого стиля есть ряд объективных факторов, которые следует учитывать всегда. К их числу принадлежат такие, как принцип благозвучности; сохранение тождества имени (корректная идентификация вариантов одного и того же имени); адаптация имени к грамматической системе принимающего языка; учёт национально-языковой принадлежности; способность имени к словообразованию (имя собственное должно обрести способность образовывать производные слова); учёт исторической традиции; учёт характеризующих компонентов значения имени; учёт конкретной прагматической задачи [5, с. 25]. Своеобразная окраска имен собственных играет важную роль при общении с творчеством иностранного публициста. Если человеку, кроме содержания, нравятся еще и имена героев переведенного художественного произведения, то он охотнее и быстрее прочтет его. Поэтому для переводчика очень важно выбрать верный способ перевода имен собственных, дабы избежать неоправданных смысловых потерь при переводе.

Изучение способов перевода онимов в произведениях А. Сапковского «Ведьмак» позволило прийти к выводу, что преобладающим методом перевода является калькирование. С его помощью переводятся такие разряды имён собственных, как антропонимы (клички и прозвища в частности), зоонимы, топонимы (а именно названия замков), хрематонимы (среди которых названия мечей), хрононимы (названия битв и событий), мифонимы (имена богов). Большинство антропонимов, выражающих личные имена героев, передаются с помощью транскрипции и транслитерации. При переводе очень важным аспектом является сохранение иноязычных реалий для максимально точной передачи смысла исходного текста, а также использование идентичной лексики, соответствующей описываемому временному периоду, именно поэтому в переводе на русский язык произведений А. Сапковского «Ведьмак» переводчик Дэвид Френч использовал стратегии «отстранения» и «синхронизации».

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончаров В. Л. Русская фэнтези – выбор пути / В. Л. Гончаров. – М., 1998. – 223 с.
2. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур / Д. И. Ермолович. – М. : Р. Валента, 2001. – 200 с.
3. Казакова Т. А. Практические основы перевода / Т. А. Казакова. – СПб. : Союз, 2001. – 320 с.
4. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. – М. : Высшая школа, 2004. – 56 с.
5. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1988. – 187 с.
6. Чернышева Т. А. Природа фантастики / Т. А. Чернышева. – Иркутск : Изд-во Иркутского ун-та, 1984. – 84 с.

АННОТАЦИЯ

Минина Е. В., Карпенко Д. Э. Особенности перевода имен собственных в жанре фэнтези

Статья посвящена особенностям перевода имён собственных в литературных произведениях в жанре фэнтези. В работе рассмотрены признаки жанра фэнтези, обозначены стратегии перевода имен собственных, выявлены и проанализированы различные способы перевода имён собственных в произведении А. Сапковского «Ведьмак».

Ключевые слова: фэнтези, онимы, стратегия перевода, транскрипция, транслитерация, калькирование.

SUMMARY

Minina Y. V., Karpenko D. E. The peculiar features of the proper names translation in the fantasy genre

The article is devoted to the peculiar features of the proper names translation in literary works of the fantasy genre. The research highlights fantasy genre properties, the proper names translation strategies are emphasized, the various ways of translating proper names in «The Witcher» by A. Sapkowski are identified and analyzed.

Key words: fantasy, onyms, translation strategy, transcription, transliteration, loan translation.

*Ж. В. Марфина
(г. Луганск, ЛНР),
Н. А. Ляшенко
(г. Стаханов, ЛНР)*

УДК 811.111:81'367.622.12

**СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗНАЧЕНИЙ
ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ
ЯЗЫКАХ НА ПРИМЕРЕ БУРАТИНО И ПИНОККИО**

Имя собственное всегда было под пристальным вниманием ученых, лингвистов, филологов. Ещё в античные времена, когда языкознание только начинало развиваться, особенности имен собственных привлекали исследователей языка, и до сих пор языкознание в своём разделе «Ономастика» занимается вопросами данного лексического явления, определяя его место в системе языка, специфику значения и особенности функционирования в разных типах текстов. Ономастика тесно связана с целым комплексом гуманитарных наук, включая философию, литературоведение, теологию, историю, этнографию и т.д. Следует отметить, что ономастическое пространство одного народа существует не изолированно, а в постоянном взаимодействии с ономастическими пространствами других народов и благодаря такому взаимодействию существенно наполняется, происходит своего рода миграция имен собственных. Но даже если мы будем рассматривать ономастическое пространство изолированно, мы можем отметить, что данное пространство с течением времени всё же изменяется, имена собственные приобретают определённые ассоциации, некоторые меняют или даже теряют смысл. Как неотъемлемая часть реального мира имена собственные отображаются в мире художественной литературы.

Внимание к этой непростой и занимательной системе, имеющейся внутри художественной литературы, порождено тем, что «имена и названия – это неотъемлемые элементы формы литературного произведения, один из аспектов стиля автора, одно из средств, помогающих сотворить художественный облик. Они несут безусловную смысловую нагрузку, и обладают определённым ассоциативным фоном, и имеют специфический сопутствующий образ; имена и названия обладают способностью передавать локальный колорит, отражать тот исторический период, к которому относятся события литературного произведения, обладают социальными характеристиками». Схожей точки зрения придерживаются и многие другие ученые-лингвисты (М. В. Горбаневский, В. Н. Михайлов): «Правильно понятая литературная ономастика является ключом, который открывает для нас неизведанные ранее возможности, она позволяет заглянуть в мастерскую художника, услышать биение пульса в его произведении и как нельзя яснее раскрыть структуру этого произведения» [1]. Данная работа посвящена функционированию имени собственного в литературном тексте – в сказках русского и итальянского авторов А. Н. Толстого и К. Коллоди – «Золотой ключик или приключения Буратино» и «Приключения Пиноккио».

Прежде чем начать исследование имени собственного в литературном произведении, следует дать определение этому термину.

«Словарь русской ономастической терминологии» даёт следующую трактовку понятия: «Собственное имя – это слово или словосочетание, которое служит для выделения именуемого им объекта среди других объектов: его индивидуализации или его идентификации» [4].

«Лингвистический энциклопедический словарь» даёт этому термину следующее определение: «Имя собственное – это имя существительное, обозначающее слово или словосочетание, предназначенное для именования конкретного, вполне определённого предмета или явления, выделяющее этот предмет или явление из ряда однотипных предметов или явлений» [3].

Имя собственное в лексической системе языка является антиподом имени нарицательного. Имена нарицательные, как правило, даются целому классу объектов и таким образом обобщают объекты внутри данного класса, а имена собственные, исходя из обоих представленных выше определений, даются индивидуальным объектам, а, следовательно, выделяют эти объекты из класса [1].

Народы мира живут на одной планете, развиваются по общим законам истории, хотя у каждого народа свой путь и своя судьба,

свой язык и условия обитания. В сходстве исторической народной жизни и следует искать ответ на вопрос о том, в чём же причины схожести, близости литературных сказок, сказок народов, живущих на разных континентах. Некоторые английские сказки напоминают сказки других народов: русские, итальянские, французские, немецкие. Исторические судьбы Англии, России, Франции, Германии и других стран в далеком прошлом были тесно связаны, и английская литература не могла не испытывать влияния народного и литературного творчества других стран. Некоторые сказки являются переводом на другие языки мира или же взяты в качестве основы для создания подобных произведений (Пиноккио и Буратино, например).

Пиноккио (итальянский: [pi'noʦkjo]) – вымышленный персонаж и главный герой детского романа «Приключения Пиноккио» (1883), который написал итальянский писатель Карло Коллоди из Флоренции, Тоскана. Пиноккио был вырезан резчиком по дереву по имени Джеппетто в тосканской деревне. Он создавался как деревянная кукла, но мечтает стать настоящим мальчиком. Отличительная черта его – частая склонность ко лжи, из-за которой у него растёт нос.

Имя Пиноккио в сказке Коллоди представляет собой сочетание итальянских слов *pi*no (сосна) и *occhi*o (глаз); Пино – это также сокращение от Джузеппино, уменьшительное от Джузеппе (итальянская форма Иосифа). Джеппетто, имя создателя и «отца» Пиноккио, является уменьшительным от Геппо, тосканского произношения *serro*, означающего бревно, пень, блок, приклад или окуроч.

В оригинальной истории нос у Пиноккио всего лишь однажды растёт при лжи, как и в известной постановке У. Диснея. При правдивых разговорах, наоборот, совсем ничего не происходит, и нос не уменьшается. В книге выросший нос Пиноккио призван приводить в надлежащую форму целый отряд дятлов, которые своими клювами просто отбили излишки.

Одним из наиболее запоминающихся моментов становится Мальвина, в сказке Коллоди – это Фея с Лазурными Волосами. При первой встрече с Пиноккио она сообщает: «Я одна в этом доме, и в доме все давно умерли, и я тоже умерла, стою у окна и жду свой катафалк...» Вот такая «девочка с голубыми волосами из потустороннего мира»... В дальнейшем, когда Пиноккио снова шалит и поступает не так, как фея советовала, перед ним назидательно предстает надгробный камень, где значится, что «Фея умерла от горя, не дождавшись Пиноккио».

Для сравнения, Мальвина или Девочка с Голубыми Волосами, живёт в кукольном домике на лесной полянке, у

неё есть верный друг, пудель Артемон, а также многие другие обитатели леса. Девочка с голубыми волосами воспринимает окружающий мир как нечто дружественное, светлое, доброе. Таким же становится окружающий мир в её присутствии. Мальвина не столько пугает Буратино (Пиноккио), сколько старается его перевоспитать, помочь ему стать лучше, ответственнее, серьёзнее.

Предлагаем вашему вниманию сцену, где Буратино отказывается пить лекарство. В отличие от Пиноккио, Буратино отделяется достаточно легко: «Девочка с голубыми волосами заботливо наклонилась над ним:

– Буратино, умоляю тебя – зажмурься, зажми нос и выпей.

– Не хочу, не хочу, не хочу!..

– Я тебе дам кусочек сахару...

Тотчас же по одеялу на кровать взобралась белая мышь, она держала кусочек сахару.

– Ты его получишь, если будешь меня слушаться, – сказала девочка.

– Один сааааахар дайте...

– Да пойми же, – если не выпьешь лекарства, ты можешь умереть...

– Лучшие умру, чем пить касторку...

Тогда девочка сказала строго, взрослым голосом: – Зажми нос и гляди в потолок... Раз, два, три.

Она влила касторку в рот Буратино, сейчас же сунула ему кусочек сахару и поцеловала.

– Вот и все...» [5].

А бедного упрямого Пиноккио Фея с Лазурными Волосами пугает смертельными опасностями и даже показывает Пиноккио жуткую сцену с чёрными кроликами с чёрным-пречёрным гробом: «– Are you not afraid of death?'

– I am not in the least afraid!... I would rather die than drink that bitter medicine.'

At that moment the door of the room flew open, and four rabbits as black as ink entered carrying on their shoulders a little bier.

– What do you want with me?' cried Pinocchio, sitting up in bed in a great fright.

– We are come to take you,' said the biggest rabbit.

– To take me? But I am not yet dead!...

– No, not yet: but you have only a few minutes to live, as you have refused the medicine that would have cured you of the fever.'

– Oh, Fairy, Fairy!' – the puppet then began to scream, – 'give me the tumbler at once... be quick, for pity's sake, for I will not die – no... I will not die...' [2].

В оригинальной версии Пиноккио умирает ужасной смертью: он повешен за свои многочисленные проступки в конце повествования. По просьбе своего редактора, а также бесконечного количества читателей, Коллоди добавляет продолжение сказки, в котором Фея с лазурными волосами всё же спасает Пиноккио и в конце повествования превращает его в настоящего мальчика.

Детская литература стала во времена Коллоди нововведением в XIX веке. По содержанию и стилю его произведение было новым и современным и дало возможность творить многим писателям следующего столетия.

Многие обороты и сравнения, описанные в книге, стали «крылатыми» и живут до сих пор, например:

Длинный нос обычно грозит тем, кто лжет. (Фея говорит, что «есть ложь с короткими ногами и ложь с длинным носом»).

«Земля игрушек» – термин, который скрывает нечто другое.

Точно так же многие персонажи стали типичными человеческими моделями, которые до сих пор часто цитируются в повседневном языке:

Маджафоко – буквально «пожиратель огня», грубый и вспыльчивый человек.

Лиса и Кот – ненадежная пара.

Лэмпвик – мятежный и своенравный мальчик.

Пиноккио символизирует нечестного мальчика.

На протяжении всего повествования о Пиноккио создаётся впечатление, что Коллоди наказывает Пиноккио за отсутствие у него силы воли, определённого морального стержня и его нежелание брать на себя ответственность, а только жить в своё удовольствие.

Такие литературные исследователи, как Томас Дж. Моррисси и Ричард Вундерлих, описывают Пиноккио как эпического героя. Согласно их исследованиям, в работе «Смерть и возрождение в Пиноккио» (1983) «такие мифологические события, вероятно, имитируют годовой цикл вегетативного рождения, смерти и возрождения, и они часто служат парадигмами для часто встречающихся символических смертей и возрождений в литературе. Два таких символических изображения наиболее характерны: возрождение из путешествия в ад и возрождение через метаморфозы» [1].

Некоторые исследователи (Т. Дж. Моррисси, Р. Вундерлих) утверждают, что в основу обоих произведений лег миф об одушевлении неживого существа. Древние люди верили, что все вокруг них живое. Кукла также служила прообразом человека. Поэтому потребность не просто сделать красивую куклу, но и оживить ее была очень важна.

К Пиноккио предъявляются серьёзные требования: необходимо работать, быть хорошим и прилежно учиться. И, в конце концов, именно готовность Пиноккио приложить усилия к самосовершенствованию превращает его в «настоящего мальчика». В классическом смысле, в сказке о Пиноккио предотвращается последняя катастрофа, хотя главный герой попадает в многочисленные опасные приключения. Коллоди в своём произведении не позволяет читателю забывать, что катастрофа всегда может произойти. Именно это наставники Пиноккио – Джеппетто, Говорящий Сверчок и Фея – неоднократно внушают ему. Хотя происшествия с Пиноккио являются частью комедийной сказки, их нельзя назвать забавными. Зачастую это бывают зловещие происшествия. Выдуманный мир произведения не исключает травм, боли или даже смерти – они умело стилизованы автором, завуалированы, но всегда присутствуют рядом. Автор применяет их, используя архетипический мотив рождения-смерти-возрождения как средство обеспечения развития своего героя до ответственного детства [1].

В 1936 году советский писатель Алексей Николаевич Толстой опубликовал переработанную версию «Пиноккио» под названием «Золотой ключик, или Приключения Буратино», которая стала одним из самых популярных произведений русской детской литературы. Перевод с итальянского языка выполнила Н. Петровская, а литературно обработал А. Толстой. В результате, в русской литературе появилась сказка, которую мы теперь считаем исконно «нашей» в течение многих лет, сказка под названием «Приключения Буратино, или Золотой ключик».

В предисловии к своей сказке А. Н. Толстой говорит читателям, что он взял за основу события, описанные Карло Коллоди, но также вносил и свои изменения.

В ходе сравнительного анализа мы видим, что Буратино достаточно далеко ушел от своего итальянского «предшественника». Сходство с сюжетом «оригинала» заканчивается, когда коварные кот и лиса (кот и лис у Пиноккио) отбирают деньги у доверчивого, глуповатого и задиристого героя. Дальше каждое повествование развивается в своём русле, да и понятие о «хорошей сказке» у писателей XIX и XX веков существенно отличаются. В то время как Коллоди описывает бесчисленные беды и ужасы, обрушившиеся на голову непослушного Пиноккио, бесконечно повторяя, что его необходимо перевоспитать, А. Толстой без всяких нравоучений описывает приключения милого и озорного Буратино, которому предстоит бороться со злом, одержать победу над ним и найти хороших друзей.

Авторы сказок ставят перед собой разные цели, потому их персонажи совершенно отличаются друг от друга. По замыслу Коллоди, Пиноккио должен заслужить право быть настоящим человеком. Это становится причиной того, что его характер меняется в ходе истории: из жестокого и своенравного деревянного человечка он превращается в живого мальчика, способного сочувствовать, любить и жертвовать собой ради других.

Толстой не ставит цели перевоспитывать своего героя, поэтому Буратино так и остается куклой, а его «испытания» оказываются вовсе не такими ужасающими, как у Пиноккио. Его нос не растет от бесконечного вранья, мальчика не превращают в осла, и он ни разу не сталкивается лицом к лицу со смертью и тяжелым трудом. Смелый, открытый и наивный персонаж, не переживая особых страданий, побеждает всех своих врагов и получает в награду собственный театр, становясь немного серьезнее, ответственнее и добрее к окончанию повести [5].

Существенно отличаются и отцы деревянных мальчиков. Старик Джепетто у Коллоди несмотря на свой странный и смешной образ, постоянно беспокоится о своём «сыне», старается найти его и помочь. В воспитании он руководствуется упреками, назиданиями и наказаниями, в надежде на чудо и Фею.

Шарманщик Карло у Толстого, напротив, следует совсем другим принципам. Он дает «сыну» свободу в действиях и поощряет его добрые и честные поступки. Карло хочет, чтобы ребенок-кукла вырос самостоятельным, и верит, что «сын» справится со всеми трудностями сам или при помощи друзей.

Мальвина у Толстого напоминает обычную девочку, хотя и является одной из кукол Карабаса-Барабаса. Она старается повлиять на Буратино и перевоспитать его, однако, в какой-то момент Мальвина сама попадает под влияние находчивого и простого Буратино и перенимает его линию поведения.

У Коллоди же девочка с голубыми волосами – это не кукла и не человек, а самая настоящая фея. Несколько «потусторонний» персонаж предстает перед читателями поочередно в трех ипостасях: девочки, желающей стать сестрой Пиноккио, привлекательной девушки и взрослой женщины, которая символически становится матерью героя. Но даже образ девочки-феи не имеет ничего общего с детством: по своей сути это зачарованный персонаж, который помогает Пиноккио, сопровождая его в самых сложных ситуациях. В итоге, именно любовь к Фее помогает кукле стать человеком, в то время как в мире Буратино ни о какой любви речь не идет – её заменяют вздохи и стихи Пьеро в адрес Мальвины [5].

Также важным наблюдением является то, что Пиноккио в книге Коллоди не имеет ни друзей, ни врагов. Чтобы измениться, ему приходится преодолевать все невзгоды в одиночку. Даже после зловещей встречи с котом и лисом персонаж не начинает видеть в них «абсолютное зло», а Фея, являясь «потусторонним» персонажем, никак не может быть его другом [2]. Сильный антагонист, одержав победу над которым, марионетки обретают право определять свою судьбу, появляется в русском варианте сказки.

Следующее, на что обратим внимание – имена героев. У «отцов», которые оживили деревянных кукол, различные имена и профессии. Джепетто – столяр, (примечательно, что плотником был Иосиф, отец Иисуса Христа). В русской сказке папа Карло назван в честь самого итальянского автора Карло Коллоди. Он – шарманщик, человек искусства, поэтому потом в его каморке найдется потайная дверь к новому театру.

Имя Пиноккио является производным от слова «сосна». Как дерево сосна плачет янтарной смолой, так и Пиноккио все время плачет. А еще у него растет нос, когда он врет.

Алексей Толстой, дав своему герою имя Буратино, просто вернул сказке Коллоди первоначальное название «Приключение марионетки». Алексей Николаевич считал, что «буратино» по-итальянски – кукла. Однако этот перевод не совсем точен. «Буратини» – это не просто кукла, а перчаточная кукла петрушечного типа. Буратино же, как и Пиноккио, принадлежал к категории кукол-марионеток. В Италии такие куклы имели название «фанточини», следовательно, правильно было бы данный персонаж назвать «Фанточино» [1].

Несмотря на внешнее сходство Пиноккио и Буратино, характеры у них разные. Непосредственный Пиноккио воплотил в своём герое все детские слабости и недостатки. Он не хочет ни работать, ни учиться, ни даже лечиться, постоянно лжёт, ворует, бродяжничает. Несмотря на это, в душе он добрый мальчик, способен к покаянию, великодушию, любит папу и фею с лазурными волосами. Но ничего с собой поделывать не может и постоянно попадает в бесчисленные неприятные переделки.

По мнению исследователей, Пиноккио символизирует раскаявшегося грешника, вставшего на путь добродетели. В этом видится влияние христианских идей на произведение Карло Коллоди, проживавшего в католической Италии. Дух поучения и искупления грехов присутствует в повествовании «История одной марионетки». Кажется, Пиноккио проходит все круги ада: он горит, попадает в желудок рыбе, его грызет крыса, его пытаются задушить. В результате всех пройденных

мытарств, он исправляется и превращается из деревяшки в живого человека [2].

От своего предшественника – обычного лентяя – проказник Буратино отличается добротой и любознательностью, способен на благородные поступки не ради себя, а ради других, не думает о выгоде, и стремится к прекрасному – к искусству. В конце произведения автор дарит в награду Буратино и его друзьям новый театр.

Сказка «Золотой Ключик, или Приключения Буратино» в сравнении с произведением о Пиноккио – очень добрая книга, здесь никто не гибнет, отрицательные персонажи только изображают злых, просто пугают. «Приключения Пиноккио» включает в себя много жестоких сцен, гибели, смертей. Буратино выглядит неисправимым, ну или почти неисправимым. Он сам меняет мир под себя. У Пиноккио путь исправления – это путь сплошных несчастий, горчайших страданий.

В ходе сравнения двух произведений – сказки Карло Коллоди «Приключения Пиноккио» и сказки Алексея Николаевича Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино» можно сделать следующие выводы:

– сказка Толстого создана «по мотивам», однако он многое изменил и в сюжете, и в образе главного героя, и в образах других персонажей, и смысл сказки в конечном итоге стал другой. Можно сказать, что «Золотой ключик, или Приключения Буратино» – полностью самостоятельное произведение. Его нельзя считать ни переводом, ни пересказом, ни тем более плагиатом сказки о Пиноккио;

– Толстой опирается на такие человеческие качества, как доброта, смелость, взаимовыручка. Он верит, что только самоотверженные и великодушные люди обретут ключи к счастью. На наш взгляд, именно этот смысл автор вкладывает в волшебный золотой ключик, которым можно открыть волшебную дверь в каморке за нарисованным очагом. Он достается тем, кто умеет дружить, кто не вешает нос и спешит прийти на помощь;

– в отличие от Пиноккио, который после перенесенных испытаний отказался от шалостей и стал настоящим мальчиком, наш Буратино остается деревянной куклой, которая любит проказы и шалости. Но, несмотря на это, он всё же становится настоящим героем.

В отличие от Коллоди, Толстой не превращает озорного веселого шалунишку в благовоспитанного мальчика. Не происходит своего рода метаморфозы. Писатель даёт понять, что дети всегда шалят и проказничают. В то же время писатель показал, как можно сформировать и усовершенствовать природные качества

характера и преобразовать отрицательные черты характера в достоинства: любопытство в любознательность, безрассудство в смелость, упрямство в целеустремлённость.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ботова Е.И. Имя собственное как единица структуры художественного текста [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nauchcor.ru> (дата обращения: 02.12.2021).
2. Коллоди К. Приключения Пиноккио. – М., 1998.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М. : Большая рос. энцикл., 2002.
4. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М. : Наука, 1978. – С. 122.
5. Толстой А.Н. Золотой ключик, или Приключения Буратино. – М. : Махаон, 2003. – 112 с.

АННОТАЦИЯ

Марфина Ж. В., Ляшенко Н. А. Сравнительная характеристика значений имён собственных в английском и русском языках (на примере Буратино и Пиноккио)

Статья посвящена анализу значений имён собственных в произведениях К. Коллоди «Приключения Пиноккио» и А. Н. Толстого «Золотой ключик или приключения Буратино». Авторы рассматривают происхождение имён Буратино и Пиноккио, анализируют дефиниции «имени собственного», данные в словарях, рассматривают понятие «ономастика» и вопросы, актуальные для этой науки.

Ключевые слова: литературная сказка, Буратино, Пиноккио, эпический герой.

SUMMARY

Marfina J. V., Lyashenko N. A. Comparative characteristics of the meanings of proper names in the English and Russian Languages (on the example of Buratino and Pinocchio)

The article is devoted to the analysis of the meanings of proper names in the works «The Adventures of Pinocchio» by C. Collodi and «The Golden Key or the Adventures of Buratino» by A. N. Tolstoy. The authors consider the origin of the names Buratino and Pinocchio, analyze the definitions of «proper name» given in dictionaries, and regard the concept of «onomastics» and issues relevant to this science.

Key words: literary fairy tale, Buratino, Pinocchio, epic hero.

Г. А. Оганнисян
(г. Ереван, Республика Армения)

УДК 811.112

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ АНТРОПОНИМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ Д.К. ДЕМИРЧЯНА «ВАРДАНАНК» И Х. АБОВЯНА «РАНЫ АРМЕНИИ»)

Номинативные знаки, вступая в отношения тождества, сходства, противоположности, объединяются в лексико-семантические группы, а «наиболее полное и всестороннее описание лексические единицы получают в семантическом поле», которое понимается как «множество языковых единиц, объединенных общим (инвариантным) значением» [5, с. 7]. А.В. Суперанская считает, что понятие «поля» можно применить и к онимической лексике. «Имена, входящие в определенное лексическое поле, представляют собой систему (или комплекс систем), каждый член которой увязан с другими по ряду параметров: территория, время, тема, разновидность объекта и т.п. Все это находит свое выражение с помощью лингвистических средств» [8, с. 280-281]. «Процесс дистрибуции компонентов системы заключается в уподоблении и ограничении лексического множества путем его деления на составляющие (класс-подкласс), которые характеризуются поэтапным сближением дифференциальных семантических признаков» [9, с. 40]. Антропонимические единицы распределяются в лексико-семантические группы, связанные парадигматическими отношениями как в плане выражения, так и в плане содержания. Распределение антропонимов характеризуется выявлением общности лексических значений апеллятивов, порождающих антропонимы, установлением смысловых связей лексических единиц, разнообразием групп и подгрупп и форм языкового выражения, а также экстралингвистическим фактором, указывающим на какие-либо социальные, культурно-исторические события в жизни народа.

Антропонимический материал исследуемых романов укладывается в девять лексико-семантических групп, включающих в себя и подгруппы, которые отражают различные области человеческой деятельности (материальная и духовная культура, окружающая среда, природа самого человека) и т.д.

Предлагаемая нами лексико-семантическая классификация содержит одноосновные и двуосновные антропонимы, зафиксированные в романах Д. Демирчяна «Вардананк» и Х. Абовяна «Раны Армении», включая этимологически

непрозрачные и неизвестные по языковой принадлежности имена. Семантика антропонимов приводится на основе данных словарей А. Гафурова, Гр. Ачаряна, Т.М. Аветисяна, А.В. Суперанской, Н.А. Петровского и др. (См. литературу).

I. Антропонимы-дескриптивы, отражающие внешние физические, физиологические характеристики человека: *Абгар* – ассир. «хромой» [1, V, с. 5], *Амаяк* – арм. «с чарующими глазами» [3, с. 50], *Аришам* – др.перс. «имеющий медвежьей силой» [1, I, с. 294], *Астиаг* – арм. Аждаак «большой, великий» [3, с. 10], *Аишкен* – пехл. «смуглый темный» (Ач. I: 179), *Гомер* – греч. «слепой» [7, с. 157], *Лусерэс* – арм. «светлый, светлолицый» [1, II, с. 439], *Маркос* – греч. «быть вялым, слабым, хилым» [1, III, с. 264]; *Мезраб* – перс. «лучезарный» [1, 3, с. 313], *Назлу* – перс. «изящная, грациозная» [1, IV, с. 10], *Платон* – греч. «широкоплечий, полный» [6, с. 180], *Погос* – греч. «маленький, малый» [1, IV, с. 272]; *Пульхерия* – лат. «красивая» [8, с. 427].

К этой группе можно отнести также антропонимические единицы, в основе которых положены следующие лексемы:

1) «человек», части тела: *Аришавир* – зенд. «мужчина» [1, I, с. 5], *Татул* – арм. «рука, стопа, ступня» [1, II, с. 257];

2) «мужество», «сила», «храбрость»: *Александр* – греч. «защитник людей, мужественный» [6, с. 44], *Александриос* – греч. Александр «защитник» [6, с. 44], *Андриас* – греч. «храбрый, мужественный» [1, I, с. 158], *Арсен* – греч. «мужественный» [1, I, с. 302], *Баласи* – перс. «сильный» [2, с. 131], *Вагаршак* – иран. Балаш «сильный» [2, с. 131], *Кара* – тюрк. «могучий, сильный» [3, с. 155], *Сурен* – пехл. «сильный, крепкий» [1, IV, с. 588].

II. Внутренние характеристики человека:

1) положительные: *Арам* – иран. «спокойный» [1, I, с. 266], *Артаг*, *Артавазд* – др. перс. «чья справедливость постоянна, неизменна» [1, I, с. 310], *Арташес* – пехл. «справедливо правящий» [1, I, с. 305], *Артэн*, *Арташир* – пехл. «справедливо правящий» [1, I, с. 305], *Анаит* – зенд. «непорочная, чистая» [1, I, с. 145], *Васак* – перс. «свободный, самовластный» [1, V, с. 43], *Вахэ* – др.перс. «лучший» [1, V, с. 19], *Гасан*, *Гусейн* – араб. «добрый, хороший» [2, с. 204], *Григор*, *Григориос*, *Григорий* – греч. «бодрствующий, бдительный» [1, I, с. 519], *Давид* – др. евр. «любимый» [6, с. 91], *Дарех* – перс. «несущий добро» [1, II, с. 20], *Зармайр* – арм. «удивительный мужчина» [1, I, с. 172], *Садык* – араб. «истинный» [2, с. 185], *Камилл* – араб. «совершенный» [2, с. 155], *Котан* – Костантин – лат. «постоянный, стойкий» [1, II, с. 648], *Наги-хан* – араб. «непорочный, чистый» [2, с. 175], *Надир* – перс. надир «необыкновенный, редкостный» [2, с. 174], *Оган* – греч. «покорный» [1, III, с. 538], *Рипсимэ* – греч. Рипсимия

«порядочная» [7, с. 429], *Саркис* – ассир. «достойный, уважаемый, высокочтимый» [6, с. 199], *Симон*, *Шмавон*, *Шамунэ* – др.-евр. «слушающий» [1, IV, с. 167], *Хосров* – пехл. «пользующийся доброй славой, именитый» [1, II, с. 529], *Элфариос* – греч. Елевферий «свободный» [7, с. 179];

2) отрицательные: *Акобос* – др.-евр. Акоп «лживый, обманчивый» [1, III, с. 481], *Гор* – арм. «гордый, высокомерный» [1, I, с. 488], *Мариам*, *Мария* – др.-евр. «быть горьким, противиться, отвергать» [6, с. 150], *Немрут* – *Бэл* – др.-евр. Небровт «мятежный, жестокий, безбожный» [4, с. 375], *Эстер* – др.-евр. «тайный, скрытый» (др.-евр.).

III. Большую группу (32 имени) составляют теофорные имена, а также антропонимы, включающие в себя какие-либо религиозные понятия:

1) антропонимические единицы, в основе которых положена лексема «бог», а также то или иное имя Бога: *Илья* – др.-евр. «Яхве – мой бог» [6, с. 121], *Гадишо* – ассир. «судьба Иисуса» [1, I, с. 436], *Зенон* – греч. «Зевсов, божественный» [7, с. 414], *Ираклий* – греч. «Гераклов» [7, с. 199], *Манучар* – иран. «род, племя Мана» [1, III, с. 192], *Маркиан* – лат. «Марциев» [7, с. 234], *Михрдат* – перс. «данный богом Михром» [1, III, с. 334], *Ованнес* – др.-евр. *Иоанн* «Яхве (бог) смиловился» [6, с. 118], *Оваким* – др.-евр. «Яхве (бог) воздвигает» [6, с. 117], *Товий* – др.-евр. Товбит «благодать бога Яхве» [4, с. 494], *Трдат* – др.-перс. «данный богом Тиром» [1, V, с. 174], *Феодосий* – греч. «данный богом» [П.: 218], *Ганнибал* – лат. «милость Ваала» [7, с. 151], *Манэч* – перс. «от рода бога Ману» [1, III, с. 199], *Набуходоносор* – «Бог Небо пусть защитит границу» [4, с. 366], *Сенекерим* – греч. «Син (Луна бог) приумножил братьев моих» [1, IV, с. 477-478];

2) теофорные имена с метафорической коннотацией: *Азкерт* – пехл. «божественный, чудотворный» [1, III, с. 481], *Апов* – арм. *Аствацпав* «с надеждой на бога» [1, I, с. 232], *Аракел* – арм. «посланный богом» [1, I, с. 206], *Багдасар* – ассир. Бальтасар «кого защищает бог» [7, с. 125], *Бакур* – перс. «сын божий» [1, I, с. 367-368], *Гавриил* – др.-евр. «сильный муж+ бог» [7, с. 149], *Елиса* – др.-евр. Егисабет «бог – его клятва» [1, II, с. 115], *Егишиэ* – др.-евр. «бог – спасенье» [1, II, с. 110], *Захарий* – др.-евр. «бог вспомнил» [7, с. 188], *Мазда* – перс. «творец, господь» [2, с. 161], *Михаил* – др.-евр. «кто как бог» [6, с. 160], *Овсен* – др.-евр. Иосиф «Он (Бог) приумножит, добавит» [6, с. 123], *Самэл* – др.-евр. «бог услышал» [1, IV, с. 381], *Симеон* – др.-евр. «(бог) слышащий» [7, с. 301], *Тавакял-хан* – перс. «уповающий на бога» [2, с. 193];

3) номинации, содержащие религиозные понятия, сакральную лексику: *Арутион* – арм. «воскресение», *Агафангел* – греч. «добрый

вестник» [1, I, с. 17], *Вард/Вардик* – др.-перс. «выращивающий свою религию» [1, V, с. 69], *Вараж* – вр. «благословенный», *Езрас* – др.-евр. «помощь» [1, I, с. 98-99], *Луйс* – арм. «свет» [1, II, с. 435], *Машиоц* – «святой, священный» [4, с. 325], *Србуи* – арм. «святая» [1, IV, с. 681], *Абэл* – др.-евр. *Hābel* «легкое дуновение» [1, I, с. 17], *Мартирос* – греч. «мученик, страдалец» [1, III, с. 271], *Машиади* – перс. «паломник» [2, с. 166], *Нуширван* – перс. «бессмертная душа» [2, с. 276], *Сероб* – др.-евр. Серовбэ «ангел» [1, IV, с. 482], *Омар* – араб. «паломник» [2, с. 197].

Через призму сакрального можно рассмотреть и такие проявления духовной жизни человека, как *добро*, *благо*, *весть*, *покой*, *радость* и т.п., проявляющиеся в следующих антропонимических единицах: *Аветик* – арм. «добрая, радостная весть» [1, I, с. 330], *Агафон* – греч. «благо, добро» [6, с. 39], *Дарий* – перс. Дара «обладатель доброй благой вести» [2, с. 142], *Ной* – др.-евр. «покой, успокоение» [6, с. 168], *Саак* – др.-евр. «радость» [1, IV, с. 348-349], *Себухт* – перс. «кого спасли трое» [1, IV, с. 472];

4) номинации, связанные с церковной атрибутикой, праздниками: *Галуст* – арм. «Пятидесятница. Духов день» [1, I, с. 440], *Зангак* – пехл. «колокол, звон» [1, II, с. 166], *Мкртич* – арм. «крестить, креститель» [1, III, с. 393], *Степаннос* – греч. «венок» [1, IV, с. 600], *Сципион* – лат. «посох» [7, с. 310], *Тонакан* – арм. «праздничный» [1, V, с. 180], *Христос* – греч. «помазанник» [7, с. 338].

IV. Антропонимы, сочетающие в себе апеллятивы с обозначениями терминов родства или семейных связей (отношений): *Абраам* – др.-евр. «отец народа» [1, I, с. 28], *Баби́к* – перс. «отец» [1, I, с. 351], *Бартух* – др.-евр. «сын Толомая» [1, I, с. 387], *Вараздухт* – перс. «дочь Вараза» [1, V, с. 64], *Дестрик* – арм. дстрик «дочь» [1, II, с. 85], *Духт* – перс. «дочь, девушка» [2, с. 146], *Манук* – арм. «дитя, ребенок» [1, III, с. 212], *Михрдухт* – перс. «дочь Михра» [1, III, с. 331], *Моси/Муса* – др.-евр. Мовсес «ребенок, сын» [7, с. 437], *Ормиздухт* – перс. «дочь Ормизда» [1, IV, с. 195], *Тома* – греч. Товмас «близнец» [1, II, с. 314].

V. Социальное положение, структура общества также отразились в антропонимах, указывающих на род занятий, профессию, должность, титул:

1) апеллятивы, обозначающие разнородные профессии: *Гаспар* – греч. «мастер, учитель» [7, с. 396], *Гектор* – греч. «вседержитель, хранитель» [6, с. 83], *Георгий* – греч. «земледелец» [1, I, с. 454], *Мовсес* – др.-евр. «древнееврейский законодатель» [6, с. 161].

В эту группу можно включить также антропонимические единицы, в основе которых положены следующие лексемы:

2) «господин», «хозяин», «князь», «княжна»: *Агаси* – тюрк. «господин, начальник» [2, с. 121], *Агурамазда* – ав. «мудрый господин, верховная истина» [1, I, с. 268], *Бэл* – аккад. «хозяин, устарелый» [4, с. 96-97], *Кир* – греч. Кюрос «господин, владыка» [1, II, с. 640], *Тироц* – арм. «хозяин, господин» [1, V, с. 168], *Хандут* – перс. «княжна» [3, с. 122];

3) «царь» (11 антропонимов): *Барсег* – греч. «царь» [1, I, с. 392], *Деихо* – арм. «царица, королева» [1, II, с. 72], *Кава* – иран. «царственный» [2, с. 154], *Каро* – арм. Карапет «предводитель, идущий впереди царя» [1, II, с. 582], *Магхаз* – арм. «руководитель царских стражей» [1, III, с. 176], *Махкос* – др. евр. «царь, царство» [4, с. 322], *Мелкон* – др. евр. «царь светлый» [1, III, с. 307], *Молох* – греч. Могок «царь, князь» [4, с. 351], *Такуи* – арм. «царица, королева» [1, II, с. 241], *Шапух* – перс. «царевич, принц» [1, IV, с. 144], *Шахиншах* – перс. «царь царей» [1, 4, с. 108];

VI. В нашей картотеке оказалось 28 имен, отражающих явления природы, животный и растительный мир (связь с языческим культом древнего человека):

1) апеллятивы, обозначающие животный мир или зоофорные имена: *Амазасп* – др. перс. «имеющий много (табун) лошадей» [1, III, с. 15], *Аришак* – перс. «медвежонок» [1, I, с. 290], *Аслан* – тюрк. «лев» [2, с. 126], *Арцви* – арм. «орел» [1, I, с. 284], *Мушкан* – перс. «куропатка» [1, III, с. 465], *Вазген* – зенд. «лягушка» [1, V, с. 5], *Вачэ* – перс. «детеныш» [1, V, с. 39], *Винасп* – пехл. «жеребец» [1, V, с. 125], *Гевонд* – греч. «лев, львиный» [1, II, с. 408], *Гурген* – пехл. «волк, смелый как волк» [1, I, с. 510], *Езник* – арм. «вол» [1, II, с. 97], *Зороастр/Зрадашт* – ав. «старый верблюд» [Г.: 78-79], *Корюн* – арм. «детеныш льва» [1, II, с. 676];

2) апеллятивы, обозначающие растительный мир или фитофорные имена: *Соси* – арм. «платан» [1, IV, с. 683] (считался в древней Армении священным растением), *Вард* (жен.) – арм. «роза» [1, V, с. 103], *Вергиллий* – лат. «ветвь, лоза» [7, с. 391], *Цахик* – арм. «цветок» [1, II, с. 566], *Вардитер* – арм. «лепесток розы» [1, V, с. 112], *Шушаник* – арм. «лилия» [1, IV, с. 179];

3) апеллятивы, обозначающие явления природы: *Аришалуис* – арм. «заря утренняя» [1, I, с. 290] (в древности в Армении так нарекали первого долгожданного ребенка в семье), *Цогик* – арм. «роса» [1, V, с. 182];

4) апеллятивы, связанные с названиями небесных светил: *Анатолий* – греч. «восток» [6, с. 49], *Астхик* – арм. «звездочка» [1, I, с. 232], *Михр* – перс. «солнце» [1, III, с. 331], *Хорен* – перс. «солнышко» [1, II, с. 543], *Хориша* – перс. «солнце царя (царское солнце)» [1, II, с. 545], *Эстер* – др. перс. «звезда» [2, с. 233].

VII. Немногочисленную группу составляют имена, связанные с военной лексикой. Основы антропонимов восходят к следующим лексическим единицам:

1) «сражение, бой»: *Антон* – греч. «вступать в бой, состязаться» [7, с. 53], *Геден* – др. евр. «разрушать, сокрушать» [1, I, с. 451], *Тигран* – перс. «сражающийся стрелами» с1, V, с. 147], *Цезарь* – лат. «резать» [6, с. 230];

2) «победа»: *Ваагн* – пехл. «победоносный» [1, V, с. 8], *Пероз* – перс. «побеждающий, победитель» [1, IV, с. 262];

3) «военные орудия»: *Ваан* – арм. «щит» [4, с. 84], *Кааб* – араб. «наконечник, кость» [2, с. 154].

VIII. Из лексем, обозначающих названия драгоценных камней, в тексте отмечено только одно имя: *Сатеник* – арм. «янтарь, янтарный» [1, IV, с. 342].

IX. Обособленную позицию занимает лексико-семантическая группа антропонимических единиц, которая включает разнородные по своему содержанию этимоны: *Дзвиг* – арм. «яйцо» [1, III, с. 112], *Виран* – арм. «яма» [1, V, с. 122], *Гют* – арм. «найденная вещь, изобретение» [1, I, с. 474], *Енрем* – др. евр. Ефрем «плодовитый» [6, с. 114], *Зарэ* – пехл. «золотая парча» [2, 147], *Паруйр* – арм. «круг, вращение» [1, IV, с. 232], *Олимпия* – греч. «олимпийский» [6, с. 170], *Петр* – греч. «камень» [6, с. 178], *Саак* – др. евр. Исаак «он будет смеяться» [6, с. 124], *Софокл* – греч. «мудрость + слава» [7, с. 305], *Тамерлан* – тюрк. Тимур «железо» [2, с. 194], *Фатьма* – араб. «отнятая от материнской груди» [2, с. 200], *Юзабер* – арм. «приносящий масло» [3, с. 135].

В данной классификации мы привели антропонимы с открытым семантическим содержанием. Однако в романах выделяются антропонимы, семантика которых или частично ясная, или вовсе закрытая. Такие антропонимы можно разделить на четыре группы:

1) этимологические непрозрачные имена, в том числе имена, частично дешифруемые на базе армянского языка.

а) Сложные гибридные имена, состоящие из двух или трех компонентов, с нечеткой общей семантикой: *Атрвинасп* – пехл. атр «огонь» + перс. асп «конь» [1, I, с. 261], *Вехмихр* – пехл. вех «хороший» [1, V, с. 119] + пехл. Михр «солнце» [1, III, с. 331], *Денишапух* – пехл. ден «вера» + пехл. Шапух «царевич» [1, II, с. 144], *Джамаспа* – араб. джами «полный, совершенный» [2, с. 143] + перс. асп «конь» [1, I, с. 261].

б) Сложные имена, семантика одного из компонентов которых неясна: *Ахта-шах* – ахта (?) + перс. шах «царь, правитель» [2, с. 210], *Вишаспа* – вишт (?) + перс. асп «конь» [2, с. 126], *Кешиш-оглы* – кешиш (?) + тюрк. огул «сын, мальчик» [2, с. 176], *Нершапух* – нер (?)

+ пехл. Шапух «царевич» [1, IV, с. 144], *Парихан* – пари (?) + хан (перс.), *Шхом-Шапух* – шхом (?) + пехл. Шапух «царевич» [1, IV, с. 144].

2) Греческие, латинские и персидские имена с неясной семантикой: *Аристотель*, *Ахилл* [6, с. 62], *Вахтанг*. [1, V, с. 7], *Врив* [1, V, с. 134], *Горацій* [7, с. 399], *Петрарка*, *Пифагор*.

3) Армянские древние родовые имена с неясной семантикой: *Араван* [1, I, с. 205], *Арандзар* [1, I, с. 204], *Атом* [1, I, с. 253], *Аиуша* [1, I, с. 191], *Гагик* [1, I, с. 429], *Месроп*, *Мушег-асс* [1, III, с. 463], *Муш* [1, III, с. 455], *Парандзем* [1, с. 190], *Тачат* [1, V, с. 136], *Смбат* [1, IV, с. 537].

4) Антропонимы неизвестной языковой принадлежности, не зафиксированные в словарях: *Алкун*, *Арамаида*, *Диштрия*, *Доврэдж* (*Догвэч*), *Зандаган*, *Зора*, *Кодак*, *Окюз-ага*, *Самдаджембан*, *Сванкули-хан*, *Тойголас*, *Фрашошдра*.

В результате проведенного лексико-семантического анализа можно сделать вывод, что антропонимические единицы исследуемых романов характеризуются большим разнообразием лексико-семантических групп. Продуктивна группа имен с положительной коннотацией человека, а также теофорные, зооморфные и фитофорные имена, указывающие на тотемизм, явления, отголоски языческого культа древнего человека, а также национальные концепты, отражающие религию, мировоззрение, характер и ментальность народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ачарян Гр. Словарь армянских личных имен: В 5 т. – Ереван, 1942-1962.
2. Гафуров А. Имя и история: Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. Словарь. – М.: Наука, 1987. – 221 с.
3. Дургарян К. Г. Словарь имен. – Ереван, 1981. – 162 с.
4. Мейтиханян К. Словарь библейских имен (на материале армянской поэзии V – XX вв.) / К. Мейтиханян. – Ереван: ЕРГУ, 2001. – 576 с.
5. Новиков Л. А. Эскиз семантического поля // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/eskiz-semanticheskogo-polya/viewer> (дата обращения: 16.12.2021 г.).
6. Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. – М., 1984.
7. Суперанская А. В. Словарь русских личных имен. – М.: Эксмо, 2004. – 544 с.
8. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М., 1973. – 312 с.
9. Фролов Н. К. Семантика и морфемика русской топонимии Тюменского Приобья. – Тюмень: ТюмГУ, 1996. – 160 с.

АННОТАЦИЯ

Оганнисян Г. А. Лексико-семантическая классификация антропонимов (на материале романов Д. К. Демирчяна «Вардананк» и Х. Абовяна «Раны Армении»)

В статье проводится лексико-семантический анализ антропонимов романов Д. Демирчяна «Вардананк» и Х. Абовяна «Раны Армении». Предлагаемая нами лексико-семантическая классификация включает антропонимы, отражающие внешние и внутренние характеристики человека, род занятий, термины родства и семейные отношения, теофорные и зоофорные имена, в том числе этимологически непрозрачные имена.

Ключевые слова: антропоним, лексика, лексема, аппеллатив, поле, семантика.

SUMMARY

Hovhannisyan G. A. Lexical-semantic classification of anthroponyms (based on the novels «Vardanank» by D. K. Demirchyan and «Wounds of Armenia» by K. H. Abovyan)

The article is devoted to the lexical-semantic analysis of the anthroponyms in the novels «Vardanank» by D. Demirchyan and «Wounds of Armenia» by Kh. Abovyan. The proposed lexical-semantic classification includes anthroponyms reflecting the external and internal characteristics of a person, occupation, kinship terms and family relationships, theophoric and zoophoric names, as well as etymologically opaque names.

Key words: anthroponym, vocabulary, lexeme, appellative, field, semantics.

С. Л. Орлова
(г. Орск, РФ)

УДК 81-22

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОГО ИМЕНИ В ЭПИСТОЛЯРНОМ ТЕКСТЕ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ РУБЕЖА XIX-XX ВЕКОВ

Обращение к собеседнику является неотъемлемой частью зачина письма, входя в состав приветствия или выполняя функцию приветствия, то есть является знаком начала общения и определяет тональность общения коммуникантов, обмен репликами диалога между которыми (писем) разделен пространством и временем, поскольку заменяют естественные при

непосредственном общении невербальные знаки установления контакта: взгляд, улыбку, рукопожатие и пр. При этом значимыми для коммуникантов также оказываются не только языковые составляющие обращения (форма имени адресата и эпитеты при имени), но и невербальные (графические) средства оформления зачина письма (особенности расположения обращения на листе по отношению к основному тексту, знаки препинания при обращении). Как отмечает Н.И. Белунова, «обращение рассматривается в качестве эпистолярного элемента дружеского письма и как одно из адресатных синтаксических средств, реализующих категорию диалогизации текста дружеского письма» [2, с. 48].

Эпистолярные тексты интеллигенции Серебряного века русской поэзии и культуры не раз становились объектом исследования лингвистов и литературоведов, поскольку являются живыми свидетельствами речи представителей одного из самых ярких периодов истории русской культуры. Основными для обращения в зачине письма являются следующие функции: коммуникативно-прагматическая, оценочная, эмоционально-оценочная, экспрессивная, эстетическая. А.Б. Черняева отмечает: «Коммуникативно-прагматическая функция является базовой функцией обращения. Выбор той или иной формы обращения зависит прежде всего от степени близости отношений автора и адресата, коммуникативных интенций адресанта, а также определяется содержанием письма, индивидуальными особенностями пишущего» [12, с. 18].

В большинстве дружеских писем интеллигенции старшего поколения, следующей традициям XIX века (Л.Н. Андреева, С.Н. Булгакова, К.С. Станиславского, В.И. Немировича-Данченко, А.М. Ремизова и др.), обращение выражено полной формой личного имени адресата, включающей отчество, распространено эпитетом «дорогой», выделено восклицательным знаком и расположено на отдельной строке перед основным текстом. Этот же вариант обращения в сочетании с местоимением «Вы» является основным для переписки представителей младшего поколения интеллигенции (А.А. Блока, Б.Н. Бугаева, В.Э. Мейерхольда, М.И. Цветаевой и др.).

Рассмотрим варианты обращения, отличные от традиционного, позволяющие адресанту передать особое отношение к адресату, усилить воздействие на него в связи с особым содержанием письма или своим настроением. Важным для описания функционально-стилистических особенностей обращения в русской речи оказывается сочетание формы имени и личного местоимения, указывающего на адресата: в эпистолярном тексте

рубежа XIX-XX веков принято было обращаться к другу на «Вы», местоимение «ты» в данном случае отражает наиболее близкие отношения. Интересны случаи сочетания полного личного имени и местоимения «ты»: «Милый друг Михаил Акимович! С радостью сообщаю тебе ...» [9, с. 43].

Следует отметить, что в переписке младшего поколения интеллигенции более распространенной становится обращение к адресату, равному по возрасту и статусу, по имени без отчества. Такие варианты обращения встречаются в переписке М.И. Цветаевой и М.А. Волошина, В.Э. Мейерхольда и Б.В. Алперса, А.А. Блока и Б.Н. Бугаева. Пример из письма М.И. Цветаевой М.А. Волошину: М.И. Цветаева – М.А. Волошину «Дорогой Макс! умоляю тебя, дай знать ...» [12, с. 443]. Совершенно естественным в таких письмах является употребление достаточно фамильярного местоимения «ты». Однако в некоторых случаях, чаще при обращении к более молодым адресатам, личное имя сочетается с подчеркнуто уважительным местоимением «Вы»: «Дорогой Боря!

Очень прошу Вас перед отбытием Вашим в действующую армию написать мне» [6, с. 179]. Пример взят из письма В.Э. Мейерхольда Б.В. Алперсу, известному театроведу, а в момент написания письма еще студенту.

Выбор варианта личного имени позволяет передать изменение взаимоотношений между друзьями в самых разных ситуациях. Так, В.Я. Брюсов в письмах к М.А. Волошину обычно использующий обращение «Дорогой Макс!», выбирает вариант полного имени «Максимилиан», чтобы подчеркнуть негативную оценку поведения адресата (в письме В.Я. Брюсов выражает обиду) [5, с. 453].

Важной составляющей обращения являются эпитеты при имени. Традиционными еще в текстах второй половины XIX века стали эпитеты «дорогой» (чаще в сочетании с местоимением «Вы») и «милый» (чаще в сочетании с местоимением «ты»).

Более экспрессивными оказываются следующие варианты обращений:

1. Обращение, распространенное более архаичными эпитетами «добрейший» или «любезнейший», встречается в переписке представителей старшего поколения: «Добрейший Василий Васильевич!» (из письма С.Н. Булгакова) [4, с. 65].

2. Включение в состав традиционного обращения личного местоимения первого лица в форме косвенного падежа «мне» или притяжательного местоимения «мой», придающего традиционному этикетному обращению характер подчеркнуто личной оценки: «Дорогой мне Александр Александрович!» (пример взят из переписки А.А. Блока и Б.Н. Бугаева).

3. Градация эпитетов: сочетание нескольких эпитетов, позволяющее «оживить» значение каждого из них, стерев их этикетность:

– «Глубокоуважаемая и дорогая Любовь Яковлевна!» (из письма К.С. Станиславского Л.Я. Гуревич) [10, с. 423];

– «Милый, глубокоуважаемый и близкий душе моей Саша» (из письма Б.Н. Бугаева А.А. Блоку) [3, с. 140];

– «Многоуважаемый и милый Борис Николаевич» (из письма А.А. Блока Б.Н. Бугаеву) [3, с. 10];

– «Дорогая, уважаемая, нежно любимая, великая Мария Николаевна» (из письма К.С. Станиславского М.Н. Ермоловой) [10, с. 32].

Последний приведенный здесь пример особенно интересен: К.С. Станиславский использует в обращении сначала два традиционных эпитета «дорогая» и «уважаемая», затем подчеркивающий близость отношений эпитет «нежно любимая» и наконец передающий преклонение перед дарованием великой актрисы эпитет «великая», в таком сочетании каждый из эпитетов воспринимается в своем первоначальном значении, позволяя наиболее ярко выразить отношение автора к адресату письма.

4. Включение в состав обращения слова «друг» является характерной чертой переписки отдельных авторов (С.В. Рахманинова с Н.С. Морозовым и М.А. Слоновым, А.А. Блока и Б.Н. Бугаева): «Милый друг Михаил Акимович!» (из письма С.В. Рахманинова М.А. Слонову) [9, с. 68].

5. Инверсия – размещение эпитетов после имени адресата – позволяет выделить значение эпитетов: «Саша, родной, милый!» (из письма Б.Н. Бугаева А.А. Блоку).

6. Выделение точкой обращения, вместо этикетного восклицательного знака, снижает стандартность обращения: «Многоуважаемый и милый Борис Николаевич.» (из письма А.А. Блока Б.Н. Бугаеву) [3, с. 10]; «Милый друг Михаил Акимович.» (из письма С.В. Рахманинова М.А. Слонову) [9, с. 215].

7. Расположение обращения не на отдельной строке, а в начале основного текста письма: «Милый Георгий Иванович. Одним словом, пришлось удирать из России» (из письма Л.Н. Андреева Г.И. Чулкову) [1, с. 11].

8. Включение нестандартного, экспрессивного варианта обращения в структуру первого предложения. Такое обращение обычно включает уже названные выше приемы (необычные для традиционного письма эпитеты, градацию, инверсию и пр.): «Саша, бесконечно милый, бесконечно ценный мне друг, прости, прости, прости!» (из письма Б.Н. Бугаева А.А. Блоку) [3, с. 140].

9. Замена имени адресата иноязычным обращением, иногда варваризмом, чаще всего придает ироничный оттенок началу письма: «Sire! Умоляю Вас, реставрируйте Ваш ужаснейший почерк! Верьте, он даже хуже моего ...» (из письма А.П. Чехова В.В. Билибину) [14, с. 69].

10. Замена личного имени адресата фамилией встречается только в письмах М.И. Цветаевой Б.Л. Пастернаку в период развития дружеских отношений. В начале переписки Марина Ивановна обращалась к поэту по имени и отчеству и используя «Вь» («Дорогой Борис Леонидович!»), затем в ее письмах появилось необычное обращение «Мой дорогой Пастернак!», «Милый Пастернак» (и тоже «Вь»), но когда отношения между поэтами стали по-настоящему близкими, она обращалась к Пастернаку только на «ты» по имени – «Борис» [12, с. 480].

11. Использование в качестве обращения домашних имен адресата также нечасто используется в дружеских письмах интеллигенции. Так обращалась М.И. Цветаева к матери М.А. Волошина («Дорогие Макс и Пра!»), В.В. Маяковский к О.О. Игнатьеву («Дорогой Путик»), К.С. Станиславский к А.А. Сулержицкому: «Милый и дорогой Сулер!» [10, с. 300].

12. Использование вместо имени метафорического словосочетания, дающего яркую эмоциональную оценку адресату, встречается в эпистолярных текстах С.С. Прокофьева и Н.Я. Мясковского. Композиторы вели многолетнюю постоянную переписку, в которой горячо обсуждали профессиональные проблемы, обменивались впечатлениями о гастролях; обмен шутливыми обращениями стал их своеобразной игрой:

«Свет очей моих»; «Прелесть моя!» (из писем Н.Я. Мясковского С.С. Прокофьеву) [7, с. 43, с. 45].

Наиболее яркие варианты эпитетов в составе обращения использованы именно в письмах С.С. Рахманинова и Н.Я. Мясковского. В их переписке нами отмечены следующие приемы выбора или создания эпитетов:

– окказиональное прилагательное «многообожжаемый», построенное по модели «многоуважаемый»: «Многообожжаемый Николай Яковлевич» [7, с. 52];

– архаичные книжные эпитеты «сердцу моему любезный»: «Сердцу моему любезный Сергей Сергеевич» [7, с. 38];

– диалектное сибирское «купавый» (белый, светлый): «Купавый Николай Яковлевич» [7, с. 47];

– дублирование традиционного, практически официального обращения по имени и отчеству подчеркнуто фамильярным обращением, включающим уменьшительно-ласкательный вариант личного имени адресата:

«Многоуважаемый Николай Яковлевич! (Ненаглядный Колечка!)» [7, с. 37]

И, наконец, самым сильным приемом зачина письма является отказ от обращения; этот прием используется с целью имитации непосредственного общения: без обращения письмо перестает восприниматься как эпистолярный текст, оно становится потоком монологической речи. В этом случае письмо начинается сразу с изложения основного содержания, включающего наиболее важную для автора информацию: *«Теперь выяснилось совершенно определено – и я уже не могу сомневаться в этом, – что вместе с моим уходом из Художественного театра он кончит свое существование»* (из письма В.И. Немировича-Данченко А.И. Сумбатову (Южину) [8, с. 458].

Таким образом, обращение в зачине дружеского письма русской интеллигенции рубежа XIX–XX веков во многом сохраняет традиции эпистолярного текста второй половины XIX века, однако письмам этого периода свойственно большее разнообразие форм выражения и графического оформления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Л. Письма Леонида Андреева. – Л.: Колос, 1924. – 228 с.
2. Белунова Н. И. Дружеские письма творческой интеллигенции конца XIX начала XX в. (Жанр и текст писем) / Н. И. Белунова. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2006. – 140 с.
3. Белы А., Блок А. А. Переписка // Летописи. – Кн. 7. Гос. лит. музей. – М., 1940. – 200 с.
4. Булгаков С. Н. Письма С. Н. Булгакова В. В. Розанову // Вопросы философии. – 1992. – № 10. – С. 25–32.
5. Мануйлов В. А. Валерий Брюсов и Максимилиан Волошин // Брюсовские чтения. 1971: Сб. науч. тр. – Ереван, 1973. – С. 76–90.
6. Мейерхольд В. Э. Переписка. – М.: Искусство, 1976. – 503 с.
7. Мясковский Н. Я., Прокофьев С. С. Переписка. – М.: Искусство, 1977. – 338 с.
8. Немирович-Данченко В. И. Театральное наследие: в 2 т. – М.: Искусство, 1954. – Т. 2. – 356 с.
9. Рахманинов С. В. Литературное наследие: в 3 т. – М.: Искусство, 1980.
10. Станиславский К. С. Собр. соч.: в 8 т. – М.: Искусство, 1957. – Т. 7; 1961 – Т. 8.
11. Талашманов С. С. Эпистолярный текст: трансформация жанра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/9597/2/Talashmanov.pdf> (Дата обращения: 20.12.2021 г.).

12. Цветаева М. И. Сочинения: в 2 т. – М.: Худ. литература, 1988. – Т. 2. – 470 с.
13. Черняева А. Б. Функционирование обращения в дружеском письме творческой интеллигенции конца XIX – первой четверти XX века: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – СПб, 2008. – 25 с.
14. Чехов А. П. Собр. соч.: в 12 т. – М.: Худ. литература, 1964. – Т. 12. – 560 с.

АННОТАЦИЯ

Орлова С. Л. Функционально-стилистические особенности личного имени в эпистолярном тексте русской интеллигенции рубежа XIX–XX веков

Статья посвящена анализу формы обращения в письмах русской интеллигенции рубежа XIX–XX веков. Эпистолярные тексты представителей интеллигенции всегда имели художественную ценность и предполагали сохранение в семейных архивах, а иногда и публикацию в качестве литературного наследия автора. Недаром полное собрание сочинений писателей включает письма и дневники, а письма известных философов, ученых, журналистов и других замечательных людей публикуются и читаются с большим интересом и служат материалом для различных научных исследований.

Актуальность анализа писем именно этого периода обусловлена эпохой: предреволюционные настроения общества, демократизация общественной жизни привели к значительным изменениям в устной и письменной коммуникации всех слоев русского общества. В рассматриваемый период наблюдается значительное расслоение культурного общества: старшее поколение интеллигенции сохраняет традиции XIX века, более демократическое младшее поколение интеллигенции формирует в своих письмах более свободные этикетные формы XX века. В эпистолярном тексте прежде всего изменения касаются выбора формы личного имени (обращение к адресату и подпись автора) и личного местоимения для обращения к собеседнику, что и стало предметом рассмотрения в нашей статье.

Ключевые слова: имя, обращение, эпистолярный текст, интеллигенция, история русского литературного языка.

SUMMARY

Orlova S. L. Functional and stylistic features of a personal name in the epistolary text of the Russian intelligentsia at the turn of the 19th–20th centuries

The article is devoted to the analysis of the form of appeal in letters of the Russian intelligentsia of the turn of the 19th–20th centuries. Epistolary texts of intellectuals have always had artistic value and

suggested preservation in family archives, and sometimes publication as the author's literary heritage. Not without reason, the complete works of writers include letters and diaries, and letters from famous philosophers, scientists, journalists and other wonderful people are published and read with great interest and serve as material for various scientific studies.

The relevance of the analysis of letters of this period is due to the era: the pre-revolutionary mood of society, the democratization of public life led to significant changes in oral and written communication of all layers of Russian society. During the period under review, there is a significant stratification of cultural society: the older generation of the intelligentsia retains the traditions of the 19th century, the more democratic younger generation of the intelligentsia forms in their letters more free etiquette forms of the 20th century. In the epistolary text, first of all, the changes concern the choice of the form of the personal name (appeal to the addressee and the author's signature) and the personal pronoun to appeal to the interlocutor, which became the subject of consideration in our article.

Key words: name, appeal, epistolary text, intelligentsia, history of literary language.

*Н. В. Осипова
(г. Елец, РФ),
Н. В. Киселева
(г. Елец, РФ)*

УДК 82.0

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОМИКСОВ НА УРОКЕ КАК ОДИН ИЗ ПРИЁМОВ ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ К ИЗУЧЕНИЮ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА У ОБУЧАЮЩИХСЯ 5 КЛАССОВ

Формирование мотивации к учебной деятельности у учеников среднего звена является одной из ключевых проблем современной школы. Она обоснована переходом к самообразованию учеников, более осознанному подходу к процессу обучения и воспитания в целом. Мотивационная деятельность в процессе обучения иностранным языкам основывается на некоторых принципах. Т.О. Гордеева в своей диссертации отметила, что мотивация состоит из «трех китов»: мотива, потребности и цели [2]. При планировании урока учителю необходимо грамотно определить его основную стратегию, какие мотивы могут заинтересовать

ученика, в каких потребностях он нуждается и какие цели перед собой ставит. Мотив представляет собой внутреннее побуждение школьника к какой-либо деятельности. В случае, когда учебная деятельность не является для учеников мотивом, возникает проблема плохой успеваемости и низкого качества знаний. Перед школой стоит задача добиться того, чтобы мотивы учеников совпадали с целями образовательного процесса. Чтобы реализовать данную идею, нужно обратить внимание на потребности.

Из психологической науки нам известно, что каждый человек имеет потребности: духовные, психические, физические и т.д. Мотив является причиной, почему та или иная потребность должна быть удовлетворена. Именно он отражает в себе действия по достижению потребности. В ходе образовательного процесса у учеников возникает множество потребностей. Учителю необходимо добиться того, чтобы доминирующей потребностью стала потребность в получении знаний, повышении уровня мотивации к учебной деятельности. Только при удовлетворении потребности ученик понимает, что проделанная им работа прошла не зря, появляется мотив самостоятельно познавать что-то новое, а далее ставится цель. Цель – результат удовлетворения потребности, то, чего хочет добиться человек по итогам своей деятельности и активности. Именно успешность в достижении цели зависит от правильного выбора мотива – варианта действия для цельного результата. В данном случае, при выборе грамотной стратегии построения учебного процесса (урока, внеклассного мероприятия и т.д.), учитель достигает того, что ученик обращает внимание на проделанную учителем работу, охотно воспринимает новые знания, растет мотивация к изучению предмета. Кроме того, важно учитывать возрастные особенности ученика. В рамках нашего исследования особое внимание мы уделяем психологическим особенностям школьников среднего звена. Многие исследования показывают, что в возрасте 11 лет мозг школьника имеет уникальную способность усвоения иностранного языка, однако с возрастом она ухудшается. Прочность и скорость запоминания в данном возрасте объясняется преобладанием долговременной памяти и наличием импринтинга (запечатлением иноязычного материала в сознании ребенка при наличии необходимой мотивации). Поэтому, чтобы более прочно закрепить полученные знания, следует учитывать основной вид деятельности ребенка в данном возрасте. В 5 классах дети становятся более самостоятельными и взрослыми, однако их преобладающим видом деятельности остаётся игровая. С помощью игры можно изучить все необходимые аспекты

лексического материала и преодолеть языковые трудности. Например, с помощью головоломок, занимательных игр, кроссвордов и т.п.

Основываясь на собственном опыте, отметим, что чаще всего у учеников слабо развита мотивация к учению. Проводя анкетирование среди учителей и учеников средней образовательной школы, выявилась динамика незаинтересованности учеников к изучению иностранных языков и учению в целом. Уровень мотивации учеников к учению оценивается как средний. На том же уровне стоит уровень мотивации к изучению иностранных языков. Однако учителя отмечают, что при использовании интерактивных форм, проектного и игрового методов у учеников повышается мотивация к изучению иностранных языков. Данная тенденция отмечается и в анкетах школьников. Более 50% опрошенных нами школьников заявили, что с удовольствием изучают иностранные языки через игры, общение в интернете, комиксы и книги.

Для практического подтверждения данной тенденции нами был проведен эксперимент. На основе немецкоязычных комиксов были подготовлены различные упражнения, готовые к использованию на уроке иностранного языка любого типа. В данном эксперименте приняли участие 10 человек немецкой подгруппы: 6 девочек и 4 мальчика. В результате эксперимента было выявлено, что при проведении урока иностранного языка с применением комиксов появился рост заинтересованности в изучаемом языке. Из контрольного анкетирования следует, что 100% учеников довольны данным уроком и заинтересованы в дальнейшем самостоятельном изучении иностранного языка. Мотивация школьников к учению возросла ближе к высокой.

В перспективе дальнейшие попытки данного эксперимента могут оказаться весьма полезным вкладом в учебную и методическую литературу, предполагается разработка подробного методического пособия. Для подтверждения этого нового результата планируется длительное и обширное в количественном отношении экспериментальное обучение с применением комиксов и книг в 5 классе общеобразовательной школы. В качестве прогнозируемого результата видится повышение мотивации и, как следствие, повышение уровня знаний обучающихся по дисциплине «Иностранный язык».

ЛИТЕРАТУРА

1. Божович, Л. И. Проблема развития мотивационной сферы ребенка // Изучение мотивации поведения детей и подростков. – М., 1972. – 53 с.

2. Гордеева, Т. О. Мотивация учебной деятельности школьников и студентов: структура, механизмы, условия развития: диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук. – М., 2013. – 444 с.
3. Дубравина, И. В. Возрастная и педагогическая психология: Учебное пособие. – М.: Академия, 2002. – 138 с.
4. Дудина, О. Н. Формирование у школьников желания и умения учиться // Развитие учебной мотивации младших школьников [Электронный ресурс]. – URL: <http://festival.1september.ru/articles/566438/> (дата обращения: 24.03.2021).
5. Маркова А. К., Матис Т. А., Орлов А. Б. Формирование мотивации учения. – М.: Просвещение, 2003. – 192 с.
6. Ордина, Н.В. Проблема развития школьной мотивации [Электронный ресурс]. – URL: <http://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/psikhologiya/2013/06/11/problemy-razvitiya-uchebnoy-motivatsii-v-mladshem-shkolnom> (дата обращения: 22.03.2021).

АННОТАЦИЯ

Осипова Н. В., Киселева Н. В. Использование комиксов на уроке как один из приёмов повышения мотивации к изучению иностранного языка у учащихся 5 классов

В статье речь идёт об актуальной проблеме мотивации школьников к обучению в целом и изучению иностранного языка в частности. Особое внимание уделяется обучающимся 5 классов. Автор предлагает и обосновывает использование комиксов в качестве инструмента для повышения уровня мотивации.

Ключевые слова: мотивация, иностранный язык, комикс, основное общее образование.

SUMMARY

Osipova N. V., Kiseleva N. V. The use of comics in the classroom as one of the techniques to increase motivation to learn a foreign language of students in the 5th grade

The article deals with the actual problem of motivating students to learn in general and to learn a foreign language in particular. Special attention is paid to students of the 5th grade. The author suggests and justifies the use of comics as a tool to increase the level of motivation.

Key words: motivation, foreign language, comics, basic general education.

И. А. Паневина
(г. Смоленск, РФ)

УДК 81'373.2

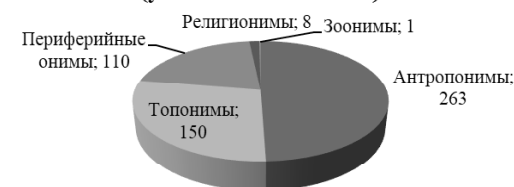
ОНОМАСТИЧЕСКАЯ ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ РОМАНА Б. АКУНИНА «ЧЕРНЫЙ ГОРОД»

Изучение имен собственных в рамках литературной ономастики ведется достаточно давно, но не теряет актуальности и в настоящее время. Трудно представить литературное произведение без единого онима, еще труднее предположить, что он употреблен там случайно. Проприальная лексика традиционно выступает ориентиром, отвечая на вопросы: «С кем происходит действие? Где?». И это минимальный набор, обычно в произведении присутствует множество типов имен собственных, описывающих предметы, характерные для представляемого времени и места, называющих важные события и т.д.

Произведения Б. Акунина из «Фандоринского цикла», созданные с оглядкой на эстетику постмодернизма, пронизаны интертекстуальностью, но в то же время обращены к историческому прошлому России, стилизованы под «старый» роман, поэтому имеют множество отсылок к реалиям 19 – начала 20 веков. Не последнюю роль в создании такой сложной ткани произведения играют имена собственные. «Сложная многоплановая связь с культурным и историческим прошлым России является одним из отличительных признаков произведений Бориса Акунина. <...> Для автора одним из регулярных средств актуализации «пространственно-временного континуума» являются онимы» [2, с. 212].

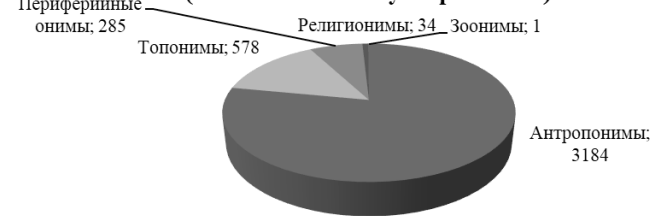
В этой связи нам представляется актуальным исследование ономастикона произведений Бориса Акунина с разных позиций. Мы проанализировали один из последних романов о сыщике ЭрASTE Фандорине «Черный город» с точки зрения качественно-количественного состава онимов, используемых в произведении и получили следующие результаты (в скобках количество уникальных онимов / количество словоупотреблений соответственно): антропонимы (263/3184), топонимы (150/578), периферийные онимы (110/285), религионимы (8/34), зоонимы (1/1). Для наглядности представим эти результаты в виде диаграмм.

Ономастикон романа Б. Акунина "Черный город" (уникальные онимы)

■ Антропонимы ■ Топонимы ■ Периферийные онимы ■ Религионимы ■ Зоонимы

Ономастикон романа Б. Акунина "Черный город" (количество словоупотреблений)

■ Антропонимы ■ Топонимы ■ Периферийные онимы ■ Религионимы ■ Зоонимы

Что же дает этот анализ? Во-первых, мы можем понять, какова доля ономастической лексики по отношению ко всему тексту романа. Количество слов в романе составляет 82530, а онимов разных типов в тексте насчитывается 4082 (имеем в виду количество словоупотреблений), что составляет 4,9 % от всей лексики романа. Этот показатель говорит о достаточной значимости указанного разряда лексики. Но для онимов как носителей экстралингвистической информации большое значение имеет семантическая составляющая, которая определяется разрядом онима, его эмоционально-экспрессивной окраской, прецедентностью, аллюзивностью, отнесенностью к тому или иному временному отрезку. В рамках статьи не представляется возможным подробно охарактеризовать каждый из указанных параметров, поэтому дадим лишь краткую характеристику ономастикона романа по намеченной выше канве.

Начиная разговор о разрядах имен собственных, следует определить, на какой из множества существующих

классификаций базируется исследование. Отметим, что до настоящего времени общепринятой исчерпывающей типологии не выработано, особенно в области ономастической периферии. О причинах отсутствия единства в данном вопросе говорит И.В. Крюкова: «Во-первых, это невозможность провести четкие разграничительные линии между отдельными разрядами имен собственных и создать исчерпывающую классификацию онимов по характеру именуемого объекта. И как результат – усложнение ономастической терминологии. Во-вторых, невозможность определить системные отношения в ономастической лексике, выявить структурно-семантические и функциональные свойства, общие для всех разрядов собственных имен» [3, с. 169 – 170]. В качестве иллюстрации приведем наиболее известные типологии имен собственных.

На основании именуемых объектов А.В. Суперанская выделяет: антропонимы (личные имена, отчества, фамилии); топонимы (названия географических объектов); зоонимы (клички животных); космонимы и астронимы (названия галактик, созвездий и названия отдельных небесных тел); мифонимы (названия объектов и предметов, в действительности никогда не существовавших); фитонимы (собственные индивидуальные названия отдельных растений); хрематонимы (собственные имена отдельных предметов – оружия, посуды, музыкальных инструментов, драгоценностей и т. п.); документонимы (названия документов, актов, законов); фалеронимы (названия орденов, медалей, знаков отличия); названия средств передвижения; сортовые и фирменные названия; товарные знаки; названия стихийных бедствий; названия праздников, юбилеев, торжеств; названия мероприятий, кампаний, войн; названия произведений литературы и искусства (артионимы) [7, с. 173–206]. Как мы видим, некоторые разряды не имеют названия. Другими исследователями было предложено еще множество дополнений и переименований к данной и другим классификациям, но ясности и стройности в типологию имен собственных это не добавило. Так, Н.В. Подольская предложила выделить эргонимы (разряд онимов, служащий для обозначения делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка) [5, с. 166], которые именовались затем прагматонимами [6, с. 26], фирмонимами [4, с. 45] и рядом других терминов.

В.Д. Бондалетов предложил разделить собственные имена на: 1) антропонимы – названия человека (его имя,

фамилия, отчество, прозвище, псевдоним); 2) топонимы – названия географических объектов (рек, морей, океанов, гор, возвышенностей, низменностей, а также городов, сел, площадей, звезд, планет, комет); 3) зоонимы – клички животных (лошадей, коров, верблюдов, собак, кошек, птиц, рыб); 4) теонимы – названия богов, демонов, мифологических персонажей и т.п.; 5) ктематонимы (от греческого ктематос – «имущество, богатство») – название предприятий, учреждений, организаций, исторических событий, праздников, органов печати, издательств, произведений литературы и искусства, пароходов, поездов, спутников, театров, магазинов, отдельных предметов, например: мечей, колоколов и др. [1].

Можно привести еще несколько популярных типологий, очевидно одно: в ядерной части проприальной лексики (антропонимы, топонимы, гидронимы) наблюдается большая стройность в типологизации, чем в периферийной части. Так как в нашей статье мы не ставили цель разработать новую классификацию онимов, мы присоединились к мнению В.И. Супруна [8], выделяющего в рамках ономастического поля ядро и периферию, и объединили многочисленные наименования материальных объектов (таких, как эргонимы, прагматонимы, гемеронимы, артионимы, документонимы, библионимы, фалеронимы и др.) общим названием периферийные онимы (ПО). Итак, ономастикон романа «Черный город» представлен следующими разрядами имен собственных:

– **антропонимы** (среди них прецедентные – *Ромео, Крез*; исторические – *Кёренский, Пётр Великий*) включают в себя:

личные имена: *Саадат, Эраст*,
отчества: *Петрович, Иванович*,
фамилии: *Фандорин, Иванцов, Арташесов*,
прозвища: *Дрозд, Дятел, Краб, Агбаш, Однорукий*,
псевдонимы: *Клара Лунная, Леон Арт*;

– **топонимы**:

хоронимы (названия любых территорий: областей, районов, государств): природные хоронимы (названия географических областей): *Баилов мыс, Апишеронский полуостров*; административные хоронимы или кратонимы (названия политических единиц и государств): *Австралия, Россия, Российская империя* и др.;

урбанонимы (названия внутригородских объектов): *Кузнецкий мост, Курско-Нижегородский вокзал, Садовая улица, Сверчков переулок*;

ойконимы – названия населённых мест: астионимы (названия городов): *Баку, Тифлис, Москва*; комонимы (названия сельских

поселений): *Мардакяны, Шубаны*; ойкодомонимы (названия зданий): *Ливадийский дворец, Браиловский замок, Букингемский дворец*;

микротопонимы (названия небольших объектов (угодий, урочищ, сенокосов, выгонов, топей, лесосек, гарей, пастбищ, колодцев, ключей, омутов, порогов и т. д., обычно известные лишь ограниченному кругу людей, проживающих в определённом районе): *Чёрный город, Старый город, промыслы товарищества «Бранобель», Манташевские промыслы*;

– **зоонимы** – корова *Бетти*;

– **религионимы** – *Аллах, Иисус Христос, Будда, Лотосовый Ад* и др.

Перейдем к ономастической периферии, представленной:

– **порейонимами** (греч. «средство передвижения» + оним) – названия транспортных средств: автомобили «*парсифаль*», «*форд*», «*роллс-ройс*»;

– **названиями оружия** (а именно, пистолетов): «*веблей*», «*смит-вессон*» и др.

Среди ПО, обозначающих предметы духовной культуры, выделяются:

– **идеонимы** – названия объектов умственной деятельности: гемеронимы (названия органов периодической печати): газеты «*Каспий*», «*Бакинский листок*»;

– **библионимы** – названия произведений письменности: книга монаха Тёмэя «*Записки из кельи*»; «*Война и мир*»; пьеса «*Чайка*»; «*Последняя жертва*» Островского;

– **поэтонимы** или поэтические имена (имена в художественной литературе, имеющие в языке произведения, кроме номинативной, характеризующую, стилистическую и идеологическую функции): *Портос, Панагрюа, Пантагрюэль*;

– **мифонимы**: *Медуза Горгона*;

– **фильмонимы**: «*Гибель Титаника*», «*Любовь калифа*», «*Штурм Измаила*», «*Ограбление поезда*»;

– **эргонимы** (греч. «труд»; «деятельность» + оним) – ИС делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка: *Жандармский корпус, Охранка, Совет Съезда нефтепромышленников*;

– **хрононимы** (ИС определенного отрезка времени, важного для человеческого общества тем, что в них локализовано какое-либо событие или события, характеризующиеся определенными тенденциями): *Персидский поход*;

– **фалеронимы** (названия наград): *орден Лежсьон д'Онёр, «Анна» на ленте*.

Сюда же можно отнести названия иероглифов: «*Клинок*», «*Иней*», «*Дерево*», «*Выдержка*», «*Одиночество*», а также наименования особого в японской традиции дневника для духовной практики – *Никки* и некоторые другие группы ПО.

С точки зрения эмоционально-экспрессивной окрашенности проприальная лексика романа в основном нейтральна, есть ряд уважительных форм (именование по имени и отчеству – *Эраст Петрович*), в том числе с национальным колоритом (*Месроп-ага*), нечасто встречаются диминутивы (*Туралуш, Кларочка*) и пейоративы (*собака Арташесов, Юшка*). Яркую характеризующую функцию несут прозвища и псевдонимы (*Одиссей, Дятел, Котофей Котофейч, Леон Арт*).

Создавая стилизацию под роман «с Ъ» (все произведения Фандоринского цикла объединены названием «Новый романъ»), автор активно использует возможности исторической ономастической лексики, воссоздавая с ее помощью дух эпохи. Это и упоминания исторических личностей, действующих в романе (*генерал Ломбадзе* – реальный прототип – генерал Иван Антонович Думбадзе, ялтинский градоначальник), и исторические топонимы (*Царская Тропа*), и целый ряд периферийных онимов, имеющих отношение к началу 20 века: автомобиль «*парсифаль*», лосьон «*Бриллиант-блю*», газета «*Бакинский листок*» и т.д.

Не обходит стороной Б. Акунин прецедентные онимы, используя их для характеристики персонажей (*бакинский Крез*), украшения речи (*царство Морфея*), перифраз (*театр Клары Гасуль*) и др. Здесь нельзя не согласиться с утверждением, что «в художественном дискурсе нет жестких границ между номинативными, прецедентными и аллюзивными группами онимов, что обусловлено возможностью модификации их семантического, прагматического потенциала и функционального статуса» [2, с. 218].

С точки зрения прагматики проприальная лексика в романе Б. Акунина выполняет самые разнообразные функции. Так, топонимы очерчивают географию романа (*Апишеронский полуостров, Баку, Старый город, Черный город, Мардакяны*), а также отсылают к фактам биографии персонажей (*Дикий Запад, Европа, Техас, Япония, Иокогама* – места, где побывал Фандорин) и некоторым историческим событиям (*Сараево, Белград* – действия романа разворачиваются накануне Первой мировой войны). Прозвища и псевдонимы несут в первую очередь функцию характеристики персонажей. Многочисленные периферийные онимы добавляют исторического и восточного колорита, а упоминаемые Фандориным литературные произведения и

известные личности того времени говорят о широте интересов героя, его кругозоре, помогают ярче обрисовать его характер.

Очевидно, что литературная ономастика имеет ряд особенностей по сравнению с исследованиями имен собственных, функционирующих в живой речи или на газетной полосе. Каждое имя мотивировано замыслом автора, несет в себе множество функций, создает образ произведения, его географию, его социум, его вещественный мир. «Онимы в художественном дискурсе, таким образом, характеризуются усложнением семантики, усилением прагматического эффекта, динамичностью функционального статуса. Эти свойства единиц ономастического пространства определяют глубину и полноту интерпретации произведения» [2, с. 218]. Как и многие тексты Б. Акунина, «Черный город» написан в эстетике постмодернизма, а это значит, что он многослоен, и имена собственные немало способствуют этому. Анализ каждого разряда онимов, а порой и отдельных имен, может дать более глубокое представление о содержании произведения и замысле автора, сделать чтение не только увлекательным, но и познавательным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондалетов В.Д. Русская ономастика. – М.: Просвещение, 1983.
2. Давидян М.В. Онимы в художественном дискурсе Бориса Акунина: семантика и прагматика // Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – №5. – С. 211–219.
3. Крюкова И.В. Периферийные разряды ономастики // Теория и практика ономастических и дериватологических исследований: Коллективная монография Памяти заслуженного деятеля науки Республики Адыгея и Кубани, профессора Розы Юсуфовны Намитковой / Научные редакторы В.И. Супрун, С.В. Ильсова. – Майкоп : Издательство «Магарин Олег Григорьевич», 2017. – С. 169–183.
4. Маевский Е.В. Графическая стилистика японского языка. – М.: Муравей-Гайд, 2000. – 176 с.
5. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1978. – 198 с.
6. Суперанская А.В. Аппелятив–онома / А.В. Суперанская // Имя нарицательное и собственное / Отв. ред. А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1978. – С. 5–33.
7. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 368 с.
8. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. – Волгоград: Перемена, 2000. – 172 с.

АННОТАЦИЯ

Паневина И. А. Ономастическая инвентаризация романа Б. Акунина «Черный город»

В статье анализируется ономастическое пространство романа Б. Акунина «Черный город». Автор приводит качественно-количественную характеристику имен собственных, использованных в романе, классифицирует их в соответствии с общепринятой ономастической терминологией.

Ключевые слова: имя собственное, классификация, роман «Черный город», Борис Акунин.

SUMMARY

Panevina I. A. Onomastic inventory of B. Akunin's novel «Black City»

The article analyses the onomastic space of B. Akunin's novel «Black City». The author gives qualitative and quantitative characteristics of the proper names used in the novel, classifies them in accordance with generally accepted onomastic terminology.

Key words: proper name, classification, the novel «Black City», Boris Akunin.

*И. М. Петрачкова
(г. Гомель, Республика
Беларусь)*

УДК 811.161.1'373.2:821.161.1-21Гремина

ОСОБЕННОСТИ ВЫБОРА ПРОПРИАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ В «НОСТАЛЬГИЧЕСКОЙ» ДРАМЕ ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА ГРЕМИНОЙ «ДЕЛО КОРНЕТА О-ВА»

Язык произведений театрального искусства конца XX века, в том числе его ономастикон, является лакуной, которая требует своего детального и глубокого исследования. Дескриптивный подход к изучению поэтонимосферы современной русской драмы позволит выявить ряд ономастических универсалий в творчестве отдельно взятого автора, работающего в определенном жанровом направлении, а также поможет установить основные тенденции в выборе проприальных единиц, характерные как для художественного метода, так и эпохи создания произведения.

Начиная уже с 60-х годов прошлого столетия, литературная ономастика довольно скрупулезно рассматривает поэтонимы, которые функционируют как в прозаических, так и

драматургических творениях русских писателей-классиков (А.С. Пушкина, М.В. Лермонтова, А.С. Грибоедова, Д.И. Фонвизина, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, А.Н. Островского и др.). Проприальное пространство же драматургии второй половины XX века по-прежнему не находится в поле зрения лингвистов. Весьма поверхностно пьесы этого временного периода изучаются и нашими современниками в рамках школьных и вузовских программ по литературе. Между тем драматургия – тот пласт русской словесности, который чаще всего представлен на суд широкому зрителю, будь то театр или кинематограф. «Театр силен непосредственным контактом со зрительской аудиторией, являющейся сотворцом той эмоционально-нравственной атмосферы, которая рождается во время спектакля. Эта духовная связь возникает благодаря слову, звучащему со сцены. Вот почему современность предъявляет высокий счет драматургии, требуя от нее не просто тематической злободневности, но прежде глубинного высокохудожественного постижения жизни», – подчеркивает исследователь современной русской драмы М.И. Громова [3, с. 4–5].

Бесспорно, в театральные пьесы значимо каждое слово, в том числе особая смысловая нагрузка ложится и на проприальные единицы, присутствующие в тексте, большинство из которых обладают синергетической функцией, когда не только художественный контекст (далее ХК) определяет выбор имени, но и сам оним обуславливает, программирует развитие действия в драме. Писатель, создавая пьесу (в отличие от прозаического произведения), достаточно ограничен в средствах характеристики того или иного персонажа, выражения своего отношения к происходящим событиям, героям и их поступкам, передачи авторской концепции. И поэтому имя собственное (ИС) здесь весьма нагружено в смысловом отношении, поскольку оно наряду с короткими авторскими ремарками, речевой характеристикой героев, их поведением на сцене несет в себе крупнейший характеристический, семантико-эстетический, историко-культурный и эмоциональный потенциал.

В переломный период 1980 – 90-х гг., эпоху социальных и ментальных преобразований, в том числе и в русском театральном искусстве, наблюдается стремление авторов к творческому эксперименту по созданию условных ситуаций и миров, моделированию оригинальных драматургических разработок, соответствующих этому времени. Так возникают два направления в развитии драматургии: постмодернистское (О.А. Богаев, Д.М. Липскеров, Н. Коляда, Н. Садур и др.) и противоположная постмодернизму тенденция – попытка (но тоже

новая, авангардная!) следовать русской классической традиции. Это пьесы рубежа веков Е.А. Греминой и М.Ю. Угарова, в которых доминирует ностальгически светлый пафос по далекому, идиллически прекрасному прошлому (отсюда и название – «ностальгическая» драма).

Объектом исследования нашей статьи стала пьеса-ремейк Е.А. Греминой *«Дело корнета О-ва»*, написанная в 1992 году. Современный русский драматург довольно свободно обходится с бунинским текстом повести *«Дело корнета Елагина»*. Заимствуя у И.А. Бунина сюжетную ситуацию (убийство провинциальной актрисы ее любовником, гусарским корнетом, при попытке двойного самоубийства), Е.А. Гремина домысливает ее и идет дальше: герои пьесы, пристав Каstellи вместе с кухаркой актрисы Лукерьей, в Париже 1927 года вспоминают подробности скандального дела. Причем главным обвиняемым выступает в драме не несчастный убийца-корнет, а «представитель закона» – придуманный автором пристав следственных дел Каstellи, который, как выясняется, был мужем актрисы и стал главной причиной ее самоубийств.

Предметом изучения в работе являются все ИС, функционирующие в пьесе *«Дело корнета О-ва»*. Ономапоэтическое пространство драмы отличается органичным использованием Е.А. Греминой реального ономастикона для воссоздания «правды жизни», укрепления веры читателя / зрителя в происходящие события, суггестивностью (от англ. suggestive – «указывающий», «намекающий на», т.е. наводящий на размышления [1, с. 1063]) ИС. Оним называется суггестивным, если он заставляет усиленно работать воображение читателя / зрителя, вызывает яркие эмоциональные переживания, раскрывает новое миропонимание или обновляет старое в пределах художественного пространства пьесы.

Именно в 90-е годы XX столетия Е.А. Гремина активно обращается к классике, создает современные версии хорошо знакомых сюжетов. Возникают ремейки и пьесы, написанные “вокруг” известных произведений или исторических событий. Драма *«Дело корнета О-ва»* есть ремейк любовного детектива И.А. Бунина *«Дело корнета Елагина»*. Пьеса имеет свою парадигму проприальных единиц и наполнена антропоэтонимами (37%): *индивидуально-авторскими* (ИАИ) – 14 единиц, не считая варианты имен, *прецедентными* (аллюзивными) именами (ПИ) – их 16 [об этом типе ИС см. подробнее: 7]; а также «фоновыми» номинациями – 50 онимов (63% ИС). К ИАИ относится класс *автологически* (от *автология* – самословие, т.е. «употребление в поэтическом произведении слов и выражений в их прямом,

непосредственном значении» [5, с. 7]) значимых ИС. Это контекстуальный антропоним *Корнет* – отапеллятивное имя (ср. *корнет* – «первый офицерский чин кавалерии и войска пограничной стражи дореволюционной русской армии, соответствовавший подпоручик в пехоте, а также офицер в этом чине» [9, с. 105]), образованное посредством онимизации, у которого заглавная буква указывает на то, что он возведен в ранг значимого. Данное название в ХК указывает на социальную принадлежность героя, его род деятельности. Использование такой неаппеллятивной лексики – характерное явление для произведений драматургии и названия персонажей без имени. Все остальные ИАИ, а также ПИ принадлежат к классу *металогически* значимых ИС (*металогия* – выходящий за пределы речи, логики, «употребление в поэтическом произведении слов и выражений в их переносном значении, образном или фигуральном» [5, с. 155]), т.е. они опосредованно, косвенно, метафорически характеризуют персонаж. Некоторые из суггестивных ИАИ созвучны по своей структурной модели с номинациями классической повести И.А. Бунина «Дело *корнета Елагина*». Уже сам заголовок драмы идеоним «Дело *корнета О-ва*» – главное ИС – прямо адресует к бунинскому тексту и формирует догадку у читателя / зрителя относительно сюжета и темы драмы. Автором создана целая система ИАИ, их вариантов (гипокористик – *Анеля, Мика*, аугментативов – *Сашура*, деминутивов – *Лукерьюшка*), усеченных форм, произносимых на французский манер (*Алекс, Софи, Зизи*). Антропонимы у Е.А. Греминой весьма узнаваемы: само личное имя *Александр О-в* (*корнет* С-го гусарского полка) *Александр / Алекс / Сашура / апеллятив Корнет* (у Бунина – *Сашка / Александр Михайлович Елагин*), сочетание апеллятива и фамилии (*корнет О-в и корнет Елагин*), структурная модель фамилии актрисы провинциального театра – *Анна В-ская* по структуре тождественна ониму героини детектива И.А. Бунина – *Мария Сосновская*. Оба автора активно используют модификаты личных имен в зависимости от коммуникативных ситуаций (*Анна / Анеля / Анета и Мария / Маша / Маня*). У Е.А. Греминой и И.А. Бунина прослеживается сходство модели фамилий польского происхождения, присвоенных главным героиням, на – *ская*, что подтверждается ХК пьесы и повести. Так, актриса *Анна В-ская* неоднократно упоминает о Варшаве (польской столице) [3, с. 192], о том, что она католичка [3, с. 201], прочие детали явно указывают на национальность героини: «Я же актриса, я полька, и вот я открыто живу с русским офицером! Как мне теперь показаться в Варшаве?» [3, с. 203]. Судьбы бунинской героини и героини Е.А. Греминой похожи. Анна заявляет: «Ты

знаешь, из какого ада удалось мне вырваться, что я пережила. <...> Я была сирота, маменька бросила нас, папеньку должны были судить – за растрату казенных денег, <...> но папенька застрелился... Я осталась одна... И тогда...» [3, с. 203]. В тексте И.А. Бунина находим знакомые мотивы: «Сосновская была чистокровная полька. <...> Отец ее был незначительный чиновник, покончивший жизнь самоубийством, когда ей было всего три года. Мать долго вдовела, потом опять вышла замуж, и опять за мелкого чиновника, и опять скоро стала вдовой...» [2, с. 12–13]. Фамилия *корнета* – *О-в* – подчеркивает принадлежность персонажа к русской национальности, а также демонстрирует типичность героя пьесы.

По принципу бинарной оппозиции «новый город» – «старый город» создан в современной драме один из «фоновых» ИС – *урбаноним*, указывающий на место, где происходит кульминация действия (убийство актрисы), – *Новгородская улица* (ср. у И.А. Бунина – *улица Староградская*). Другие авторские ИС, пожалуй, не вызывают ассоциаций в плане номинации, но обрисовывают схожих персонажей: *Степан Степанов / Степан* (денщик), *Лукерья / Лукерьюшка / Луиза Кастелли* (кухарка) – (у И.А. Бунина – это две героини: *Антонина Кованько*, горничная *Сосновской*, и ее кухарка, *Ванда Линевиц* [2]), *Антон Федорович / Кастелли / Антон Федорович Кастелли* (пристав следственных дел) – (у И.А. Бунина – прокурор без имени), *Кумиров-Бельведерский* (антрепенер) – (в «Деле *корнета Елагина*» – артист *Стракун* и артист *Лисовский*), генерал *Пытавин* – (у классика – генерал *Коновицын*), *Кручина-Орлов* (прапрадед *корнета*, генерал-аншеф), *Софи* (кузина), кокетка *Зизи, Михаил Ч-в* (поручик Лейб-гвардии Конного полка) / *Мика*.

Отметим, что у Е.А. Греминой значимы антропонимы не только сюжетных, но и внесюжетных (упоминаемых в ХК) персонажей. Это фамилия антрепенера («содержателя частного зрелищного предприятия (театра, цирка и т. п.) в капиталистически странах» [8, с. 41]) – *Кумиров-Бельведерский* (ср. *кумир* – «перен. Тот, кто (или то, что) является предметом обожания, восторженного поклонения» [9, с. 149], *бельведер* (от лат. *bellusvisum* – прекрасный вид) – «вышка, надстройка над домом или небольшая отдельная постройка на возвышенном месте, откуда открывается вид на окружающее пространство» [8, с. 78]. Поэтоним, во-первых, соотносится с родом деятельности персонажа (он является кумиром публики и актеров, поскольку имеет непосредственное отношение к театральной богеме), а во-вторых, антрепенер проходит свидетелем по делу *Корнета: «ЛУКЕРЬЯ*. Есть свидетели, антрепенер *Кумиров-Бельведерский*

из суфлерской будки (*косвенно возникает ассоциативная связь с лексемой бельведер (место, с которого все хорошо видно – И.П.) все-все видел, все-все слышал*) [3, с. 192]. Оним, присвоенный генералу *Пытавину*, металогически значим, опосредованно указывает на род деятельности и потенциальный характер персонажа (ср. глагол *пытать* – «подвергать пытке» [10, с. 569], т.е. подвергать кого-либо физическому насилию, истязанию, применяемому при допросе обвиняемого с целью получения от него каких-либо сведений, показаний). Выбор ёмкой в семантико-стилистическом отношении фамилии предка, а именно прадеда корнета О-ва, генерала-аншефа *Кручины-Орлова* ассоциируется с именем фаворита Екатерины II, графом Григорием Орловым, который в конце жизни из-за страданий, связанных со смертью своей любимой молодой жены Екатерины Зиновьевой, помешался рассудком и вскоре умер. Используя двойной антропоним, одна из частей которого отчетливо соотносится с апеллятивом *кручина* – «народно-поэтич. грусть, печаль, тоска» [9, с. 140], драматург, скорее всего, имеет в виду вышеназванный автобиографический факт из жизни реального исторического лица генерала Григория Орлова. Кроме того, хорошо известно, что в 1764 году именно Григорий Орлов был произведён в генерал-аншефы, т.е. получил высший генеральский чин, который существовал в Российском государстве XVIII века. Присвоение двойной фамилии внесюжетному персонажу свидетельствует о глубокой осведомленности драматурга относительно судьбоносных фактов, касающихся биографии известных деятелей прошлого, скрупулезной работе Е.А. Греминой при выборе имени с историческими документами, а также делает драму реалистичной и одновременно раскрывает родословную главного действующего лица – корнета О-ва. Ненавязчивое привлечение в ХК документальных фактов – та особенность драматурга, которая уже в начале XXI века приведет Е.А. Гремину к созданию нового художественного направления в современной драматургии «Театра. doc».

Еще одной особенностью создания ИС при наречении персонажей и места действия в пьесе является использование их завуалированной формы: корнет *О-в*, актриса *В-ская*, поручик Лейб-гвардии Конного полка *Михаил Ч-в*, уездный город *С*. Драматург Е.А. Гремина следует традиции А.П. Чехова, о чем свидетельствует ХК этого и других произведений писателя [6, с. 133].

ПИ писатель использует в качестве собственно узуальных ИС с целью отразить историко-культурный фон, хронотоп в произведении (реалионимы *Колчак*, *Румянцев-Задунайский*,

Александр Николаевич (царь), *граф Толстой*, *Ренуар с Деги*, *Бодяер*, *Мамонт Дальский*, *Плевако*, *Шиллер*, *Диоген*), а также дать характеристику персонажу. Так, сам *Корнет*, говоря о себе и оправдываясь перед Лукерьей, замечает, что он «рукоприкладством» не занимается: «Я, Лукерья, графу *Толстому* в Ясную Поляну писал... <...> ... я толстовец в душе» [3, с. 191]. ПИ могут выступать и как экспликативы идиоматических смыслов в форме *ономастических метафор* («КАСТЕЛЛИ. Пьяница-гусар в припадке животной ревности <...> Вот голые факты, и ни один *Плевако!*» [3, с. 196] – в значении «хороший адвокат»), *ономастических метонимий* («КОРНЕТ. Я читал. *Спенсера* и *Ницше* собирался читать...» [3, с. 209] – имеются в виду труды этих философов) и др. [о типах ПИ подробнее: 7].

Исследованию «фоновых» номинаций, на наш взгляд, в ономапозитике не уделялось должного внимания при исследовании ХК литературного произведения. Между тем эта группа ИС весьма многочисленна и значима (напомним, в исследуемой драме их 63%). Данные онимы, порой, могут выступать в качестве изобразительного средства – ономастической детали. Вкрапление «фоновых» ИС воспроизводит подробности предметного мира (обстановку, местоположение, интерьер), наглядно-образно представляет и характеризует персонажей (их окружение, интересы, увлечения). Все это создает эффект реальности, материальности художественного бытия. Ономастические единицы, введенные автором в ХК, являются держателями и экспликативами разного рода информации – автобиографической, историко-культурной, мифопоэтической, хронотопической и т. д. Для драмы Е.А. Греминой характерно присутствие «фоновых» онимов, обличенных исторической отнесенностью, что еще раз подтверждает тезис о принадлежности пьесы автора к «ностальгической» драме. Исходя из парадигматического подхода к исследованию «фоновых» ИС, в ХК произведения активно употребляются разные виды топонимов: гидроним *Азовское море*, хоронимы *Белева*, *Жиздра*, *Ясная Поляна*, *Россия / Отечество*, *Франция*, их разновидность (полисонимы) *Париж*, уездный город *С.*, *Москва*, *Рим*, *Аустерлиц*, *Севастополь*, *Петергоф*, *Варшава*, *Петербург*, *Рига*, *Радам*, *Вильно*, *Житомир*, *Ижевск*, *Лион*, *Константинополь*, *Царьгород*, урбанонимы (адрес в Париже) *рю де Шассе*, *Новгородская улица*; библеизм *Мать Божья*; астроним *Русское Затмение*, зооним (лошади) гнедой *Ятаган*; эргонимы *Астрономическое общество*, *ресторан «Масленица русс»*, *отряд «Синяя блуза»*, *Лейб-гвардия*, *Конный полк*, *Японская кампания*, *Николаевское училище*, *Ижевский пединститут*, *выставка Салонов*; геортонимы *День Ангела*,

Новый год, Масленица, прагматоним револьвер Лехоше / Лефоше / револьвер системы Русский Лефоше; хрононимы Первая мировая война, Век Науки, Век Философии, Век Свободы, идеонимы «Дело корнета О-ва», «У жизни в лапах» и др. В ХК идет явное противопоставление русской топонимической лексики, геортонимов, эргтонимов и французских номинаций. Бинарная оппозиция «свой – чужой» служит замыслу драматурга, передает ностальгическое настроение русских эмигрантов, находящихся во Франции, вдали от России / Отечества при переосмыслении ими пережитых некогда на родине событий. Пристав Кастелли, став эмигрантом и проживая в Париже, открыто демонстрирует свое пренебрежение ко всему французскому: «Ну и город! Что за город! Верно говорят: плохо здесь человеку. Темный, грязный, низменный город. <...> Обожаю здесь бросать бумажки. Пачкать этот проклятый город. Нет уж верно говорят: гаже Парижа – только Рим» [3, с. 189 – 190]. И вместе с тем ностальгирует по России: «...Я ненавижу этот французский язык. Одно это носовое подвывание, это щebetание противоестественное. А ведь учил когда-то французский, <...> все это было, было, в Петергофе при Александре Николаевиче светлой памяти» [3, с. 190]. «... Я сам по матери немец, по одной бабке француз, в Петергофе родился. <...> И Крым и Рим повидали, как говорится <...> это же наш, наш Константинополь! Наш исконный город. Наши князья еще в десятом веке... «Твой щит на вратах Царьграда»... Знаешь, о чем это? Царьгород! Понимаешь, наш Царьгород! Все профукали, а тебе и невдомек!» [3, с. 199]. Вспоминают Лукерья и Кастелли и русскую Масленицу «с битками» [3, с. 199]. Вся сюжетная ситуация в пьесе прочитывается как предзнаменование глобальных катастроф, поскольку люди ждут солнечного затмения (Русского Затмения), назначенного на август 1914-го. Это не позволяет читателю / зрителю забыть, какая катастрофа начнется в августе 1914-го (начало Первой мировой войны) и чем она закончится. Астроним Русское Затмение выступает в качестве символа зловещих для России перемен.

«Фоновые» онимы часто воспроизводят факты биографии героев пьесы. Например, пристав Кастелли, оказывая психологическое воздействие на Корнета, саркастично упрекает его в случившемся, намекая на утраченные перспективы и утерянную возможность сделать блестящую карьеру: «И – мальчишка-корнет, аристократишка, такая семья, и Николаевское училище... А?» [3, с. 197]. Актриса Анна В-ская, по словам Лукерьи, увидев в карете «электрические фонарики сами собой горят, барышня прямо в восторг пришли. Как в Варшаве, мол, барышня в ладошки хлопала даже» [3, с. 192]. Данный полисоним не только указывает на польское происхождение героини,

но и ее ностальгию по родине, радость от каких-то самых обычных вещей, напоминающих ей о доме.

Таким образом, в переходный период русской драматургии Е.А. Гремина обращается к чужому сюжету, используя при этом комплекс суггестивных ономапоэтических средств, обладающих синергетической функцией и позволяющих четко соотнести основных героев драмы с известным классическим сюжетом: подбор идентичных и схожих по структуре ИС, а также их вариантов, следование чеховской традиции при номинации персонажей, применение узуальных реалионимов для воссоздания историко-культурного фона, фактов биографии, а также автологически и металогически значимых ИС для исчерпывающей обрисовки героев драмы, ПИ, эксплицирующих идиоматические и паремиологические смыслы. Ономапоэтические «фоновые» единицы участвуют в передаче авторского замысла, способствуют формированию содержательно-смысловой структуры художественного произведения, взаимодействуют с другими компонентами текста, играют роль ключевых элементов в драме. Автор, используя «фоновые» ИС, стремится, прежде всего, к эмоциональному воздействию на читателей / зрителей, создает определенные ассоциативные ряды, пытается отразить пространство и время изображаемых событий, воспроизвести совершенно уникальный, особенный хронотоп, одномоментно подчеркивающий замкнутость и в то же время безграничность мира драматургических героев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Англо-русский учебный словарь CollinsCOBULD. В 2-х т. –Т.2: М – Z. – М.: Астрель: АСТ, 2006. – 1500 с.
2. Бунин И.А. Дело корнета Елагина. Текст произведения. Источник: И.А. Бунин. Собрание сочинений в 6-ти т. – Т.4. – М.: Художественная литература, 1988 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ilibrary.ru/>. (Дата обращения: 27.11.2021).
3. Гремина Е.А. Дело корнета О-ва / Е.А. Гремина, М.Ю. Угаров // Пьесы и тексты: в 2-х т. – Т. I. – М.: ООО «Новое литературное обозрение, 2019. – С. 189-216.
4. Громова М.И. Русская современная драматургия. Учебное пособие / М.И. Громова. – М.: ФЛИНТА, 2013. – 442 с.
5. Квятковский А.П. Поэтический словарь / А.П. Квятковский. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 376 с.
6. Петрачкова И.М. Антропонимы в «ностальгической» драме Елены Анатольевны Греминой «Сахалинская жена»:

- структурно-семантический, полевой и прагматический аспекты / И.М. Петрачкова // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2021. – №4(127). – С. 129–137.
7. Петрачкова И.М. Имена-реминисценции в текстах современной русской прозы / И.М. Петрачкова // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2004. – №1(22). – С. 97–101.
 8. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. // Под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – Т. I: А–Й. – М.: Русский язык, 1985. – 696 с.
 9. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. // Под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – Т. 2: К–О. – М.: Русский язык, 1986. – 736 с.
 10. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. // Под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – Т. 3: П–Р. – М.: Русский язык, 1987. – 752 с.

АННОТАЦИЯ

Петрачкова И. М. Особенности выбора проприальных единиц в «ностальгической» драме Елены Анатольевны Греминой «Дело корнета О-ва»

Статья посвящена исследованию имен собственных, функционирующих в «ностальгической» драме-ремейке конца XX века «Дело корнета О-ва» Е. А. Греминой. Объектом изучения стали поэтонимы пьесы в парадигматическом и сравнительно-сопоставительном аспектах. Цель работы – установление особенностей при выборе драматургом номинаций. Результаты, связанные с выявлением общих закономерностей ономастического пьес Е. А. Греминой, будут способствовать осмыслению и дальнейшему развитию теоретических основ литературной ономастики.

Ключевые слова: проприальная единица, оним, ономапоэтическое пространство, модификат, поэтоним, прецедентное имя.

SUMMARY

Petrachkova I. M. Features of selecting propriat units in the «nostalgic» drama «The Case of Cornet O-v» by Helena Anatolievna Gremina

The article is devoted to the study of proper names, functioning in the nostalgic drama-remake of the end of the twentieth century «The Case of the Cornet O-v» by H. A. Gremina. Poetonyms of the play in paradigmatic and comparative aspects became the object of study. The purpose of the work is to establish the specifics of the playwright's

choice of nominations. Results related to the identification of general patterns of the onomasticon of the plays by H. A. Gremina will contribute to the comprehension and further development of the theoretical foundations of literary onomastics.

Key words: proprietary unit, onym, onomapoetic space, modifier, anthropoetonym, precedent name.

*Е. В. Рочняк
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 811.112.2-2(045)

ЛИНГВОФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ АНТРОПОНИМИЧЕСКИХ НИКНЕЙМОВ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Проблема соотношения языка и мышления, речевой и мыслительной деятельности, системы лингвистических знаков и когнитивного отражения действительности интересовала людей с давних времён. Всё дело в том, что человек имеет дело не с самим миром, а с представлениями о нём, с когнитивными картинками и моделями, зафиксированными и воплощенными в языковых системах. Поэтому в последние десятилетия наблюдается активное обращение к языку при решении вечных философских проблем, стремление философов извлечь из словаря данные о мире, познать реальность через значение и форму слова: «... философия все больше внимания стала уделять языковым проблемам, рассматривая язык во всем многообразии его жизни, а не только как математизированно-логическую конструкцию» [10, с. 224]. Исследования, направленные на изучение взаимоотношений языка, особенностей мышления, внешнего и внутреннего мира человека, проводятся в рамках относительно недавно возникшей научной дисциплины – философии языка или лингвофилософии.

В условиях современного общества важным социальным пространством является Интернет, в котором получают отражение и развитие все больше сфер человеческой деятельности. Этот факт предопределяет настоятельную потребность в выяснении того, как реальные социальные структуры и процессы находят проявление в пространстве Интернета, а интернет-структуры, в свою очередь, влияют на процессы в офлайн-жизни.

Бесспорно, для понимания соотношения реального пространства и интернет-пространства необходимо рассмотреть такую черту последнего, как виртуальность. Вот одно из

определений: «Виртуальность (от лат. *virtualis* – возможный, потенциальный) можно определить, как «существование вещей, событий, процессов в форме представления, воображения, невещественного образа...» [20]. Исходя из него, виртуальное является синонимом чего-то мнимого, эфемерного, противостоящего чему-то материальному, реальному.

Н. Покровский отмечает, что виртуализация современного общества связана с развитием технологии, но не может сводиться исключительно к нему. Потому что эта тенденция заложена в саму природу человеческой культуры, «в основе виртуализации <...> лежит базовая для человека способность к представлению, идеализации, интеллектуальной деятельности, основанной на продуцировании абстрактных моделей и образов» [цит. по 29, с. 8]. По сути, религия, искусство, отчасти наука также являются примерами таких виртуальных миров. Затем эстафету подхватило книгопечатание, развитие газет, радио, телевидение, а сегодня это интернет.

Исследователь Д. Иванов следующим образом обосновывает концепцию виртуализации общества: процессы виртуализации согласовано проходят не только в пространстве Интернета, но и в «реальном» мире. Причем основная черта логики виртуализации – «замещение реальных вещей и поступков образами – симуляциями» [12, с. 7]. Следовательно, нельзя разрывать взаимосвязь виртуальной и реальной действительности. «Создание образа – это всегда манипулирование знаками, символами, а коммуникации – это потоки символов по определению» [там же, с. 12]. С этим мы имеем дело как в реальной жизни, так и в виртуальной реальности. В частности, одной из форм создания своего образа является самопрезентация.

В социально-психологической литературе понятие самопрезентации объясняется с многих точек зрения, а именно: поведение, которое используется как передача определенной информации о субъекте в социум или самораскрытие в межличностном общении через демонстрацию собственных взглядов, мнений, впечатлений и т. п. (А. Стейнхилбер); управление создаваемым впечатлением; форма социального поведения (И. Гоффман); средство поддержания завершенной самооценки (Д. Майерс); поведенческая реализация мотивации достижения или избегания неудач (А. Шутц); средство формирования собственного Я и самооценки (Ч. Пули, Г. Мид); как средство подтверждения образа «Я» и способ подтверждения самооценки (Ю. Шленкер, М. Лири, Г. Ковальски); прием устранения когнитивного диссонанса (Л. Фестинге, Ф. Хайдеру); фокусировка внимания на себе в результате внимания к человеку

со стороны других людей (Г. Викланд); личностное качество (саморефлексия) (М. Снайдер) [25, с. 23].

Наиболее же общим и всеохватывающим, с нашей точки зрения, является определение, предложенное понятийно-терминологическим словарём МГППУ, самопрезентация – это «вербальная и невербальная демонстрация собственной личности в системе внешних коммуникаций» [23]. С нашей точки зрения, главный момент состоит в том, что самопрезентация является неотъемлемой частью любого взаимодействия. Как только мы вступаем в коммуникацию с другим человеком, мы неизменно включаем в наши действия элемент самопрезентации, при этом от него во многом зависит наша успешность в социальной и профессиональной деятельности. Акцентируем, что философская постановка вопроса о сути коммуникации как процессе передачи системы различных смыслов является одним из ключевых достижений лингвофилософии.

Поскольку сегодня Интернет стал огромной частью нашей жизни, где мы общаемся, отдыхаем, налаживаем деловые контакты и т.д., то важным представляется изучение самопрезентации в этом новом пространстве для взаимодействия, в виртуальном мире. В исследованиях самопрезентации личности ученые доказывают, что виртуальная самопрезентация имеет те же показатели, что и в реальной жизни. Примером конкретного исследования самопрезентации в сети Интернет является статья Н. Курчаковой, которая изучала самопрезентацию интернет-пользователей в блогах. На основе анализа работ и мнений различных авторов Н. Курчакова делает важный вывод: «стиль самопрезентации – это устойчивое кросситуативное свойство личности, которое не зависит от места, где оно происходит» [16, с. 16], т.е. самопрезентация личности в реальной и виртуальной жизни будет примерно одинакова.

Социальные медиа в научном обсуждении все чаще определяются в качестве способа нового культурного самовыражения. В современном обществе у человека возникает не только желание, но и необходимость представлять себя через Facebook, Twitter и т.д. Однако это утверждение явно слишком категорично, потому что оно игнорирует определенные социальные и культурные изменения, которые произошли независимо от технологического развития интернета. Так, например, согласно Х. Барцу [30] очень четко прослеживается «трехступенчатая смена ценностей» и ее влияние на индивидуальные концепции самоосознания в течение последних шести десятилетий. В то время как в 1950-х и 1960-х годах преобладала сильная внешняя ориентация ценностей, в 1970-

1990-х годах она уступала место прежде всего внутренней ориентации, пока, наконец, сегодня не наблюдается растущее сочетание внешней и внутренней ценностной ориентации. Последнее означает конструкцию идентичности, основанную на самопрезентации, которая, однако, также более тесно связана с социальными нормами и ценностями.

Помимо этих событий, которые делают создание идентичности более или менее важной индивидуальной задачей, самопрезентация, самовыражение часто рассматривается как основное условие использования социальных сетей. Технически это началось задолго до получения популярности сетевых платформ (например, Facebook) или микроблогинг-сервисов (например, Twitter) и можно было наблюдать уже в рамках чат-коммуникации. Самопрезентация в социальных сетях обычно не заканчивается при заполнении профиля или создании веб-блога, что в работах И. Сайлза [34] определяется как «technologies of the self». Именно с первых попыток использования соответствующей платформы начинается расти осознание того, что в этих приложениях имеется множество вербальных, визуальных и аудиальных возможностей, с помощью которых собственное «я» может быть представлено по-разному и достаточно подробно [36, с. 1824].

Исследователь Б. Кнайдингер [33] выделяет три основных формы самопрезентации в пространстве социальных платформ: вербальная, аудиовизуальная и форма конструирования «третьего».

Аудиовизуальная форма самопрезентации базируется на нескольких моментах, а именно: фотография профиля или аватар; собственные фото или селфи; интеграция чужих фото-, видео и аудиофайлов в свой профиль; совместное использование видео- и аудиофайлов благодаря облачным технологиям.

Форма самопрезентации через «третьего» представляет собой активные действия в профиле другого пользователя или группы, например, через нажатие на кнопку «Мне нравится» («лайк»), репост сообщения или комментарии. Эта добавленная информация дает представление о пользователе как непосредственно через содержательный компонент комментария, так и через выбор группы или владельца профиля, страницы которых он просматривает (и возможно комментирует). Близкой по своей идее к данной форме самопрезентации является создание так называемых «коллекций», т.е. контента, который человек выбирает из новостей, постов друзей и т. п., считая важным и значимым (однако в сеть это выложил не он, а другой пользователь).

Наконец, вербальная форма самопрезентации. Согласно мнению исследователей виртуального пространства А. Е. Жичкиной и Е. П. Белинской, «информационное пространство в своем виртуальном выражении есть (сегодня, по крайней мере) пространство вербальное» [11]. Такой же точки зрения придерживается В. И. Штанько: «Киберпространство как социальная составляющая сети Интернет в своем виртуальном выражении является преимущественно вербально-текстовым пространством» [28].

Еще относительно недавно ученые-футурологи прогнозировали упадок текста в эпоху аудиовизуальной культуры. Но текст в Интернете не «умирает», просто меняется, становится не линейным и логичным, как в книге, а коротким, эмоциональным и базирующимся на гиперссылках. Определенным образом Интернет возродил текст, ведь, несмотря на использование видео и аудио, значительная часть информации в сети распространяется именно в текстовом варианте. И даже в аудиовизуальном формате значительный упор делается на речь собеседника, его формулирование мыслей и построение предложений, употребляемые слова. Таким образом, в Интернете мы – по большей части текстовая информация, которую предоставляем о себе.

Любой человек, заходя в пространство «всемирной паутины», в большинстве случаев должен обозначить себя. Именно поэтому никнеймы стали обязательной конституирующей частью виртуальной личности, некой «речевой маской», а также «одной из главнейших возможностей виртуальной самоидентификации и самопрезентации личности еще на докоммуникативном уровне» [13, с. 87]. Никнейм, по своей сути, является важнейшим (наряду с аватаром) способом первичной самопрезентации и инструментом начала компьютерно-опосредованного общения.

Никнейм (ник, сетевое имя, виртуальное имя, виртуальный оним, сетевой антропоним, персоним, никоним) как имя собственное в виртуальном пространстве представляет собой достаточно новое явление в ономастике, поэтому статус его окончательно не определен. Стоит отметить, что даже толкование термина «никнейм» отсутствует в «печатных» толковых словарях, что напрямую указывает на его недавнее появление и распространение. Именно поэтому нам пришлось рассмотреть значение термина в современных электронных словарях, которые в силу своей специфики значительно быстрее реагируют на изменения.

В свободной энциклопедии «Википедия» термин «никнейм» трактуется следующим образом: «(ник; англ. nickname –

первоначально «кличка, прозвище», от среднеанглийского *an eke name* – «другое имя», перешедшее в одинаково звучащее «a nick name»), также сетевое имя – псевдоним, используемый пользователем в Интернете, обычно в местах общения (в блогах, форумах, чатах)» [18].

В «Словоборге. Народном словаре современного русского языка» приводится следующее толкование: «Никнейм – условное либо вымышленное имя для идентификации в сети. Художественный образ из символов, создаваемый пользователем для общения и самопрезентации в чатах, социальных сетях и подобных ресурсах» [19].

В исследованиях, посвященных этому явлению номинации, никнейму отводится место в ряду таких единиц, как псевдоним, кличка, прозвище и т.д. [2, с. 74; 4, с. 5; 6, с. 64; 8, с. 11; 9, с. 11; 22, с. 660; 26, с. 23]. Однако никнеймы не могут относиться к псевдонимам, т.к. часто эмоционально окрашены и используются в замкнутой среде, что для псевдонимов не характерно. Никнейм не может считаться также кличкой или прозвищем, т.к. он выбирается пользователем самостоятельно, а не присваивается ему другими участниками коммуникации. Кроме того, клички и прозвища часто даются обществом с целью высмеивания определенных реальных качеств объекта данной номинации, в то время как никнейм не соответствует действительности и уж тем более для него не свойственны инвективная функция и функция насмешки. Напротив, пользователь выбирает ник часто с намерением скрыть свои негативные качества и подчеркнуть позитивные либо наделять себя желаемыми.

О. В. Лутовинова считает, что никнейм напрямую связан с личностью своего обладателя. Более того, как указывает исследовательница, он «представляет собой аналог личного имени, по которому человека знают в реальной действительности» [17, с. 25]. Для обоснования своей позиции она подчеркивает значимую природу никнеймов, при помощи которых участники коммуникации не просто самовыражаются, но осознанно акцентируются на тех моментах, которые должны привлечь внимание других потенциальных участников диалога.

Из-за недостатка личной информации никнейм создает первое впечатление о своем владельце. Согласно немецким исследователям Г. Дабири и Д. Хельтен [31], коммуниканты выбирают себе собеседников по никнеймам. Так как никнейм вызывает определенные ассоциации, ожидания, представления или отождествляет с тем или иным образом, возникает желание установить контакт с его владельцем. Так, пользователь Obelix может заинтересовать читателей комиксов или любителей

французского кино, DerGerhard – знатоков политики, Centurio – любителей истории или латыни.

Никнейм с точки зрения своей физической реализации представляет собой уникальную последовательность символов (строчных и заглавных букв латинского алфавита или кириллицы, цифр, знаков препинания, пиктограмм-смайлов). Никнеймы могут быть безликими и представлять собой хаотичный набор символов (например, qwert, 1q2we3, (\$#jya), либо воплощаться в каких-либо значимых словах, неся в себе определенную смысловую нагрузку (Garden, !True!, süßKind). Причем, в отличие от других антропонимов, он может быть выражен любой частью речи или даже словосочетанием.

При регистрации пользователю отказывается в доступе, если на данной интернет-платформе уже зафиксировано аналогичный никнейм. Таким образом, в пределах одной виртуальной среды невозможно встретить абсолютно идентичные ники. Именно поэтому все никнеймы «либо единичны, неповторимы, следовательно, безэквивалентны и соотносимы с конкретным носителем, либо индивидуальны в условиях конкретной ситуации интернет-общения» [5, с. 13]. Иначе говоря, они представляют собой разновидность реалий [21, с. 6], определяются «как единственный символ-знак отдельного объекта, обладающего социально-дистинктивной важностью» [15, с. 85] и обозначают «отдельный объект (референт), принадлежащий классу предметов, индивидуально выделяемых из него» [1, с. 203].

В работах немецких филологов В. Штоммеля [35, с. 141-162] и С. Н. Гатсона [32, с. 224-235] акцентируется, что никнеймы могут быть как реальными именами для прямой ассоциации с фактической идентичностью, так и псевдонимами, основанными на фантазии, что помогает передать еще одно неявное сообщение о том, как пользователь сам себя представляет.

С такого рода классификацией никнеймов полностью согласна В. В. Казяба, которая в своей статье «Никнейм переходного типа как способ самономинации в немецкоязычной интернет-коммуникации» добавляет, однако, еще один тип виртуальных имен. «Процесс самономинации в Интернете осуществляется с использованием одного из типов никнейма: никнема-автонима (основан на собственных реальных антропонимах коммуниканта), никнейма-псевдонима (образован от нарицательной лексемы или «чужого» имени собственного) или ника переходного характера (объединяет реальное имя пользователя с нарицательной единицей или «чужим» именем собственным)» [14, с. 82]. При этом исследовательница отмечает, что ведущими мотивами создания никнеймов переходного типа являются юмор и ирония,

основанные на включении дополнительных смыслов в имя. «Никнеймы переходного типа являются наиболее оригинальным видом интернет-самоминаций, т. к. требуют от создателей определенных языковых усилий и творчества» [там же].

Также А. С. Балкунова [5] акцентирует, что для никнеймов характерны такие черты, как яркость и изобразительность, экспрессивность, мотивированность, ограниченность сферы употребления. Однако мы считаем, что подобное обобщение является некорректным. За исключением последней черты (ограниченность сферы употребления особым коммуникативным пространством сети Интернет), все остальные специфичны лишь для никнеймов переходного типа и частично никнеймов-псевдонимов (по классификации В. В. Казябы). Никнеймы-автонимы такими характеристиками не обладают.

Что же касается такой специфической черты никнеймов, как выполнение функций самоминации, самоидентификации и самопрезентации пользователя, то следует отметить, что Интернет, как особая культурная среда, способствует развитию самосознания как высшей психической функции [27], поскольку его специфика дает человеку свободу выбора для себя любого набора характеристик. Ученые отмечают снижение психологического риска, включая «аффективную раскрепощенность» [7, с. 23]; снятие психологических барьеров и высвобождение творческого «Я» [3, с. 33]; раскрепощенность коммуникативного поведения [там же, с. 45]. Иллюзорная свобода помогает самоутвердиться. «Речевая маска», выраженная в никнейме, является демонстрацией интересов, увлечений, занятий, принадлежности к профессии, места в какой-либо социальной группе или сообществе. С другой стороны, ник – это, возможно, нереализованные амбиции, планы, желания. Кроме того, возможность смены ника в любой момент позволяет презентовать себя в различных ипостасях.

В целом, анализируя никнеймы пользователей немецкоязычных социальных сетей, можно прийти к выводу, что весь их массив можно разделить на две большие группы – антропонимические и неантропонимические никнеймы. А также небольшую группу тех никнеймов, выбор которых понятен только непосредственно пользователю и по которым почти невозможно охарактеризовать их владельца. Иначе говоря, никнеймы, соотносимые с категорией «человек», и соотносимые с другими категориями, например, «растение», «животное» и т.д. Каждая из указанных тематических групп подразделяется на более мелкие подгруппы.

Тематическая группа «Антропонимические никнеймы» в свою очередь состоит из 4 подгрупп, а именно: 1) никнеймы, имеющие

отношение непосредственно к пользователю; 2) никнеймы, имеющие отношение к персонажам вымышленного мира; 3) никнеймы, имеющие отношение к реально существующим персонажам; 4) никнеймы, указывающие на анонимность пользователя.

Наиболее многочисленной из указанных подгрупп является первая. Данный факт ярко подтверждает мнение психологов о том, что человека в первую очередь интересует он сам. В свою очередь, данная подгруппа из 12 под-подгрупп: 1) автонимы (реальные имена или фамилии); 2) френонимы (особенности характера); 3) эйдонимы (наружность человека); 4) никнеймы, содержащие информацию о гендерной принадлежности; 5) никнеймы, содержащие информацию о роде занятий; 6) титулы; 7) никнеймы, содержащие информацию о социальной роли, касающейся семьи; 8) никнеймы, содержащие информацию о хобби; 9) геонимы (принадлежность к локации); 10) этнонимы (национальная принадлежность); 11) никнеймы, содержащие информацию о политических или религиозных убеждениях; 12) никнеймы, содержащие информацию об эмоциональном состоянии.

Никнеймы, имеющие отношение к персонажам вымышленного мира, занимают второе место по численности. Причем наиболее популярной средой, снабжающей интернет-коммуникацию именами, является киноиндустрия, в том числе мультипликационная. Литературные персонажи в основном известны пользователям не по книгам, а по их экранизациям. То же можно отметить и для имен персонажей мифов и легенд. Номинация в данном случае апеллирует к актуальному культурному знанию и осуществляется в расчете на «диалогичность», отклик на общеизвестную информацию. Представляя свой имидж через известный образ, участник вызывает типовые культурные ассоциации, создавая оценочный и эмоционально-экспрессивный заряд. Данная подгруппа состоит из 3 под-подгрупп: геронимы (имена литературных и киноперсонажей), мифонимы и никнеймы-имена героев японской мультипликации (аниме).

Третья группа – никнеймы, имеющие отношение к реально существующим персонажам. Выбор такого никнейма чаще всего обусловлен попыткой быть похожим на кумира либо схожестью внешности или черт характера. Возможен также поиск собеседников по соответствующим интересам или следование моде. В подтверждение неслучайности выбранного ника автор может приводить цитаты-высказывания выбранного героя или воспроизводить стиль его поведения. Данная подгруппа

состоит из 6 под-подгрупп: 1) имена исторических личностей; 2) никнеймы, отсылающие к миру политики; 3) никнеймы, отсылающие к миру искусства; 4) никнеймы, отсылающие к миру киноиндустрии; 5) никнеймы, отсылающие к миру эстрады; 6) никнеймы, отсылающие к миру спорта.

Последняя, четвертая группа – никнеймы, указывающие на анонимность пользователя. Пользователи данной группы предпочитает никак не идентифицировать себя как личностей. «Безымянность» передается лексическими средствами: семантикой слов или при помощи неопределенных местоимений. Причем в этой группе мы также видим значительное количество англицизмов (например, *noname*, *somebody*, *Nevermind*), что позволяет усилить оттенок «отчужденности».

Акцентируем, что, хотя в целом группа антропонимических никнеймов является доминирующей (66%), однако непосредственно никнеймы-автонимы являются хотя и наиболее многочисленной группой (26%), но далеко не преобладающей. 40% никнеймов выражены другими видами антропонимических никнеймов (например, титлонимами, френонимами, мифонимами и т.д.). Это позволяет пользователю сохранить приемлемую степень анонимности, что гарантирует большую свободу коммуникации. И одновременно с этим презентовать отдельные грани своей реальной идентичности, передать другим участникам сетевого пространства определенную соответствующую действительности или желаемую информацию о себе через свой виртуальный образ. В то же время использование реальных и фамилий в различных вариантах написания свидетельствует о нежелании что-либо менять в этом мире и неосознанном желании соответствовать мнению и ожиданиям окружающих.

Тот факт, что никнеймы-автонимы составляют приблизительно лишь четверть всего массива никнеймов, обусловлен потребностью в разных именах для живого и компьютерно-опосредованного общения. Кроме того, в немалой степени здесь играет роль так называемый «карнавальнй» (по М. М. Бахтину) или игровой момент. Иначе говоря, интернет-пространство предоставляет возможность быть тем, кем хочется, а не тем, кем ты есть. И пользователи в подавляющем большинстве случаев не упускают этот шанс.

Интересной особенностью группы антропонимических никнеймов также является то, что её подгруппы 2) никнеймы, имеющие отношение к персонажам вымышленного мира и 3) никнеймы, имеющие отношение к реально существующим

персонажам можно объединить в единую группу прецедентных имен, которая составит в общей сложности 17,8%. Т.е. практически каждый пятый никнейм немецкоязычных пользователей таких интернет-сервисов, как Twitter и Facebook, создан на базе «чужих» или прецедентных имен собственных, которые являются своего рода узнаваемыми масками, что еще раз подчеркивает момент «карнавализации».

По мнению психологов, лишь незначительная часть никнеймов выбрана случайно. Остальные же «связаны с явлениями реальной жизни пользователя или указывают на его явные или тайные желания, культурные запросы, различные притязания, фантазии и т.д.» [24]. Процесс самономинации в компьютерно-опосредованной среде, несмотря на индивидуальный характер, отражает систему социально-культурных ценностей представителя определенной культуры. В этом смысле никнеймы являются вербальной формой выражения установок их создателей. Иначе говоря, они в полной мере выполняют функцию самопрезентации пользователя.

Таким образом, можно утверждать, что сегодня Интернет является особым видом социального пространства, главной чертой которого является подмена объекта его образом. «Казаться», «выглядеть» становится важнее, чем «быть». С понятием «образ» тесно связано понятие «самопрезентация», т.е. представление себя, предъявление своего образа другим участникам коммуникации. Самопрезентация – это сложный психологический феномен, который является неотъемлемой частью любого взаимодействия, осуществляющегося как в реальном, так и в виртуальном мире. По своему характеру самопрезентация может быть активной и неосознанной, проходить на вербальном и невербальном уровнях. Виртуальная самопрезентация имеет тесную связь с реальной идентичностью пользователя, однако для неё в большей мере характерна целенаправленная работа над созданием и представлением собственного «Я», особенно в свете активного развития интернет-технология Web 3.0, благодаря которым размываются границы публичной и приватной жизни.

Никнейм как единица автономинции является важнейшим средством вербальной самопрезентации пользователя. С помощью виртуального имени человек передаёт разную информацию о себе, например, биографические факты, особенности внешности и характера, сведения о своих интересах, профессии и т.д. Создание никнейма является не просто творческим актом, оно подчинено определенным ожиданиям участников виртуальной коммуникации, позволяющей установить не односторонний, а взаимный контакт.

Анализ немецкоязычных социальных сетей позволяет сделать вывод, что наиболее широко используются сетевые имена,

созданные на базе реальных антропонимов. Однако следует отметить, что если различные варианты официальных имени и фамилии пользователя характерны для таких платформ, как Facebook и Twitter, то на игровых платформах World of Tanks, World of Warcraft значительно чаще встречаются неантропонимические никнеймы, а также имена, акцентирующие анонимность. Они позволяют максимально замаскировать реальную личность, проявить креативность. Следовательно, круг и место сетевого общения определяют выбор веб-антропонима.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф. Современные проблемы науки о языке [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rucont.ru/efd/316342> (дата обращения 11.11.2021).
2. Аникина Т. В. Имя собственное в Интернет-коммуникации. / Т. В. Аникина // Известия Уральского гос. ун-та – Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2010. – №2 (75). – С. 71–76.
3. Асмус Н. Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства: 10.02.19 «Теория языка» : дис. ... канд. филол. наук / Н. Г. Асмус. – Челябинск, 2005. – 265 с.
4. Ахренова Н. А. Лингвистические особенности сетевых имен / Н. А. Ахренова // Вестник Челябинского гос. ун-та. – 2009. – № 34 (172). – Филология. Искусствоведение. – Вып. 36. – С. 5–10.
5. Балкунова А. С. Роль сетевого имени (никнейма) во взаимодействии субъектов виртуальной коммуникации : 10.02.19 «Теория языка» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. С. Балкунова. – М., 2012. – 24 с.
6. Вальтер Х. Русские прозвища как объект лексикографии / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко // Вопросы ономастики. – 2005. – № 2. – С. 52–69.
7. Виноградова Л. В. Интеллектуальный контроль как способ интерпретации эмоционально-трудных жизненных ситуаций / Л. В. Виноградова // Психологический журнал. – 2004. – Т. 25. – № 6. – С. 21–28.
8. Волкова Н. А. Прозвище как языковая единица (вместо предисловия) / Н. А. Волкова // Вальтер Х., Мокиенко В. М. Словарь современных русских прозвищ. Экспериментальный выпуск. – Грайсвальд, 2004. – С. 5–11.
9. Голомидова М. В. Русская антропонимическая система на рубеже веков / М. В. Голомидова // Вопросы ономастики. – 2005. – № 2. – С. 11–22.

10. Григорьев А. А. Между философией и лингвистикой: локус концепта / А. А. Григорьев / Постижение культуры. – Вып. 11. – М. : Рос. ин-т культурологии, 2001. – С. 224–246.
11. Жичкина А. Е. Стратегии самопрезентации в Интернет и их связь с реальной идентичностью / А. Е. Жичкина, Е. П. Белинская [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://banderus2.pagod.ru/70312.html> (дата обращения: 22.11.2021).
12. Иванов Д. В. Виртуализация общества / Д. В. Иванов. – СПб : «Петербургское Востоковедение», 2000. – 96 с.
13. Казяба В. В. Антропонимикон немецкоязычной ICQ-коммуникации : 10.02.04 «Германские языки» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. В. Казяба. – Архангельск, 2013. – 27 с.
14. Казяба В. В. Никнейм переходного типа как способ самономинирования в немецкоязычной интернет-коммуникации / В. В. Казяба // Вестник Северного (Арктического) федерального ун-та. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2016. – № 5. – С. 86–90.
15. Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова : [слово, представление, мировоззрение, чувство, уровень знания, компонент поля, культур. компонент] / Н. Г. Комлев. – М. : URSS, 2006. – 191 с.
16. Курчакова Н. А. Формы самопрезентации в блоге [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://volokhonsky.ru/internet/kurchakova.pdf> (дата обращения: 03.12.2021).
17. Лутовинова О. В. Языковая личность в виртуальном дискурсе : 10.02.19 «Теория языка» : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / О. В. Лутовинова. – Волгоград, 2013. – 41 с.
18. Ник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%B8%D0%BA> (дата обращения 11.11.2021).
19. Никнейм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovoborg.su/slb.php?srch=%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%BD%D0%B5%D0%B9%D0%BC&a=search> (дата обращения 11.11.2021).
20. Райзберг Б. А. Современный экономический словарь. / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_67315/ (дата обращения: 22.11.2021).
21. Ражина В. А. Ономастические реалии: лингвокультурологический и прагматический аспекты : «Теория языка» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. А. Ражина. – Краснодар, 2007. – 24 с.

22. Робустова В. В. Прозвище и псевдоним: когнитивно-функциональный аспект / В. В. Робустова // Когнитивные исследования языка. – 2015. – № 22. – С. 660–662.
23. Самопрезентация [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.do.mgppu.ru/gloss_disc/C (дата обращения: 14.11.2021).
24. Советы психолога [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.adviceskilled.ru/sovety-psikhologa> (дата обращения: 05.11.2019).
25. Хороших В. В. Психологические факторы успешности самопрезентации: 19.00.05 «Социальная психология» : дис. ... канд. психол. наук / В. В. Хороших. – СПб, 2001. – 193 с.
26. Цибизов К. С. Самопрезентация языковой личности в немецком молодежном чат-дискурсе: собственно молодежное и национально-специфическое : 10.02.19 «Теория языка» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / К. С. Цибизов. – Саратов, 2009. – 23 с.
27. Чудова Н. В. Особенности образа «Я» «жителя Интернета» / Н. В. Чудова // Психологический журнал. – 2002. – Т. 23. – № 1. – С. 113–118.
28. Штанько В. И. Особенности самопрезентации и самоидентификации личности в пространстве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: 2179-Текст-статья-4234-1-10-20150501.pdf (дата обращения: 13.11.2021).
29. Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования: учебник / П. Штомпка. – М. : Логос, 2007. – 168 с.
30. Barz H. u.a. Neue Werte, neue Wünsche. Future Values. / H. Barz u. a. – Düsseldorf/Berlin: Metropolitan, 2001. – 397 s.
31. Dabiri G. Psychologie & Internet: Psychologische Grundlagenstudie zum Phänomen Internet Relay Chat: Qualitative Analyse der Bedeutungsschwerpunkte für die Anwender [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://userpage.fuberlin.de/~chlor/werk.pdf> (дата обращения 11.11.2021).
32. Gatson S. N. Self-naming practices on the internet: Identity, authenticity, and community [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.1012.3382&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения 19.11.2021).
33. Kneidinger, B. Sociability in social network sites. Facebook as trial platform for social behavioral patterns / B. Kneidinger // Networked sociability and individualism. Technology for personal and professional relationships, Hrsg. Francesca Comunello. – Information Science Reference, 2012. – P. 127–146.

34. Siles I. Web-technologies of the self: The arising of the «Blogger» identity / I. Siles // Journal of Computer-Mediated Communication. – 2012. – 17. – P. 408–421.
35. Stommel W. Mein Nick bin ich! Nicknames in a German forum on eating disorders / W. Stommel // Journal of Computer-Mediated Communication. – 2007. – № 13 (1). – P. 141–162.
36. Zhao Sh. Identity construction on Facebook: Digital empowerment in anchored relationships / Sh. Zhao, Sh. Grasmack, J. Martin // Computers in Human Behavior. – 2008. – 24. – P. 1816–1836.

АННОТАЦИЯ

Рочняк Е. В. Лингвофилософский анализ антропонимических никнеймов немецкоязычных социальных сетей

Важнейшим средством вербальной самопрезентации пользователя является никнейм как единица автономии в киберпространстве. Анализ никнеймов в немецкоязычных социальных сетях показал, что все они распределяются на три группы: антропонимические (66%), неантропонимические (33%) никнеймы и никнеймы, которые сложно понять (1%). При этом круг и место сетевого общения определяют выбор веб-антропонима.

Ключевые слова: ник, никнейм, сетевое имя, самономинация, самопрезентация.

SUMMARY

Rochnyak E. V. Linguophilosophical analysis of anthroponymic nicknames of German-speaking social networks

The most important means of a user's verbal self-presentation is a nickname as a unit of autonomy in cyberspace. The analysis of nicknames in German-speaking social networks showed that they are all divided into three groups: anthroponymic (66%), non-anthroponymic (33%) nicknames and nicknames that are difficult to understand (1%). At the same time, the circle and place of network communication determine the choice of a web anthroponym.

Key words: nickname, network name, self-designation, self-presentation.

*И. С. Святобаченко
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'373.48

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СМЫСЛОВАЯ НАГРУЗКА АСИНДЕТОНА В КНИГЕ А. ДЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ «ПЛАНЕТА ЛЮДЕЙ»

Асиндетон является одной из стилистических фигур, особенность которой заключается в намеренном опущении союзов между однородными членами предложения, а также в полипредикативных предложениях и сложном синтаксическом целом с целью создания либо усиления экспрессии коммуникативной единицы. Различают паратаксический и гипотаксический асиндетоны, в зависимости от того, с единицами какого типа связи между компонентами (сочинительной и подчинительной соответственно) возможно соотнести бессоюзные конструкции.

Однако не все случаи бессоюзной связи характеризуются экспрессивностью. Так, А. П. Сковородников говорит об экспрессивности только в случае наличия в бессоюзном ряде не менее трёх компонентов, при этом обязательным условием является отсутствие союза и перед последним компонентом ряда; при этом степень экспрессивности такой единицы пропорциональна количеству компонентов, соединённых бессоюзной связью (при отношениях перечисления), но обратно пропорциональна при сопоставительном и противительном асиндетонах.

В то же время гипотакс характеризуется наличием как минимум двух компонентов. При этом наличие гипотакса придаёт тексту определённую степень разговорности [2].

Употребление бессоюзных сложных предложений присуще в той или иной степени всем функциональным стилям речи, однако асиндетон как единица экспрессивного синтаксиса реализуется только в публицистическом, художественном и разговорном стилях, создавая различные стилистические эффекты: от непринуждённости и динамики обыденного общения до напряжённости и стремительного развития событий в сюжетах репортажей и произведений различной динамики.

В нашем исследовании внимание сосредоточено на асиндетоне именно между частями сложных предложений различных типов. Это объясняется тем, что, с одной стороны, предложение – наименьшая коммуникативная единица, характеризующаяся завершённостью мысли и большей информативностью, по сравнению со словосочетанием. С другой стороны, сложные

предложения, хоть и содержат комплексную информацию об определённом фрагменте действительности, всё же имеют более простую тематико-содержательную структуру, нежели сложное синтаксическое целое, вследствие чего становится возможным более точно и всесторонне исследовать функционально-смысловую нагрузку асиндетона.

Материалом для нашей работы послужил перевод книги А. де Сент-Экзюпери «Планета людей», осуществлённый Норой Галь. Несмотря на работу с переводом, а не оригиналом произведения, всё же можем говорить о корректности данных исследования в силу специфики исследуемого явления: уровни и особенности реализации асиндетона (синтаксический, текстовый) характеризуются относительной стабильностью при переводе, в отличие от лексического и грамматического уровней (которые могут значительно различаться в языках текстов оригинала и перевода); а также союзных предложений и полупредикативных конструкций, на которые напрямую влияет специфика функционально-грамматического строя языка. Переводческая работа с бессоюзными структурами (в части отображения способов связи компонентов) основывается на синтаксическом уподоблении, которое «возможно лишь в тех случаях, когда в обоих языках синтаксические структуры совпадают» [1, с. 355]. Поскольку бессоюзные единицы могут быть реализованы и во французском (язык оригинала в нашем случае), и в русском языках, а специфических средств связи (союзов, союзных слов), которые могли бы влиять на процесс перевода, нет, – можем говорить об объективности нашей работы.

Несмотря на то, что асиндетону свойственно широкое употребление в художественном стиле, эта стилистическая фигура в книге А. де Сент-Экзюпери «Планета людей» проявляется как в типичных, так и в несколько специфических, не свойственных для неё речевых ситуациях, что является одной из составляющих авторского стиля этого писателя. По нашему мнению, значительное количество асиндетонных единиц в книге обусловлено жанровой и художественной спецификой произведений, входящих в неё – тексты-очерки, воспоминания, рассказ в которых ведётся от первого лица. Такая форма изложения приближена к разговорной стихии, что делает её понятной и доступной, близкой читателю; отсутствует эффект строгой документалистики (хоть книга и является документально-публицистической), на смену сухому изложению фактов приходит эмоциональный рассказ о жизни и событиях автора-рассказчика и его друзей и знакомых.

Нами замечены такие ситуативно-контекстуальные случаи употребления асиндетона в сложных предложениях исследуемых текстов:

– один из компонентов расширяет, поясняет то, о чём сообщается в другом компоненте: *Это было чудесно – Бюри смеялся не часто, этот внезапный смех словно озарил его («Линия»); Ночь в горах пережить нельзя, она превращает человека в кусок льда («Товарищи»); Но самолёт обладает ещё одним чудесным даром – он мгновенно переносит нас в самое сердце неведомого («Оазис»);*

– описываются «фрагменты» ситуации, составляющие единую образную картину: *Панели на стенах покособились, рамы окон и дверей изъел древоточец, стулья колченогие... («Оазис»); Ревматизм мучит, ноги ноют, клян, бывало, эту каторгу на чём свет стоит («Товарищи»); Они обходят стороной бесплодные земли, скалы и пески, верой и правдой служа человеку, они бегут от родника до родника («Самолёт и планета»); Дальше идут вулканы более древние, их уже одела золотая мурава («Самолёт и планета»); При любых условиях плоскогорья уже позади, подо мною ничто не должно возвышаться над уровнем моря, я ничем не риску («В сердце пустыни»);*

– в диалогичной речи: *– Это ещё ничего не значит, – проворчал он, помедлив («Линия»); – Да-да, они у нас дикари, – только и сказал отец («Оазис»);*

– при включении в одну из частей указательных слов или слов-антиципантов, предусматривающих обязательное наличие ещё как минимум одной предикативной части: *А мне представлялось – вот ты идёшь в лютый сорокаградусный мороз, карабкаешься через перевалы на высоте четырёх с половиной тысяч метров, у тебя нет ни ледоруба, ни верёвки, ни еды, ты проползаешь по краю откосов, обдирая в кровь ступни, колени, ладони («Товарищи»); Откинувшись к стене, безмолвными слезами плачет ребёнок; только это я о нём и запомню: славный малыш, навеки безутешный («Самолёт и планета»); Здесь, в пустыне таких оазисов не встретишь: сады, молодые девушки – это просто сказка! («В пустыне»);*

– выражение причинно-следственных отношений: *Господин де Сент-Экзюпери, я вынужден просить Париж наложить на вас взыскание: при вылете из Касабланки вы развернулись слишком близко к ангарам («Линия»); Опять мне приходят на память эти слов – я не знаю ничего благороднее, эти слова определяют высокое место человека в мире, в них – его честь и слава, его подлинное величие («Товарищи»); Тут не помогла бы даже лесть – тщеславие им было чуждо («Оазис»);*

– противопоставление: *Он не восхищается красками земли и неба, следами ветра на море, позолотой закатных облаков, – он их обдумывает («Линия»); Самолёт – не цель, он всего лишь*

орудие («Самолёт»); И вот мы становимся физиками, биологами, мы рассматриваем поросль цивилизаций – они украшают собою долины и кое-где чудом расцветают, словно пышные сады в благодатном климате («Самолёт и планета»);

– при алогичном соотношении компонентов единиц, причём алогичности часто способствует пунктуационное оформление единицы: *«Старики» мы встречали в ресторане – они были хмурые, даже, пожалуй, замкнутые, снисходительно оделяли нас советами («Линия»); Ничего похожего на гордый Везувий: прямо на равнине разинуты жерла гаубиц («Самолёт и планета»); А вот мы и на недолгой стоянке ощущаем бег времени, нам по-прежнему бьют в лицо не знающие отдыха пассаты («В пустыне»);*

– один из компонентов описывает обстоятельства, служит своеобразной ремаркой, второй и последующие компоненты описывают события, при этом коммуникативно значимыми являются именно второй и последующие компоненты: *Потом открылось воздушное сообщение с Южной Америкой; Мермоз и тут был впереди, ему поручили разведать отрезок от трассы Буэнос-Айреса до Сантьяго и вслед за воздушным мостом над Сахарой перекинуть мост через Анды («Товарищи»); И настала ночь, мы провели её на террасе форта, разговаривая о звёздах («В пустыне»);*

– реже употребляется при безэмоциональном перечислении событий и фактов с целью демонстрации их обыденности, незначительности: *Вновь прибывший здоровался, сонные пассажиры бормотали в ответ что-то невнятное, он с грехом пополам протискивался между ними и тоже засыпал («Линия»); Быть может, там, за миражом, и в самом деле встают города, течёт по каналам вода, зеленеют луга («В сердце пустыни»); В этот час механики протирают спросонья глаза и расчехляют винты самолётов, в этот час пилот идёт к синоптикам за сводкой, по земле шагают сейчас только твои товарищи («Люди»);*

– перифраз одного компонента с помощью другого: *Гийоме не преподносил мне сведения об Испании, он дарил мне её дружбу («Линия»); Наши призывные голоса уже не доходили до тебя, вернее, они звучали как во сне («Товарищи»).*

Встречаются и отдельные синтаксические единицы, в которых асиндетон служит для организации градации: *Их дом стоял на горном склоне, их окна светили издалека, словно звёзды, – подобно смотрителям маяка эти двое всегда готовы были помочь людям своим огнём («Линия»)* – дом – окна – люди, которые здесь живут). За счёт отсутствия эксплицированных средств связи создаётся единство описанной картины. В некоторых случаях созданию стилистического приёма, кроме асиндетона, способствуют и повторы: *Это была*

счастливая встреча, мы все плакали, мы душили тебя в объятиях – ты жив, ты воскрес, ты сам сотворил это чудо! («Товарищи») – противопоставление «мы (те, кто ждал) – ты (тот, кто сам спасся, выжил в горах); Одинаковы их уровень, их окраска (они состоят из тех же пород), одинаково круты их склоны («Самолёт и планета»). Кроме того, асиндетон встречается при реализации параллелизма: *На деревьях налились плоды, в полях всколосились хлеба, расцвела красота женицин* («В пустыне»); иногда – с градацией: *Мы едва начинаем обживать этот дом, мы его даже не достроили* («Самолёт»); *Ты не просто необходима для жизни, ты и есть жизнь* («В сердце пустыни»). В редких случаях асиндетон служит для описания быстрой смены событий: *Не пройдёт и трёх минут – заполощется указатель ветра на нашем ангаре. Не пройдёт и десяти минут – всё небо заволокут тучи песка* («В пустыне»).

Согласно нашим наблюдениям, можем говорить о паратаксе и при наличии лишь двух элементов, но в таком случае отсутствие союзных элементов между частями сложного предложения дополняется лексическими особенностями единицы, а также особенностями её построения (порядком частей и слов в ней).

Асиндетон употребляется А. де Сент-Экзюпери в книге «Планета людей» достаточно часто, однако наблюдаются такие тенденции:

– асиндетон чаще всего встречается в тех частях произведений, в которых описывается «фоновая» информация. Таким образом, автор как будто собирает пазл из отдельных деталей в единую картину;

– частотность употребления асиндетона колеблется в зависимости от напряжённости сюжета и переживаний автора: больше всего асиндетона в «Сердце пустыни» – произведении о том, как самолёт автора-рассказчика потерпел крушение в пустыне и о сложности выживания в таких условиях. При этом максимально часто асиндетон употребляется в той части, где рассказчик уже близок к гибели, в моральном и физическом упадке. Наименьшее количество асиндетонных конструкций – в очерке «Люди», в котором автор рассуждает о роли войны в жизни людей и о том, что их толкает на жертвы и подвиги; сюжет малодинамичен, это скорее философское произведение.

Таким образом, асиндетон в книге «Планета людей» А. де Сент-Экзюпери играет одну из ведущих ролей в создании экспрессии произведений, способствует формированию глубокой образности произведений и придаёт динамичность сюжету, при этом оставляя текст понятным и доступным для читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мурнева М. И. Синтаксическая трансформация предложения при переводе технического текста как способ сохранения компонентов смысловой структуры / М. И. Мурнева, Н. А. Шестакова, Е. В. Самойлова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2019. – Т. 12. – Вып. 5. – С. 355–358.
2. Сковородников А. П. Асиндетон как стилистическая фигура / А. П. Сковородников // Русская речь. – 2004. – № 4. – С. 56–64.

АННОТАЦИЯ

Святобаченко И. С. Функционально-смысловая нагрузка асиндетона в книге А. де Сент-Экзюпери «Планета людей»

Статья посвящена исследованию смысловой и функциональной нагрузки асиндетона в развитии сюжета рассказов в данной книге, а также соотносённости бессоюзных синтаксических единиц с динамикой произведений.

Ключевые слова: асиндетон, бессоюзные предложения, функционально-смысловая нагрузка.

SUMMARY

Svyatobachenko I. S. Functional-meaning charge of asyndeton in «The People's Planet» by A. de Saint-Exupery

The thesis highlights the meaning and functional charge of asyndeton in plot development of the novels in this book, also it researches the correlation of asyndetic syntactic units with the dynamics of the novels.

Key words: asyndeton, asyndetic sentences, functional-meaning charge.

Ю. А. Трегубова
(г. Елец, РФ),
А. Н. Попова
(г. Елец, РФ)

УДК 81'25

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ПЕРЕДАЧИ ЭЛЛИПТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

«Стратегия перевода» является одним из фундаментальных понятий лингвистики и переводоведения. Несмотря на повсеместное употребление данного термина, он официально

не признан в научных кругах. Лингвисты объясняют это неоднозначностью принципов и стратегий обработки того или иного текста при переводе. На практике термин «переводческие стратегии» значительно распространён, поскольку формирование стратегий, по мнению многих переводчиков, происходит на основе реальных фактов, которые можно различить только при непосредственном процессе перевода. Так, И.С. Алексеева понимает под переводческой стратегией «порядок и суть действий при переводе конкретного текста», то есть, действия самого переводчика при переводе [1].

Обычно под стратегией понимается «искусство чего-либо» [3]. Суть стратегической деятельности заключается в планировании определённого алгоритма действий, реализуемого в будущем. Стратегии перевода представляют собой нечто среднее между стратегиями или тактикой и алгоритмом. Перевод – с одной стороны, отчасти механический процесс, осуществляемый с помощью заранее систематизированных правил и принципов, с другой – творческий, поскольку задача переводчика заключается в сохранении экстравагантного характера единицы исходного языка и в то же время соблюдение норм переводящего языка. Из этого следует, что в большей степени тактики перевода выступают в качестве системы правил, следование которым напрямую зависит от личности самого переводчика и внешних факторов, влияющих на процесс перевода, то есть, в основе стратегий перевода лежат как объективные, так и субъективные начала.

Х.Крингс одним из первых изучал переводческие стратегии с теоретической точки зрения. В ходе эксперимента на основе методики «think aloud» (думай вслух) лингвист доказал, что стратегии перевода – потенциально осознанные планы переводчика, направленные на решение конкретной задачи. По его мнению, план перевода текста состоит из следующих этапов: 1) предпереводческий анализ текста; 2) непосредственно процесс перевода; 3) постпереводческая обработка текста [1].

Использование переводческих стратегий – залог успеха в достижении адекватности и эквивалентности перевода, сохранении смысловой и стилистической особенности объекта перевода. С этой целью переводчик сначала определяет цели, задачи перевода, проводит анализ текста на исходном языке, а затем обращает своё внимание на подходящие принципы и трансформации.

Подавляющее большинство квалифицированных специалистов следуют следующим принципам – «золотым правилам перевода»: предварительная обработка текста на исходном языке; извлечение и распознавание диких элементов текста; передача смысла преобладает над конкретным переводом языковых единиц;

переводчик в праве опускать элементы, обладающие избыточной нагрузкой; соблюдение общепринятых правил переводящего языка.

Как уже упоминалось ранее, одной из составляющих тактик перевода являются трансформации. А.М. Фитерман классифицирует трансформации на следующие типы: 1) грамматические (опущения, добавления); 2) лексические (конкретизация и генерализация); 3) стилистические (компенсация, описательный перевод) [5].

Такие грамматические трансформации, как опущения или эллиптические конструкции, вызывают исключительный интерес многих языковедов в свете распространения тенденции «экономии языковых ресурсов».

Понятие эллиптических конструкций является одним из специфичных и парадоксальных вопросов лингвистических исследований. Относительно сущности данного понятия мнения лингвистов расходятся: многие считают различия между эллиптическими конструкциями и неполными предложениями несущественными; некоторые – утверждают об исключительности данного явления.

Понятие эллипсиса

Английский язык как *lingua franca* является лидирующим языком межкультурной коммуникации в политической, экономической и социально-культурной сферах общественной жизни. Как известно, процессы глобализации и развитие научно-технического прогресса в XXI веке оказывает значительное влияние как на межкультурную коммуникацию, так и на независимое развитие языковых структур. Для передачи бесконечных потоков информации носители разных языков опускают отдельные элементы высказываний, т.е. используют эллиптические конструкции. Использование подобных опущений как в устной, так и в письменной речи делает высказывание более лаконичным и стилистически выразительным.

«Эллипсис (греч. *Ellipsis* – выпадение, опущение) – пропуск элемента высказывания, легко восстанавливаемого в данном контексте или ситуации», согласно определению Д.Э. Розенталя. Следует отметить, что эллипсис – это не просто исключение какой-либо части из синтаксической структуры, а умышленное «опущение» частей конструкции, которое применяется с целью придать художественному произведению определённую стилистическую окраску и сделать речь экспрессивной.

Перспективы изучения понятия эллиптических конструкций являются крайне актуальными и безграничными в силу того, что, во-первых, подобная лингвистическая дилемма малоизучена, во-вторых, она является весьма дискуссионным вопросом, поскольку мнения лингвистов значительно расходятся.

Прежде всего следует отметить отсутствие среди лингвистов общепризнанного подхода к определению «эллиптических конструкций». Некоторые исследователи, включая В.Н. Адмони и С.Г. Бархударова, рассматривают «эллипсис» как синтаксическое явление – пропуск слова, нарушающий целостность синтаксической структуры предложения. П.А. Лекант определил «эллиптические конструкции» с семантической точки зрения, как неполные предложения, характеризующиеся пропуском сказуемого. «Эллиптические конструкции» в большинстве случаев рассматриваются как грамматическая реалья: языковое средство, используемое для сжатия текста.

Усманова М.Г. убеждена, что эллипсис – уникальное средство, необходимое для снятия с текста избыточной тематической нагрузки. Одной из причин опущения части синтаксиса является закон экономии языковых ресурсов. Опущению подлежит именно тот член предложения, употребление которого препятствует информативной эффективности и извлечение которого не нарушит смысловое единство. Восстановить недостающую часть можно посредством контекста или ситуативных условий [4].

Несмотря на разнообразные походы к этому явлению, связующим звеном является особенность эллипсиса – возможность восстановления точного значения путём извлечения информации из контекста.

Таким образом, использование эллипсиса, особенно в произведениях современной литературы, эстетически привлекает читателей, поскольку текст в данном случае не перегружен излишними фразами, однако с грамматической и синтаксической точки зрения пропуски иногда могут порождать двусмысленность высказывания.

Типы эллиптических конструкций

Л.С. Бархударов классифицировал эллиптические конструкции, взяв за основу критерий экспликации или восстановления слова. Первый вид составляют синтагматически восполняемые конструкции. В них пропущенные элементы могут быть восстановлены из данного, предыдущего или последующего контекста. Ко второму относятся парадигматически восполняемые эллиптические конструкции. Экспликация недостающей части в данном случае происходит при использовании аналогичных конструкций всей языковой системы [2].

Приёмы перевода эллипсиса с английского языка на русский

• Конкретизация

– I can't bear to look at it. Well, I can, I do, I want to, I don't want to, I try not to. – И вот я не могу его видеть. Ну, вообще-то могу,

и смотрю, и хочу смотреть, но в то же время не хочу и стараюсь этого не делать.

Реплики демонстрируют эллипсис глагольной формы. Во втором предложении опущен смысловой глагол «look», он заменён вспомогательными глаголами «can, do». К действию, выраженному разными глаголами, имеет отношение один и тот же субъект. При переводе на русский язык логично использовать синоним смыслового глагола, восстановленного из предыдущего предложения, поскольку употребление служебных глаголов не характерно для нашей языковой системы.

• Калькирование – дословный перевод

– One of them was crying – maybe they both were – and there was a child bawling its head off, too.

– Одна из них плакала – а может, и обе, – и еще там надрылся младенец.

В этой ситуации также представлен эллипсис глагольной формы, но опущена часть сказуемого, связанная с вспомогательным глаголом (were crying).

• Лексическая замена

– They always go for you, the lonely ones, don't they? They make a beeline straight for you.

– Do they?"

– На тебя всегда клюют одинокие, верно? Для них ты просто неотразим.

– Думаешь?

В данном случае при переводе разделительного вопроса переводчик вместо привычного «не так ли, правда» использует иной глагол.

• Объединение

– Today, she doesn't open the door, it's him, the husband. Tom, suited and booted, off to work.

– Сегодня дверь открывает не она, а ее муж Том: он уже в костюме, ботинках – отправляется на работу.

Синтаксическая структура высказываний подвергается преобразованию с помощью слияния простых предложений в сложное.

• Модуляция

– What would I say? Ran out of sugar? Just fancied a chat? Their blinds are half open, but I can't see anyone inside.

– Что я скажу? Что кончился сахар? Или просто заглянула поболтать?

В вопросе опущен вспомогательный глагол *did* и личное местоимение *I*.

При переводе происходит изменение эллиптической конструкции. Причина заменяется следствием, намерение: «Захотела поболтать?» / «Заглянула поболтать». Намерение, представленное в оригинале, может быть преобразовано в фактическое действие в русском, таким образом реализуется процесс смыслового развития.

• **Лексическое добавление**

1) – The more I want to be oblivious, the less I can be.
– Чем сильнее я пытаюсь заставить себя погрузиться в блаженную дремоту, тем меньше у меня на это шансов.

2) – I look carefully, as the train rolls slowly past, for blood on the clothes, but I can't see any.

– Пока электричка медленно ползет мимо, я внимательно вглядываюсь, нет ли на тряпье следов крови, но ничего такого не вижу.

Переводчик воссоздаёт структуру первой части предложения, добавив во вторую – дополнение, выраженное существительным.

Вывод

Обобщая сказанное, необходимо отметить значимость изучения переводческих стратегий. При переводе должны быть выделены и проанализированы наиболее сложные для восприятия элементы конструкции – эллиптические. Для передачи замысла автора и в то же самое время для преобразования единиц языка в понятный для читателя вид с соблюдением как особенностей языка, так и менталитета исключительными средствами являются переводческие трансформации. Благодаря им переводчик может распознать подразумеваемый смысл и представить его в наиболее эквивалентном виде. Наиболее распространёнными приёмами при переводе художественных произведений являются методы конкретизации, смыслового развития и добавления.

Несмотря на то, что эллиптические конструкции могут вызывать трудности при переводе, особенно если у переводчика слабо развито «языковое чутьё», подобные выразительные средства признаны в особой мере экспрессивными, позволяющими передавать информацию, отмеченную индивидуальным стилем как самого автора, так и переводчика. Более того, эллипсис позволяет поддерживать интерес читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение: учеб. пособие для филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ. – М.: Академия, 2004. – 352 с.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод. – М.: Международные отношения, 1975. – 190 с.

3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азъ, 1992.
4. Усманова М. Г. О двух видах эллипсиса в английском и таджикском языках / Усманова М. Г. – Худжанд, 2012. – 7 с.
5. Черняховская Л. А. Перевод и смысловая структура. – М.: Международные отношения, 1976. – 264 с.

АННОТАЦИЯ

Трегубова Ю. А., Попова А. Н. Переводческие стратегии передачи эллиптических конструкций с английского языка на русский

Статья посвящена изучению особого лингвистического явления, представленного эллиптическими конструкциями. Данный феномен присущ диалогической речи произведений художественной литературы. Актуальность темы исследования обусловлена, во-первых, наличием неоднозначных суждений и точек зрения относительно проблемы эллипсиса; во-вторых, существованием многочисленных техник экспликации композиций с намеренно опущенными элементами. Рассматриваются аспекты определения эллиптических конструкций, приёмы перевода эллиптических предложений с английского языка на русский при помощи разнообразных трансформаций, являющихся неотъемлемой частью стратегий переводчика. Методы передачи эллипсиса на русский язык анализируются на примере романа Полы Хокинс «Девушка в поезде».

Ключевые слова: стратегии перевода, трансформации, эллипсис, эллиптические конструкции, приёмы перевода эллиптических конструкций.

SUMMARY

Tregubova Yu. A., Popova A. N. Translation strategies for the transfer of elliptical constructions from English to Russian

The article is devoted to the study of a special linguistic phenomenon represented by elliptical constructions. This phenomenon is inherent in the dialogic speech of works of fiction. The relevance of the research topic is due, firstly, to the presence of ambiguous judgments and points of view regarding the ellipsis problem; secondly, to the existence of numerous explication techniques for compositions with intentionally omitted elements. The aspects of defining elliptical constructions, techniques of translating elliptical sentences from English into Russian with the help of various transformations, that are an integral part of the translator's strategies, are considered. Methods of ellipsis transmission into Russian are analyzed on the example of Paula Hawkins' novel «The Girl on the Train».

Key words: translation strategies, transformations, ellipsis, elliptical constructions, techniques for translating elliptical constructions.

П. Чеснокова
(г. Волгоград, РФ)

УДК 81'373.2

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННЫХ МИФОНИМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ЧЕШСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Под термином «мифоним» в современной ономастике принято понимать имя вымышленного объекта любой сферы ономастического пространства в мифах и сказках, в том числе мифоантропоним, мифотопоним, мифозооним, мифофитоним, мифоперсоним, а также теоним [5, 124–125].

Мифонимы представляют собой интересный материал для ученых-лингвистов разных направлений. В своих работах они рассматривают разные аспекты мифонимов: а) их место в системе языка [4], б) мифонимы как объект ономастических исследований [7], в том числе и в литературной ономастике (напр., их функционирование в художественных текстах) [1], в) возможности их передачи с одного языка на другие [2], г) мифонимы как часть фразеологических единиц [3], д) их деривационные возможности [8] и др.

В данной статье анализируются имена сказочных персонажей, популярных в чешской и русской лингвокультурах в период XX–XXI вв. При этом нами были выбраны чешские и русские имена персонажей популярных мультипликационных сказок, снятых в Чехии и России (*Spejbl, Hurvínek, Rumcajs, Cipísek, Křemílek, Vochomůrka* / Винни-Пух, Карлсон, Лунтик), а также чешские и русские имена персонажей из трех популярных мультипликационных сказок заграничного производства (*Šmoula, Pokémon, Mítoň* / Смурф, Покемон, Миньон). Попадая в чешскую языковую среду, иностранные имена сказочных персонажей переходят без изменений (*Pokémon*), или происходит их замена именем-аналогом, имеющим некоторые ассоциации для носителя чешского языка (*Smurf* → *Šmoula* ‘здесь явно влияние германизмов: *šmolka* «синька» и *moula* «дурачок», *Minion* → *Mítoň* ‘тот, кто «мимо», т.е. отстраненный, вне темы’), а попадая в русскую

языковую среду – имена подвергаются лишь адаптации (*Смурф, Покемон, Миньон*).

Популярность сказочных персонажей (их внешнего вида/черты характера/необычного поведения и т.п.) привела к тому, что их имена стали использоваться в качестве названий других объектов, т.е. наблюдаем процесс трансонимизации мифонима в другой ономастический разряд. При таком переходе имя может оставаться неизменным или подвергаться деривационным процессам. Как показал наш анализ, вышеуказанные мифонимы в чешском и русском языках переходят в **антропонимы** (пользовательские имена в социальных сетях и/или играх: *Honzík Šmoulik, Týnka Šmoule, hurvajz*; *Покемоний, Лунтик, Лунтиковский, ВинниПушка, Карлсонка*), **зоонимы** (кошка ‘кошка’ *Šmoula*, косяк ‘кот’ *Mítoň*, пес ‘пёс’ *Šmoulik*, котё ‘котёнок’ *Cipísek*; медведица *Виннипушка*, кот *Миньон*, кот *Смурфик*, кошка *Смурфетта*), **эргонимы** (*Ekologické úklidy* ‘Экологические уборки’ «*Mítoňka*» (*Pertoldice pod Ralskem* / г. Пэртолдице под Ралскем), *Dětské zábavní centrum* ‘Детский развлекательный центр’ «*Šmoulikov*» (*Prostějov* / г. Простейов), *Rumcajs Špiritus, s.r.o.* ‘*Rumcajs* Спирт, ооо’ (*Jičín* / г. Йичин), *Mateřské centrum* ‘Материнский центр’ «*Cipísek*» (*Prostějov* / г. Простейов) *Tiskoviny-Tabák-Papírnictví* ‘Печать-Табак-Канцтовары’ *Křemílek a Vochomůrka* (*Nýřany* / г. Ныржаны); Кондитерский дом «*Карлсон*» (г. Ставрополь), Интернет-магазин «*Лунтик*», сеть кафе «*Винни Пух*», (г. Оренбург), **гемеронимы** (*dětský časopis* ‘детский журнал’ «*Šmoulové*», *dětský časopis* ‘детский журнал’ «*Pokémon*»; детский журнал «*Лунтик*», детский журнал «*Смурфики*»), **прагматонимы** (*křeslo* ‘кресло’ «*Šmoulik*», *horká čokoláda* ‘горячий шоколад’ «*Hurvajz*», *dupačky* ‘ползунки’ «*Šmoulové*», «*Rumcajsovka*» – *Slivovice* 50% ‘самогон из слив 50%’, *salát* ‘салат’ «*Rumcajs*»; кровать «*Карлсон*», настойка на банане «*Миньоновка*»), **фильмонимы** (*seriál* ‘сериал’ *Šmoulové*; мультсериал «*Винни-Пух*», мультсериал «*Смурфики*»), **акционимы** (*dětská páty* ‘детская пати’ «*Mítoni*», «*Křemílek a Vochomůrka*» – *inscenace*, *Městské divadlo Mladá Boleslav* ‘спектакль, Городской театр Млада Болеслав’; «*Миньонпати*», «*Миньонмания*» – акция в сети магазинов «Магнит», 2020) и **мифотопонимы** (*Spejblovi, Hurvínkovi, Šmoulovi*; *Смурфландия*). В чешском языке имена сказочных персонажей переходят еще и в **оронимы** («*Cipísek*» – *Ptačí stěny, CHKO Labské pískovce*, «*Hurvajz*» – *Skalní město, CHKO Český ráj, Prachovské skály*) и **порейонимы** («*Hurvínek*» – *motorový vůz M 131.1* ‘моторный вагон М 131.1’), а в русском языке – в **артионимы** («*Карлсонка*» – рисунок девушки-Карлсона) и **мифокосмонимы** (планета *Покемония*).

Кроме того, чешские и русские имена современных сказочных персонажей стали производящими основами целого ряда апеллятивов, т.е. они подверглись процессу деонимизации. От данных мифонимов образованы в чешском и русском языках **имена существительные (нарицательные)** – **конкретные** (*rutcajs* ‘мужчина с длинной бородой’, *šmoula/смурф* ‘алкогольный коктейль с ликером Блю Кюрасао’, *миньоновцы* ‘любители миньонов, рукодели-изготовители фигурок миньонов’) и **отвлеченные** (*hurvínkování* ‘поведение, типичное для Гурвинка – любопытство, бесконечное задавание вопросов (иногда глупых)’, *spejblování* ‘поведение, типичное для Спейбла – вечные наставления, после неожиданных вопросов, которые застигли его врасплох’, *pokémonmanie/покемоноmania* ‘чрезмерная увлеченность игрой в покемоны’, *покемонофобия* ‘страх из увлеченных игрой в покемоны людьми’, *виннипуховщина* ‘запутанность, перепутанность’, *карлсоновицина* ‘что-то неестественное, противоречащее реальному’); **имена прилагательные – качественные** (*křemilkový* (hlas) ‘шепелявый голос’, *šmoulová* (zmrzlina) ‘(мороженое) голубого цвета’; *осмурфительное* (кино) ‘замечательное’, *виннипуший* (подарок) ‘неудачный, бессмысленный’), **относительные** (*šmouli* (vesnice) ‘смурф (деревня)’, *spejblovsko-hurvínkovská* (interpretace) ‘спейбловско-гурвинковская (интерпретация)’; смурф (правила), *покемоний* (конкурс), *миньоновый* (праздник) и **притяжательные** (*Vochomýrkův, Křemilkův, Виннипухов*); **наречия** (*přehurvínkováno; осмурфительно, по-виннипуховски*) и **глаголы** (*šmoulovat* ‘1) играть; 2) заниматься любовью’, *křemilkovat* ‘шепелявить’, *hurvínkovat* ‘задавать глупые вопросы’; *смурфить* ‘1) играть в Интернет-игры не под своим аккаунтом; 2) повторять за другими’, *виннипушить* ‘1) есть что-нибудь вкусенькое; 2) ходить в гости’, *карлсонить* ‘радоваться жизни, шалить’ и др.).

Из вышепредставленного материала видно, что результатом деривационного процесса при деонимизации мифонимов часто является смена частеречной принадлежности апеллятива. Как отмечает А.В. Суперанская, «превращаясь в нарицательное, имя может перестать быть существительным и изменить свою парадигму на соответствующую другой части речи» [6, с. 115]. От изучаемых нами мифонимов, кроме имен существительных, образованы имена прилагательные, глаголы и наречия. «Поскольку глаголы, прилагательные и наречия всегда понятийны, образование этих частей речи от имен собственных свидетельствует о полной апеллятивации именных основ» [Там же].

Таким образом, наш анализ показал, что у современных мифонимов в чешском и русском языках – большой

словообразовательный потенциал, который проявляется как в рамках ономастического пространства (данные онимы подвергаются процессу трансонимизации), так и за его пределами (они апеллятивизируются). Образованные таким способом онимы употребляются в разговорном и официально-деловом стилях, а апеллятивы – в разговорном, публицистическом и художественном стилях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецова Н.Ю. Функционирование мифонимов в немецких и русских сказках / Н.Ю. Кузнецова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 7 (49): в 2-х ч. – Ч.1. – С. 109-111.
2. Лиходкина И.А. Особенности передачи мифонимов из русских народных сказок на английский, французский и итальянский языки / И.А. Лиходкина // Молодой ученый. – 2015. – № 10 (90). – С. 1417-1420. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/90/18687/> (дата обращения: 18.01.2022).
3. Малых С.А. Мифонимы в составе русских и немецких фразеологизмов / С.А. Малых // Научный электронный журнал «Меридиан». – 2020. – № 3 (37). – С. 480-482.
4. Мурясов Р.З. Мифонимы в системе языка / Р.З. Мурясов // Вестник Башкирского университета. Филология и искусствоведение. – 2015. – Том 20. – № 3. – С. 952-956.
5. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – М.: Наука, 1978. – 198 с.
6. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 365 с.
7. Супрун В.И. Имена сивилл как мифонимы: лингвокультурологический анализ / В.И. Супрун // Ономастика Поволжья: Материалы IX Международной конференции по ономастике Поволжья. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2004. – С. 189-202.
8. Staněk V. Okazionalizmy v současné české publicistice / V. Staněk // Naše řeč. – Ročník 85 (2002). – Číslo 2. – S. 57–67.

АННОТАЦИЯ

Чеснокова П. Словообразовательный потенциал современных мифонимов (на материале чешского и русского языков)

Описывается словообразовательный потенциал имен сказочных персонажей, освещаются процессы трансонимизации

и деонимизации вышеназванных онимов, определяются формальные, семантические и функционально-стилистические признаки лингвистических единиц-продуктов данных процессов (эти исследовательские процедуры проводятся на материале чешского и русского языков).

Ключевые слова: оним, мифоним, деоним, трансонимизация, деонимизация, русский язык, чешский язык.

SUMMARY

Chesnokova P. The word-forming potential of the modern mythonyms (on the material of the Czech and the Russian languages)

The word-forming potential of the names of the fairy-tales' personages is described, the processes of transonymization and deonymization of the above mentioned onyms are enlightened, formal, semantic and functional-stylistic signs of the linguistic units-products of these processes are defined (these research procedures are carried out on the material of the Czech and the Russian languages).

Key words: onym, mythonym, deonym, transonymization, deonymization, the Russian language, the Czech language.

*К. Н. Якушева
(г. Петрозаводск, РФ)*

УДК 811.111

ОСОБЕННОСТИ ЭКСПЛИКАЦИИ АНТРОПОНИМОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ

Несмотря на то, что среди ученых до сих пор отсутствует единство мнений относительно количества функциональных стилей и критериев их выделения, на всех этапах развития науки о языке они были единодушны по поводу выделения научного стиля речи и его подстилей. Вместе с тем, количество научных подстилей, выделяемых различными учеными, варьируется. Так, М.Н. Кожина выделяет три основных научных подстиля: собственно научный, научно-учебный и научно-популярный [5]. Д.Э. Розенталь говорит о научно-популярном, научно-деловом, научно-техническом (производственно-техническом), научно-публицистическом, учебно-научном подстилях [12, с. 33]. Л.К. Граудина и Е.Н. Ширяев приводят такие разновидности научного стиля, как собственно научный, научно-информативный, научно-справочный, учебно-

научный, научно-популярный [8, с. 195]. Н.С. Валгина, в зависимости от содержательной направленности, относит к подстилям научного регистра следующие: учебно-научный, научно-публицистический, научно-мемуарный, научно-рекламный, научно-реферативный, научно-информационный, научно-инструктивный, научно-деловой и научно-фантастический [1, с. 58-59].

Ю.В. Ванников в своей методической разработке, созданной для научно-технических переводчиков, выделяет свыше пятидесяти жанровых разновидностей научных текстов [2, с. 34]. Подобная иерархия («стиль – подстиль – жанр») до сих пор является общепринятой и отражена в словарях. В частности, Т.В. Жеребило, определяя научно-популярный стиль, отмечает, что он является одной из разновидностей научного стиля, включающие следующие жанры: очерк, книгу, научно-популярную лекцию, статью и др. [4].

По мнению В.Н. Комиссарова, в научно-популярных изданиях чаще всего речь идет о явлениях, доступных для понимания широким слоям неспециалистов, прямо или косвенно связанных с их жизнью и интересами [6, с. 118]. Таким образом, очевидна немалая роль терминов, имен собственных, названий организаций, произведений и географических названий, однозначно обозначающих то или иное понятие. Широкое использование в данном стиле антропонимов, топонимов и иных онимов делает сообщение конкретным и относит передаваемые сведения к использованию определенными лицами.

Имя собственное определяется как слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект [9]. По определению, данному Д.И. Ермоловичем: «Имена собственные служат для особого, индивидуального обозначения предмета безотносительно к описываемой ситуации и без обязательных уточняющих определений. Имена собственные выполняют функцию индивидуализирующей номинации» [3, с. 9]. Как указывает А.В. Суперанская, имена собственные разных типов пронизывают все сферы человеческой жизни и деятельности, состав имен и их социальная и идеологическая нагрузка во многом определяются социальными, историческими, экономическими и другими факторами [13, с. 44]. Следовательно, имя собственное выполняет функцию индивидуализирующей номинации – особое, индивидуальное обозначение предмета независимо от ситуации и без обязательных уточняющих определений.

Проанализировав выборку из статей ряда научно-популярных англоязычных изданий (National Geographic, Popular Mechanics, Discover, BBC Focus и Popular Science), мы пришли к выводу,

что самым распространенным видом антропонимов является фамилия, под которой традиционно понимается наследуемое именование человека, добавляемое к личному имени для указания принадлежности к определенной семье.

The family Kazakoff arrived in the Yorkton area in 1899 with fellow members of Doukhobor sect.

It is [the Library of Congress] the crowded Division of Manuscripts, containing the original letters and papers of most of the Presidents, including *Washington, Jefferson, Lincoln, Cleveland, and Wilson.*

The Folger has 79 of 200 first folios of *Shakespeare*... five pieces of *Stradivari*'s work, including the "Betts", said to be the most nearly perfect and valuable violin in the world.

При этом необходимо подчеркнуть, что значительная часть рассмотренных фамилий является составной частью эпонимов, т.е. объекта, на который перешло личное имя (например, имя божества, героя или реального лица), названия болезни, синдрома или органа в медицинской терминологии, названия структуры, метода в абстрактной науке, изобретения в технике, географического объекта и т.д. В проанализированных изданиях наиболее часто встречаются эпонимы, соотносимыми с именами ученых, совершившими то или иное открытие: *Avogadro's number, the Diesel engine, Meitnerium, Alzheimer's disease*. Зачастую в составном существительном эпоним переводится на русский язык нарицательным существительным, например: *Turing machine* – вычислительная машина, названная в честь британского математика Алана Тьюринга; *Meissner-Ochsenfeld effect* – полное вытеснение магнитного поля из объема проводника при его переходе в сверхпроводящее состояние, назван в честь немецких физиков В. Мейснера и Р. Оксенфельда; *Lorenz force* – сила, с которой электромагнитное поле в классической электродинамике действует на точечную заряженную частицу. Более того, корень имени собственного может быть использован для образования различных терминов. Так, корень *galvan* фамилии итальянского физика Луиджи Гальвани используется в следующих терминах: *galvanometer, galvanize, galvanization, galvanism*. От фамилии знаменитого французского врача Луи Пастера произошли термины *pasteurize* и *pasteurization*.

Наше исследование коррелирует с выводами А.П. Кононенко и О.В. Маруневич о том, что характерной чертой технических и медицинских статей является наличие большого количества антропонимических аббревиатур [7, с. 154]. Нами были выявлены следующие примеры: *LZW* – алгоритм Лемпеля-Зива-Велша – используемый в области вычислительной техники алгоритм сжатия данных без потерь, названный в честь ученых А. Лемпеля,

Я. Зива и Т. Велша; *BEC* – конденсация Бозе-Эйнштейна – агрегатное состояние вещества, основу которого составляют бозоны, охлажденные практически до абсолютного нуля; *BTE* – кинетическое уравнение Больцмана, описывающее статистическое распределение частиц в газе или жидкости; *FLP* – закрепление уровня Ферми, представляющего собой электрохимический потенциал электрона в металле; *BCG* – бацилла Кальметта-Герена – вакцина против туберкулеза, изготовленная из штамма ослабленной живой коровьей туберкулезной палочки; *EBV* – вирус Эпштейна-Барра – вирус герпеса человека четвертого типа, названный в честь английского вирусолога М. Эпштейна и его ассистентки И. Барр, впервые описавших его; *RL* – лактат Рингера – раствор для коррекции нарушений электролитного баланса; *SS* – синдром Шегрена – аутоиммунное поражение соединительных тканей человека, проявляющееся вовлечением в патологический процесс желез внешней секреции, названное в честь шведского офтальмолога Шегрена; *WPW* – синдром Вольфа-Паркинсона-Уайта – врожденная аномалия строения сердца; *Z-E* – синдром Золлингера-Эллисона – аденома поджелудочной железы.

Встречаются они и в статьях, посвященных иным темам, например, сельскому хозяйству: *Oe* – градус Оксле (единица измерения веса виноградного сула), метеорологии: *WYI* – индекс сдвига ветра Уэбстера-Янга, использующийся при исследовании повышения градиента скорости и (или) направления ветра при их значительном изменении на небольшом участке в атмосфере; психологии: *EPI* – личностный опросник Айзенка, разработанный английским психологом Г. Айзенком для выявления темпераментных характеристик и др.

Многие из найденных нами акронимов фиксируются современными словарями: *FDR* (Franklin Delano Roosevelt) – Франклин Делано Рузвельт, 32-ой президент США; *JFK* (John Fitzgerald Kennedy) – Джон Фицджеральд Кеннеди, 35-ый президент США. Кроме того, совмещение инициалов их создателей представляют собой многие популярные бренды: *CK* (Calvin Klein) – Кельвин Кляйн, известный американский дизайнер; *D&G* (Dolce and Gabbana) – Дольче-Габбана, итальянский дом моды, основанный модельерами Доменико Дольче и Стефано Габбана.

Вторую группу антропонимов, представленных в научно-популярных текстах, составляют имена, которые употребляются либо с фамилией, либо самостоятельно, так называемые мононимы.

The evening I arrived in the village, I went to the pub, the Cornwall Arms. ... Faded black-and-white photos of prize-winning trout, horse brasses, a copper plaque of Winston Churchill giving the V sign;

A few years ago, *Bill Clinton* and entourage clogged the narrow lanes getting here. *Al Gore*, *Jane Fonda*, *John Irving*, *Julian Barnes*, *Salman Rushdie*, and many others have read or performed at Hay.

Retracing the 1519 journey of Spanish conqueror *Hernan Cortes*, a team led by *Luis Marden* treks from Veracruz, on the Gulf of Mexico, to Mexico City.

В настоящее время мономимы (полные имена, состоящие из одного слова) практически вышли из употребления, т.к. во всех странах полное имя традиционно включает имя, фамилию и иногда отчество, однако мономимы были характерны для Древнего Египта, Шумера, Аккада, классической Греции и Рима, Средневековой Европы, доколумбовой Америки, поэтому в статьях, посвященных данным темам, мономимы встречаются очень часто:

Such signature statements – “*Ergomitos* made me”, “*Kleitias* painted me” – show that although masses of clay pot were churned out of local workshops, there was still a place for individual artistic pride.

From this time on, under five proceeding rulers, Tenochtitlan prospered and expanded, until by the time of the Conquest tribute was pouring into the coffers of *Montezuma* from all the southern Mexico and even Guatemala.

This war began in 1835 under the leadership of celebrated *Osceola* and lasted for nearly eight years.

Кроме того, мономимы обычно носят монархи и другие особы королевской семьи, а также римские папы, добавляя при необходимости к имени соответствующий порядковый номер:

Clodock gets its name from *Clydog*, a king of Ewias and a Welsh saint who was martyred here around the year 500.

As with the ceiling “Last Judgment” project was forced upon *Michelangelo*. He tried to get out of it when *Pope Clement VII*, who had commissioned the painting suddenly died. But *Paul III*, *Clement’s* successor, declared that he had waited 30 years to employ *Michelangelo* – and commanded him to begin.

A deep reservoir of respect for the royal family was revealed last August by groups like Monarchist League, during *Queen Elizabeth’s II* whistle-stop tour of Saskatchewan and Alberta.

В отдельную группу нами был выделена группа антропонимических единиц, обладающих вторичной номинативной функцией и сохраняющих семантическую двуплановость.

Вторичная номинация антропонимов может иметь различную знаковую функцию. Слово может остаться индивидуализирующим или стать классифицирующим знаком. Ряд вторичных образований занимают промежуточное положение, приобретаая

черты номенов, в частности товарных знаков. В частности, *Ford*, имя американского автомобильного промышленника Генри Форда и название автомобилестроительного концерна, переходит в категорию товарных знаков, сближаясь с нарицательными именами, если обозначает продукцию этой фирмы – автомобиль «Форд».

Introduction by *Ford* of the assembly line technique early in the twentieth century enabled high-volume production and ushered in the era of mass-market sales in the United States.

Аналогичная ситуация прослеживается с *UZI*, семейством пистолетов-пулеметов, выпускаемых израильским концерном *Israel Military Industries*, названных в честь конструктора оружия Узиэля Галя, с бритвами *Gillette*, история которых восходит к изобретателю одноразовых бритвенных станков Кингу Кэмпу Жиллетту, с американским брендом *Aunt Jemima*, занимающимся изготовлением смесей для блинов, сиропов и других продуктов для завтрака и др.

Old *Aunt Jemima* brand originated as a song of field slaves that was later performed at minstrel shows.

Примечательно, что антропоним *Aunt Jemima* является не только товарным знаком, но этнофолизмом современного американского варианта английского языка, обозначающим афро-американку [10, с. 87], в связи с чем в 2020 г. в рамках движения *Black Lives Matters* было решено изменить название бренда на *Pearl Milling Company*.

Последнюю выделенную нами группу составляют так называемые антропонимические метафоры, под которыми И.Э. Ратникова понимает прецедентное имя собственное, употребляемое вне прямой референции в качестве риторической фигуры речи для экспрессивного обозначения персоналий и событий [11, с. 613].

В научно-популярных изданиях наиболее часто метафоры подобного рода фигурируют в статьях экономической и финансовой тематики. В качестве термина сравнения могут выступать: реальные лица современности (*Rockefeller* – о богатом человеке), исторические личности (*economic Nostradamus*), литературные герои (*Robin Hood* – прозвище известного американского грабителя банков середины 1930-ых Дж. Диллинджера), вымышленные лица (*Aunt Millie* – неграмотный или мелкий инвестор), имена богов, мифических или библейских героев (*Zeus’ control of enterprises, titans of Wall Street* – о крупных американских банках, *two-faced Janus* – инфляция):

Do check out new galleries of NYC’s Museum of the American Gangster ... lots more to see and growing. We have two of the three death masks of *John Dillinger*, *Robin Hood* of wild 1930s.

Richard Yamarone, a senior economist for Bloomberg Brief, has been called an *economic Nostradamus* for his prescient forecasting of the 2008 financial crisis, and now he's warning that the worst is not over.

This is because inflation, like *Janus*, has two opposite faces. Whether we welcome or fear it depends upon the face we happen to look at. Or, putting the matter another way, we are each of us sometimes *Dr. Jekyll* and sometimes *Mr. Hyde* in our attitude toward inflation, depending upon how it seems to affect our personal interest at the moment.

Таким образом, в анализируемых научно-популярных изданиях нами были выявлены четыре категории антропонимов: фамилии (включая антропонимы-эпонимы), имена (включая мононимы), антропонимы с вторичной языковой номинацией и антропонимические метафоры. При этом если имя и фамилия индивида в тексте выполняют простую номинативную функцию, то антропонимы, входящие в состав терминов-эпонимов, отражают научную картину мира на уровне языка, а антропонимическая метафора используется для усиления прагматического воздействия текста на его читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валгина Н.С. Функциональные стили русского языка / Н.С. Валгина. – М.: Илекса, 2011. – 224 с.
2. Ванников Ю.В. Типы научных и технических текстов и их лингвистические особенности / Ю.В. Ванников. – М.: Академия, 2016. – 152 с.
3. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур / Д.Е. Ермолович. – М.: Р.Валент, 2001. – 200 с.
4. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов / Т.В. Жеребило. – Назрань: Пилигрим, 2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.lingvistics_dictionary.academic.ru/ (Дата доступа: 10.11.2021).
5. Кожина М.Н. Стилистика русского языка / М. Н. Кожина, Л. Р. Лускаева, В.А. Салимовский. – М.: Флинта-Наука, 2010. – 464 с.
6. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В.Н. Комиссаров. – М.: Альянс, 2017. – 254 с.
7. Кононенко А.П., Маруневич О.В. Лингвопрагматический потенциал неморфемных процессов словообразования в современном русском и английском языке / А.П. Кононенко, О.В. Маруневич // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2020. – № 3 (146). – С. 153-158.
8. Культура русской речи / Отв. ред. Л.К. Граудина, Е.Н. Ширяев. – М.: Норма, ИНФРА-М, 2020. – 560 с.
9. Лингвистический энциклопедический словарь // Под ред. В.Н. Ярцевой. – 2-е изд., доп. – М.: Большая российская энциклопедия, 2002. – 709 с.
10. Маруневич О.В. Концепт «иностраница»: лингвокогнитивный и аксиологические аспекты (на материале русского и английского языков): дисс. ... канд. филол. наук / О.В. Маруневич. – Пятигорск, 2009. – 256 с.
11. Ратникова И.Э. Ономастическая игра в публицистике: структура и функции / И.Э. Ратникова // Сборник научных трудов XXIII конференции «Rossica Olomucensia». – Оломоуц, 2010. – С. 613–619.
12. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка: монография / Д.Э. Розенталь. – М.: АСТ, 1998. – 381 с.
13. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М.: Едиториал УРСС, 2019. – 368 с.

АННОТАЦИЯ

Якушева К. Н. Особенности экспликации антропонимов в современном англоязычном научно-популярном дискурсе

Статья посвящена рассмотрению особенностей экспликации различных видов антропонимов в текстах современных англоязычных научно-популярных изданий. В ходе анализа нами было выявлено, что самым распространенными видами антропонимов в этих текстах являются фамилии (Washington, Churchill), эпонимы (Parkinson's disease, Coulomb constant), мононимы (Elizabeth I, Tecumseh) и антропонимические аббревиатуры (LZW, RL).

Ключевые слова: антропоним, научно-популярный стиль, эпоним, мононим, антропонимическая аббревиатура, метафора.

SUMMARY

Yakusheva K. N. Explication of anthroponyms in the contemporary English popular science discourse

Our study is focused on examining the way the diverse types of anthroponyms are explicit in the texts of modern English popular science journals. We have succeeded in finding that the most common types of anthroponyms in these texts are surnames (Washington, Churchill), eponyms (Parkinson's disease, Coulomb constant), mononyms (Elizabeth I, Tecumseh) and anthroponymic abbreviations (LZW, RL).

Key words: anthroponym, popular science style, eponym, mononym, anthroponymic abbreviation, metaphor.

Н. А. Ясинецкая
(г. Горловка, ДНР),
В. П. Рубан
(г. Горловка, ДНР)

УДК 81'373.215/.216=03.111=161.1

ГИДРОПОЭТОНИМЫ «ХРОНИК НАРНИИ» К.С. ЛЬЮИСА: ЭТИМОЛОГИЯ, СТРУКТУРА, ПЕРЕВОД

Поэтонимы, т.е. имена собственные в художественном тексте, выполняют не только номинативную, но и характеризующую, идеологическую, эмоциональную и стилистическую функции. Каждый поэтоним является частью авторского видения ситуации, условий, событий, обстоятельств, а также места и роли персонажей произведения. Поэтонимы объединяются в поэтонимосферу – систему «упорядоченных элементов, в которой «уживаются» самые разнообразные проприальные единицы» [2, с. 167]. При этом обязательным условием возникновения этой системы является наличие связей между её элементами: «это не хаотичное, случайно сформировавшееся множество собственных имён, а созданная творческим усилием автора система, элементы которой сплочены различного рода связями и отношениями, обеспечивающими её целостность и художественную ценность» [3, с. 112]. Неправильное толкование авторского видения или неспособность донести его до читателя перевода влияет на качество всего переведённого текста.

В цикле фэнтезийных повестей «Хроники Нарнии» Клайв Стейплз Льюис использует различные разряды поэтонимов, которые создают удивительный и вполне конкретный художественный мир и способствуют пониманию эстетических идей писателя, в частности: антропопоэтонимы (*Eustace Clarence Scrubb*, *Lord Octesian*, *Edmund Pevensie*); топопоэтонимы (*Lone Islands*, *Hill of the Stone Table*, *Dancing Lawn*, *Valley of the Thousand Perfumes*), в том числе, гидропоэтонимы (*River Shribble*, *Lily Lake*, *Silver Sea*); зоопоэтонимы (*Strawberry*, *Mr Beaver*, *Glimfeather*, *Pattertwig*); теопоэтонимы (*Azaroath*, *Bacchus*, *Silenus*); хронопоэтонимы (*Christmas*). Писатель создаёт большое количество поэтонимов, обозначающих географические объекты. С одной стороны, использование автором произведения определённого топопоэтонима позволяет читателям ориентироваться в пространстве и определять местоположение предметов и событий. С другой стороны, с помощью топопоэтонимов автор помогает своему читателю более реалистично представить происходящие события путём

поиска связей между изображёнными условиями местности и отражением их в географических названиях, в частности, названиях водных объектов – гидропоэтонимах.

Актуальность изучения топопоэтонимов в жанре фэнтези обусловлена необходимостью исследования этимологии, структурно-семантической классификации авторских географических названий, а также систематизации удачных переводческих решений для успешного решения последующих переводческих задач. Одна из таких задач – передать иноязычному читателю взаимосвязь между особенностями окружающей среды и названиями географических объектов, а также, по возможности, сохранить связь с этимологией исходного топопоэтонима.

Среди семантических типов топопоэтонимов видное место занимают гидропоэтонимы – художественные названия водных объектов: морей и океанов, рек, озёр и других водоёмов. Исходя из материала нашего исследования, мы наблюдаем богатую систему поэтонимов, представляющих водные объекты: это и группа пелагопоэтонимов – названий океанов и морей, и группа потамопоэтонимов – названий рек. Создавая географию своего удивительного мира, К.С. Льюис наделяет его разветвлённой системой рек – неотъемлемой частью любого природного ландшафта. Особенность потамопоэтонимов «Хроник Нарнии» – их поликомпонентная структура, обязательным элементом которой является семантический идентификатор *River* в пре- или постпозиции относительно характеризующего элемента. Это можно объяснить тем, что наличие в названии онимизированного апеллятива (имени нарицательного) *River* является своеобразной авторской подсказкой, которая помогает, в частности, юным читателям правильно идентифицировать обозначением чего является то или иное название.

Вполне естественным выглядит двухкомпонентный гидропоэтоним *River Shribble*, который без идентифицирующего элемента не имеет ничего общего с водоёмом, а вот в комплексе полноценно передаёт читателю семантику денотата. Поэтоним *Shribble* сводит семантику собственного имени к реке, которая хаотично и быстротечно извивается в своём русле; именно эта черта выделяет её среди других рек. С помощью обособления и пунктуации писатель стремится подчеркнуть эту особенность в тексте: *But there's a river between it [Ettingsmoor] and us; the River Shribble* [5, с. 582]. – *Но его отделяет от нас река Шрибл* [4, с. 672]. Авторский неологизм образован с помощью семантической проприализации, в основе которой лежит ведущий признак. При переводе данного поэтонима на русский язык был использован способ переводческой транскрипции – *Шрибл*,

который передал внешнюю звуковую форму поэтонима, однако не позволил сохранить заложенный в нём смысл.

Особый интерес для нашего исследования представляют и авторские новообразования для обозначения рек *Rush* и *Winding Arrow*. Здесь автор обращается к метафорической проприализации; поэтонимы настолько удачно и точно подобраны, что денотат (*river*) понятен из самих названий, а, следовательно, необходимость в его указании отпадает. Поэтоним *Winding Arrow* является текстовым воплощением структурной модели онимизированный апеллатив-определение + онимизированный апеллатив. Эта река описывается как «несущая свои воды с высоких гор на восток река, со слишком быстрым течением и порогами, переплыть которую было невозможно» [4, с. 304]. Для передачи данного поэтонима на русском языке переводчиком был выбран способ модуляции – *Орлянка*. Исходя из того, что эта река протекает в пределах страны Орляндии, её название получилось вполне уместным и ожидаемым. Таким образом, переводчик стремился придерживаться принципа К.С. Льюиса именовать некоторые реки по их принадлежности к той стране, где они протекают. Данная трансформация не позволила сохранить смысл, заложенный в гидропоэтониме К.С. Льюисом, однако она позволила поэтонуиму приобрести в языке перевода другой смысл, вполне соответствующий авторской картине мира.

Авторский гидропоэтоним *Rush* является результатом простой проприализации. Семантика передаёт значение данного поэтонима – стремительное и поспешное движение реки. Здесь переводчик использует метод подбора функционального аналога – *Стремнинка*, в результате чего заложенный в нём смысл сохранился.

Способом метафорической проприализации образован и гидропоэтоним *Great River*. Двухкомпонентный поэтоним, созданный по модели онимизированный апеллатив-определение + онимизированный апеллатив, именует центральную водную артерию Нарнии, протекающую через материковую часть Нарнийского королевства. Её возможности накапливаются в ходе событий, и появляются контекстуальные синонимы гидропоэтонима *Great River: the River, River Narnia* и *River of Narnia*. При переводе данного поэтонима на русский язык было использовано калькирование – *Великая река*, что позволило сохранить заложенный в нём смысл.

По схожей модели, но с перестановкой компонентов, был образован и следующий поэтоним – *River Calormen*. Следует отметить, что создавая гидропоэтонимосферу своих произведений К.С. Льюис не использует притяжательной конструкции “__’s __”

и редко применяет “__ of __” (например, *River of Narnia, Fords of Beruna*). *River Calormen* носит такое же название, как и страна, в которой она протекает, к тому же она является культурным центром Калормена. При переводе данного гидропоэтонима был использован способ полукалькирования (сочетание калькирования и транслитерации названия) – *река Калормен*. В данном случае такой способ перевода, на наш взгляд, является вполне оправданным.

Все авторские собственные имена группы пелагопоэтонимов образованы по модели: идентифицирующий элемент + онимизированный апеллатив *Sea / Ocean*. Пелагопоэтонимы *Eastern Ocean, Eastern Seas* и *Eastern Sea* являются не чем иным, как вариативными названиями одного воображаемого географического объекта. Этимология этих названий переплетается с семантикой, которая в комплексе передаёт значение водного объекта, что омывает нарнийские земли с востока, а его исполинские размеры постоянно заставляют К.С. Льюиса сомневаться, является ли это несколькими морями или всё же океаном. Сомнения автора кроются во втором компоненте поэтонимных форм, значение которых представлено последовательно: *Sea – Seas – Ocean*. Данные поэтонимы переданы в переводе при помощи калькирования – *Восточный океан, Восточные моря, Восточное море*, – в результате чего их смысл полностью сохранился.

Ещё одним пелагопоэтонимом, образованным К.С. Льюисом с помощью метафорической проприализации, является *Sunless Sea*. Через элемент *sunless* реализуется не только его главный признак (отсутствие солнца), но и раскрывается в метафорическом значении безнадежность, невозможность увидеть снова солнечный свет, что и удалось передать при переводе на русский язык с помощью модуляции – *Мрачное море*.

Интересные коннотации создают и две другие структурно схожие с предыдущим именением собственным топопоэтонимные единицы – *Last Sea* и *Silver Sea*. Двухкомпонентный поэтоним *Last Sea* фигурально выражает контекстуальное значение последнего препятствия на пути к желанной земле. Однако если отбросить контекст, этимологию авторского новообразования можно считать прозрачной. В топопоэтониме *Silver Sea* ведущим является метафорический признак, который также раскрывается под влиянием контекста. Многочисленные лилии, обилие света, исходящего со всех сторон, создают визуальный эффект яркого блеска воды. Отсюда и возник данный онимизированный апеллатив. Перевод обоих поэтонимов осуществлён с помощью калькирования – *Последнее Море* и *Серебряное Море*, в результате

чего сохраняется этимологическая связь с оригинальными авторскими поэтонимами.

К собственно гидропоэтонимам, которые невозможно классифицировать на семантические подгруппы, относим авторские новообразования *Great Waterfall* с краткой синонимической формой *Waterfall* и *Fords of Beruna*. Двухкомпонентное топонимическое образование *Great Waterfall* представляет структурную модель онимизированный апеллатив-определение + онимизированный апеллатив. Идентифицирующий элемент *Great* передаёт атрибутивный признак размера, а определённый артикль перед названием в тексте подчёркивает уникальность водопада: ... *they saw ... thousands of tons of water every second, flashing like diamonds in some places and dark, glassy green in others, the Great Waterfall* [5, с. 761]. – ... *сверкая на солнце, словно поток алмазов, тёмно-зелёные в тени, непрерывно низвергались тысячами тонн воды Великого водопада...* [4, с. 891]. Онимизированный апеллатив *Waterfall* образован способом простой проприализации. Данный поэтоним переведён с помощью калькирования – *Великий водопад*.

Гидропоэтоним *Fords of Beruna* выступает именем-словосочетанием и, как и большинство поэтонимов такого типа, указывает на определённую принадлежность (в конкретном случае – к другому географическому объекту). С точки зрения структуры, этот поэтоним соответствует модели онимизированный апеллатив + of + имя, в которой первый элемент, что немаловажно, используется во множественном числе, что не слишком часто встречается у К.С. Льюиса. Слово *ford* означает «часть реки или другого водоёма, настолько мелководная, что её можно перейти вброд» [6] или тот же *брод*. При передаче данного гидропоэтонима на русский язык был использован способ полукалькирования – *броды Беруны*, и его смысловая нагрузка при этом сохранилась.

Проанализировав различные способы перевода гидропоэтонимов на русский язык, мы выявили, что к таким способам относятся:

- переводческая транскрипция (*Shribble* – *Шрибл*);
- калькирование (*the River* – *река*, *Great River* – *Великая река*, *Eastern Seas* – *Восточные моря*, *Eastern Sea* – *Восточное море*, *Eastern Ocean* – *Восточный океан*, *Last Sea* – *Последнее море*, *Silver Sea* – *Серебряное море*, *Great Waterfall* – *Великий водопад*, *South Sea* – *Южное море*);
- калькирование + перестановка компонента (*Lily Lake* – *зеро Лилий*);

- полукалькирование (калькирование + транслитерация) (*River Narnia* – *река Нарния*, *River Calormen* – *река Калормен*, *Fords of Beruna* – *броды Беруны*);

- модуляция (*Winding Arrow* – *Оплянка*, *River of Narnia* – *Великая река*, *Sunless Sea* – *Мрачное море*, *Caldron Pool* – *Каменный Комёл*);

- подбор функционального аналога (*Rush* – *Стремнинка*).

Таким образом, гидропоэтонимы, которые являются неотъемлемой частью творческого замысла К.С. Льюиса, имеют незаменимую ценность для понимания произведения и создания топопоэтонимической картины Нарнии. Важную роль играет как содержательная структура имени собственного, которая в определённых случаях обладает настолько богатым значением, что должна быть обязательно передана в переводе, так и внешняя форма, позволяющая выделить объект среди других объектов действительности [1, с. 132].

Гидропоэтонимы цикла фэнтезийных повестей К.С. Льюиса «Хроники Нарнии» могут передаваться общепринятыми способами перевода названий географических объектов: транслитерацией, переводческой транскрипцией, калькированием и полукалькированием. Однако, переводчик нередко использует и альтернативные способы перевода, такие как подбор функционального аналога и семантическую модуляцию, для раскрытия взаимосвязи между особенностями окружающей среды и гидропоэтонимами, а также с целью отражения специфики картины воображаемого мира, созданного автором.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур / Д.И. Ермолович. – М.: Р. Валент, 2001. – 200 с.
2. Калинин В.М. Поэтика онима / В.М. Калинин. – Донецк: Юго-Восток, 1999. – 408 с.
3. Калинин В.М. Поэтонимосфера рассказа А.П. Чехова «Трагик» / В.М. Калинин // Филологические исследования: Чеховский сборник. – 2012. – № 12. – С. 112-125.
4. Льюис К.С. Хроники Нарнии: вся история Нарнии в 7 повестях / К.С. Льюис; [пер. с англ. Н. Трауберг и др.]. – М.: Эксмо, 2014. – 842 с.
5. Lewis C.S. The Chronicles of Narnia / C.S. Lewis. – L.: Harper Collins Publishers, 2001. – 768 p.
6. Online Etymology Dictionary [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.etymonline.com>.

АННОТАЦИЯ

Ясинецкая Н. А., Рубан В. П. Гидропоэтонимы «Хроник Нарнии» К. С. Льюиса: этимология, структура, перевод

В статье анализируется семантический разряд гидропоэтонимов септологии «Хроники Нарнии» К.С. Льюиса в аспектах их происхождения, структуры и способов перевода. Выделены основные структурные модели и определено место гидропоэтонимов в общей поэтонимосфере исследуемого цикла фэнтезийных повестей. Рассмотрены способы перевода гидропоэтонимов на русский язык, в частности, переводческая транскрипция, транслитерация, калькирование и полукалькирование, функциональный аналог, модуляция.

Ключевые слова: поэтонимосфера, поэтоним, гидропоэтоним, этимология, структурная модель, перевод.

SUMMARY

Yasinetskaya N. A., Ruban V. P. Hydropoetonyms in The Chronicles of Narnia by C.S. Lewis: etymology, structure, and translation

The article discloses the semantic class of hydropoetonyms in The Chronicles of Narnia by C.S. Lewis from the points of view of their origin, structure, and translation. The authors distinguish the main structural models and locate hydropoetonyms in the entire poetonymosphere of the fantasy novels series under study. It is determined that the main ways to translate hydropoetonyms into Russian are transcribing, transliteration, loan translation, semi-loan translation, functional analogue, and modulation.

Key words: poetonymosphere, poetonym, hydropoetonym, etymology, structural model, translation.

*Н. С. Демченко
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 316.74:80

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО
СОСТОЯНИЯ ЯЗЫКА СМИ
В ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТОВ)**

В условиях современной геополитической ситуации интерес к средствам массовой информации продолжает стремительно расти. Очевидно, что внимание к данному вопросу прослеживается преимущественно в отношении электронных СМИ. Однако

необходимо учитывать тот факт, что определённый пласт общества всё ещё отдаёт предпочтение своего рода «традиционным» способам передачи информации. Причины данного явления, на наш взгляд, заключаются в следующих положениях: прослушивание радиовещания в автомобиле по пути домой/на работу, вечер за просмотром телевизора в кругу семьи или же просто в виде «фонового шума», невозможность или неумение пользоваться современными технологиями (в основном относится к определённой возрастной категории). Если подобные методы передачи информации (газетные, радио- и телетексты) потеряли бы свою аудиторию или были бы полностью заменены электронными СМИ, то их издание (реализация) существенно сократилось бы или остановилось вовсе. На фоне стремительного развития СМИ выводы об их скором исчезновении мы считаем опрометчивыми, поскольку перечисленные средства массовой информации по-прежнему остаются актуальными для «своего получателя».

Актуальность нашего исследования заключается в изучении современных проявлений особенностей языковых средств, используемых СМИ. Фактическим материалом для работы послужили печатные издания Донецкой Народной Республики за период с февраля 2022 года и по настоящее время.

Новизна исследования представляется в следующем: собран фактический материал авторской картотеки за 2022 год, проведён анализ речевой агрессии в газетных текстах Донецкой Народной Республики, а также предложен краткий количественный анализ для оценки тенденции к сокращению языковых средств в изучаемых текстах.

Большинство исследователей отмечают, что именно средства массовой информации отражают тенденции языковых изменений и выступают отражением современного состояния языка нации. Несмотря на то, что тексты СМИ должны соответствовать литературной норме языка, учёные предполагают, что вариативность норм при передаче информации сейчас встречается чаще. Поскольку принципы изложения информации в этой сфере имеют отличительные черты от художественного, делового и других стилей языка, лингвисты предложили обозначить язык СМИ, в частности язык электронных СМИ, как самостоятельную «номинацию» [12, с. 8].

Так, цель нашего исследования – изучить печатные издания Донецкой Народной Республики на предмет проявления в них особенных черт языка СМИ и проследить их влияние на сохранение экологичности языка. Следовательно, предметом исследования являются характерные особенности языка средств массовой информации в газетных текстах.

Существуют различные подходы к определению языка СМИ. Теоретической базой для разработки данной проблемы послужили работы таких отечественных исследователей, как Г. В. Степанова, Д. Н. Шмелева, В. Г. Костомарова, Г. Я. Солганика, Ю. В. Рождественского, С. И. Сметаниной, Т. Г. Добросклонской и др. В. Г. Костомаров настаивает, что средства массовой информации оказывают огромное влияние на формирование языковой нормы. В работе «Языковой вкус эпохи» исследователь анализирует языковые процессы, происходящие в русском языке с учетом этого влияния и различных экстралингвистических факторов. В свою очередь, профессор Ю. В. Рождественский определяет важнейшие социолингвистические аспекты языка СМИ, отмечая, что «массовая информация является глобальным текстом, объединяющим разные языковые сообщества с их различными социальными речевыми структурами» [10, с. 477]. Значительным вкладом в развитие концепции языка СМИ выступают также работы С. И. Сметаниной «Медиа-текст в системе культуры» и Т. Г. Добросклонской «Вопросы изучения медиатекстов».

Основываясь на анализе контекстного употребления словосочетания «язык СМИ», С. В. Давыдова в исследовании «Язык средств массовой информации» предлагает несколько распространённых определений. Одним из наиболее концептуальных для данного исследования мы видим следующее: под языком средств массовой информации понимается «особая знаковая система смешанного типа с определённым соотношением вербальных и аудиовизуальных компонентов, специфическим для каждого из средств массовой информации – печати, радио, телевидения, Интернета» [3, с. 94].

Причина, по которой мы считаем, что язык СМИ может нести угрозу безопасности лингвистической экологии, отмечается в научном труде Т. Г. Добросклонской: «СМИ выполняют функции своего рода катализатора в формировании и протекании языковых процессов» [7, с. 46]. Исследователь также отмечает, что «слово в масс-медиа обладает необыкновенной силой: появившись однажды в телевизионной речи или на страницах прессы, оно мгновенно подхватывается массовой аудиторией, всё глубже проникая в родной язык, каким бы чуждым поначалу оно ни казалось» [там же]. Таким образом, средства массовой информации обладают существенной «властью» над современными процессами, протекающими в языке.

В. В. Воробьев приводит обобщённый перечень отличительных характеристик языка СМИ. Несмотря на тот факт, что работа отражает состояние публицистического стиля массовых

коммуникаций конца XX века, мы считаем, что исследование В. В. Воробьева остаётся актуальным материалом для изучения современных способов передачи массовой информации. Итак, для языка СМИ характерными чертами являются:

1) количественное и качественное усложнение сфер речевой коммуникации в СМИ (прежде всего Интернет, в котором развиваются новые виды текста и диалогических форм);

2) разнообразие норм речевого поведения отдельных социальных групп, свойственное современной речевой коммуникации, которое находит отражение в языковой действительности СМИ;

3) демократизация публицистического стиля и расширение нормативных границ языка массовой коммуникации;

4) следование речевой моде;

5) «американизация» языка СМИ [1, с. 16].

Специалисты в сфере печатных медиатекстов считают, что газеты и журналы до сих пор пользуются спросом. Обобщая названные учёными основания для подобного вывода, мы можем выделить следующие наиболее реальные из них: 1) вопрос доверия – общество больше доверяет печатным СМИ, т.к. любой человек может опубликовать информацию в сети, а газетные тексты подвергаются контролю; 2) печатные СМИ имеют целевую аудиторию, чаще всего среди тех, кто не имеет доступа к электронным средствам массовой информации; 3) «осязаемость» печатного издания поясняется как «возможность поддержать в руках», «приятно перелистывать страницы».

По мнению Е. А. Земской, язык газет «стал средоточием тех процессов, которые происходят в разных сферах русского языка, от областей высоких и нейтральных до сниженных, даже грубых, пронизанных элементами жаргона и просторечий» [8, с. 91]. Исходя из этого, мы полагаем, что газетные тексты могут представлять интерес для оценки состояния современного языка средств массовой информации в лингвоэкологическом аспекте.

Следуя высказыванию индийского философа Махатмы Ганди «Хочешь изменить мир – изменись сам (начни с себя)», мы считаем необходимым прежде всего изучить газетные тексты Донецкой Народной Республики и рассмотреть возможные угрозы лингвоэкологии. Так, объектом нашего исследования выступили печатные издания (газетные тексты) Донецкой Народной Республики за февраль и май 2022 года. К ним относятся: «Народная Волна», «Итоги недели», «Итоги и факты», «Неделя» и «Комсомольская правда – Донбасс».

Нами был собран материал из перечисленных выше изданий методом сплошной выборки с целью проиллюстрировать

некоторые характерные особенности современных газетных текстов, а также в общих чертах обозначить актуальное состояние языка печатных СМИ на территории Республики.

С точки зрения психолингвистики исследователи часто относят речевую агрессию к разновидности речевого поведения (отсылка к указанному ранее перечню особенностей языка СМИ). В рамках нашего исследования, мы рассматриваем речевую агрессию как «использование языковых средств для создания конфликтной среды с целью негативного воздействия на объект речевой агрессии, как целенаправленного, так и неосознанного» [5, с. 122]. В языке печатных СМИ речевая агрессия может быть выражена в имплицитной и эксплицитной формах. Определяя способы её проявления, мы заметили, что в её основе могут лежать как языковые средства (в основном, лексические), так и дискурсивные (например, высказывания, попадающие под определённый конфликтный жанр речи).

В анализируемых печатных изданиях были обнаружены следующие примеры речевой агрессии: «Обывателей “цивилизованного мира” запугивают возрождением великой державы» (комментарий к фото, «Неделя» от 03.05.2022 г.) – использование кавычек для словосочетания “цивилизованный мир” с целью высмеивания, «запугивают» – глагол с отрицательной коннотацией (заставлять бояться); «Евразийским интеграционным процессам мешают коррупционные интересы местных элит» (там же) – цитата принадлежит Никите Мендковичу, в словах политолога ярко выражена оценка представителей власти; «Обитатели интернета часто производят впечатление буйнопомешанных (и психологи говорят, что это недалеко от истины)» (там же, ст. «Британия борется с детской игроманией») – оскорбление с предпринятой попыткой снять с себя ответственность: специалисты считают так же (близко к тому); «Вот и банкиры вспомнили, что они сначала банкиры, а уж потом патриоты. И “переобулись”» («Итоги и Факты. События недели» от 03.05.2022 г., ст. «Большое ограбление по-киевски») – усилительная частица «уж» использована с целью дополнительного эмоционального окрашивания последующего слово «потом» (в п-ую очередь). Заголовок (заглавие) статьи также выражает речевую агрессию. Аналогия, которую приводит сам автор статьи – прозрачна. Автор ссылается на цитату Майкла Бейзилера, писавшего о политике ариизации: «Холокост был одновременно величайшим убийством и величайшим грабежом в истории». Ещё одним ярким примером можно назвать другую статью в этом же выпуске «Макрон мечтает править долго»: «Теперь шутят, что совсем скоро Макрон в восьмой раз

позвонит Путину и откажется от предвыборного заявления, что Франции вообще не нужны ни российская нефть, ни её газ» – формулировка предложения указывает на высмеивание ситуации в целом и поведения Макрона в частности. Начало предложения «Теперь шутят...» акцентирует внимание реципиентов на том, что такое мнение распространено.

Одной из существенных проблем в языке СМИ Т. А. Воронцова считает «тенденцию к экономии языковых средств (распространение аббревиатур, склонение аббревиатур: вуз, СПИД, ОМОН)» [2, с. 25]. Для того, чтобы подтвердить/опровергнуть данное утверждение в отношении газетных текстов Донецкой Народной Республики, мы выбрали газету «Неделя» № 18 от 3 мая 2022 года. В анализируемом выпуске газеты – 32 страницы. Для анализа были выбраны 26 страниц (1, 28-32 страницы были исключены по следующим причинам: 1-ая страница – титульная, 28-32 – «Готовим вместе» и страницы, содержащие анекдоты, сканворд, гороскоп на неделю). В пределах указанных страниц аббревиатуры встречались 120 раз ровно (с учётом повторений, где среднее число повторений – 4 раза; без учёта иностранных аббревиатур и других сокращений). Наибольшее количество раз употреблялись аббревиатуры «ОМС» (обязательное медицинское страхование) – 20 раз в пределах одной статьи (более не повторялась) и «США» – 16 раз в пределах всего анализируемого фрагмента. Аббревиатуры, которые встречаются не более одного раза: БАД (в тексте «БАДом»), ВГИК (в тексте «ВГИКе»), ЖКТ, СПИД (в тексте «СПИДом»), ЧП и др. Для сравнения мы взяли ту же газету «Неделя» № 19 от 8 мая 2018 года. Общее число использования аббревиатур в текстах – 61. Также мы выделили те, которые встречались чаще всего: «СССР» – 18 раз, «США» – 14 раз. Результаты количественного анализа двух выпусков печатного издания «Неделя» представлены в таблице ниже.

Таблица 1.
Результаты количественного анализа аббревиатур
в исследуемых фрагментах

Наименование критерия	«Неделя» (май, 2018 г.)	«Неделя» (май, 2022 г.)
Анализируемый фрагмент в страницах	26	26

Общее количество аббревиатур в анализируемом фрагменте	61	120
Среднее число повторений аббревиатур в пределах всего фрагмента	2	4
Самые частые аббревиатуры (количество)	СССР (28) США (14)	ОМС (20) США (16)
Количество аббревиатур, встречающихся единожды	10	15
Склонение аббревиатур (количество в фрагменте)	2 (МИДу, СПИДа)	8 (БАДом, ВГИКе, СПИДом, МХАТ(а/с/е), ГОСТ(у/ам,))

На основании проведенного анализа, мы считаем возможным заключить, что тенденция к экономии языковых средств (в виде использования аббревиатур) всё ещё актуальна для современных текстов газет.

Особое место в текстах СМИ занимает эвфемизация. Одно из наиболее универсальных определений эвфемизма предлагает Д. Н. Шмелев. В его понимании эвфемизмами являются «слова и выражения, служащие в определённых условиях для замены таких обозначений, которые представляются говорящему нежелательными, не вполне вежливыми, слишком резкими» [13, с. 199]. В ситуации, когда газетные тексты подлежат цензуре, журналисты завуалировано оценивают деятеля/событие с помощью эвфемизации. В качестве примеров мы рассматривали следующие цитаты: «*работать в белую*» (речь идёт о начислении пенсии, контекст: «...для высокой пенсии необходимо “работать в белую”, чтобы работодатель в обязательном порядке перечислял соответствующие выплаты в Пенсионный фонд»); «*подводное государство*» (контекст: «...перспектива оказаться подводным государством беспокоит в первую очередь самих жителей... (Мальдивы)»); «*Бикфордов инур*» и «*поджечь*» (контекст: «*Бикфордов инур войны на самом деле в любой момент могут поджечь провокаторы*»); «*выдергивать*» (контекст: «*Киев пытается “выдергивать” бывших ополченцев, в том числе и с территории России*»); «*большому восточному соседу*» (речь идёт о Китае в рамках исторической справки, контекст: «*Почти семь лет, начиная с 1937-го, “асеевские” радиостанции*

поставлялись большому восточному соседу»); «*сворачивать*» (контекст: «*В результате Китай начал сворачивать торговые отношения с Литвой...*»); «*украинские события*» (контекст: «... об энергосбережении в Европе стали говорить ... задолго до украинских событий») и др. («Итоги и факты» от 08.02.2022 г. и 03.05.2022 г.; «Неделя» от 08.02.2022 г. и 03.05.2022 г.; «Комсомольская правда – Донбасс» от 10.02.2022 г.).

Изучая особенности следования речевой моде и «американизации» СМИ, на сегодняшний день мы считаем допустимым говорить об их объединении. В связи с определенным стремлением русскоязычного общества к заимствованию так называемых «модных» англо-американских слов, а также учитывая масштабный характер этого процесса, исследователи предполагают появление угрозы сохранения литературной нормы языка. Подобная популяризация заимствований, на наш взгляд, обусловлена пропагандой западной культуры за счёт различных рекламных кампаний, а также сети Интернет. Примерами могут послужить слова, которые используются средствами массовой информации для передачи новостей в области экономики, политики, искусства, спорта: *импичмент, венчурный фонд, дрейф (дрейфовать), мониторинг, антиклерикал, рестрикция, эскалацияпиар, рейтинг, апартаменты, инсайдер, дедлайн, фитнес, паркинг, троллинг* и др. («Народная Волна» от 14.02.2022 г., «Итоги и факты» от 08.02.2022 г. и 03.05.2022 г., «Неделя» от 08.02.2022 г. и 03.05.2022 г. и «Комсомольская правда – Донбасс» от 10.02.2022 г.) [4, с. 110-111].

Таким образом, мы рассмотрели основные определения языка СМИ и его характерные особенности в целом. Некоторые из них, чьё проявление в современных газетных текстах выражено достаточно ярко, были рассмотрены на фактических примерах газетного дискурса. Важным является то, что мы изучили тексты, публикуемые 1) за период с февраля по настоящее время, 2) в пределах Донецкой Народной Республики. На основании изученного материала мы можем говорить о неблагоприятных тенденциях в развитии русского языка с точки зрения его литературной нормы в средствах массовой информации. Принимая во внимание нацеленность лингвоэкологии на сохранение языка как «чистого» и соответствующего культуре речи, мы понимаем, что важно определить критерии лингвоэкологического анализа для медийных текстов, а также предпринять попытку разработки способов сохранения норм литературного языка в средствах массовой информации с учётом минимизации потери интереса к текстам со стороны реципиентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьев В. В. Государственный язык России / В. В. Воробьев // Народное образование. – 1998. – № 5. – С. 3-16.
2. Воронцова Т. А. Культура речи : учеб. пособие / Т. А. Воронцова. – Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 2011. – 141 с.
3. Давыдова С. В. Язык средств массовой информации / С. В. Давыдова // *Linguamobilis*. – 2011. – №2 (28). – С. 93-96.
4. Демченко Н. С., Соснина Л. В. Заимствования в языке СМИ как угроза лингвоэкологии / Н. С. Демченко, Л. В. Соснина. // Языки Донбасса : история, современное состояние, перспективы развития : материалы IV Респ. заоч. студент. конф. (Донецк, 29 марта 2022 г.). – Донецк : ГОУ ВПО «ДОНАУИГС», 2022. – С. 109-111.
5. Демченко Н. С. Элементы речевой агрессии в средствах массовой информации (на примере пресс-конференций, освещающих проблемы ЧС) / Н. С. Демченко. // Пожарная и технософная безопасность: проблемы и пути совершенствования. – 2021. – № 3 (10). – С. 121-125.
6. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов: опыт исследования современной английской медиаречи / Т. Г. Добросклонская. – М. : МАКС-Пресс, 2000. – 288 с.
7. Добросклонская Т. Г. Роль СМИ в динамике языковых процессов / Т. Г. Добросклонская // Вестник МГУ. – 2005. – Сер. 19. – № 3. – С. 38–54.
8. Земская Е. А. Русский язык конца XX столетия (1985-1995) / : кол. монография под ред. Е. А. Земской. – 2-е изд. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 480 с.
9. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб : Златоуст, 1999. – 322 с.
10. Рождественский Ю. В. Теория риторики. / Ю. В. Рождественский. – М. : Добросвет, 1997. – 597 с.
11. Сметанина С. И. Медиа-текст в системе культуры: Динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века / С. И. Сметанина. – СПб : Михайлов В. А., 2002. – 382 с.
12. Шарафадина К. И., Зеликина Н. С., Евдокимова Л. А., Сухотина И. А., Колесникова Е. И. Язык и стиль СМИ : учеб. пособие / сост. К. И. Шарафадина. – СПб : СПбГУП, 2016. – 228 с.
13. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика / Д. Н. Шмелев. – М. : Просвещение, 1977. – 355 с.

АННОТАЦИЯ

Демченко Н. С. Некоторые особенности современного состояния языка СМИ в лингвоэкологическом аспекте (на материале газетных текстов)

В статье рассматриваются основные подходы к определению языка СМИ. Предлагаются некоторые особенности медиатекстов, характерные для современного газетного дискурса Донецкой Народной Республики. Обозначенные особенности подкрепляются фактическими примерами из печатных изданий. Определяется значение медиатекстов с точки зрения лингвоэкологии языка.

Ключевые слова: лингвоэкология, язык СМИ, медиатекст, языковой процесс.

SUMMARY

Demchenko N. S. Some features of modern state of media language in respect of linguoecological aspect (on materials of newspaper texts)

The article deals with the main approaches to definition of the mass media language. Some features of media texts, which are specific for the modern newspaper discourse of the Donetsk People's Republic, have been proposed. The indicated features have been analysed with the actual examples from printed publications. The significance of the media texts in respect of the linguoecology of the language has been determined.

Key words: linguoecology, medialanguage, mediatext, linguisticprocess.

*И. Г. Коловерова
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81.0

**ВАРИАТИВНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
С КОЛОРАТИВНЫМИ КОМПОНЕНТАМИ
В ИСПАНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

Актуальность вопросов, связанных с межкультурной коммуникацией, в наше время приобрела чрезвычайную остроту. В результате этого наблюдается повышение внимания к изучению языков в тесной связи с культурой народа, который является его носителем. И несомненный интерес в этом плане вызывают фразеологические единицы, наделенные коммуникативной ценностью, т.к. в них ярко отображается духовная культура народа.

В процессе коммуникации слова объединяются между собой для выражения мыслей. Иногда они образуют свободные сочетания, в которых не существует ограничений в выборе компонентов, за исключением случаев семантической и/или грамматической несовместимости. В других случаях, образуют устойчивые выражения, т.е., выражения, которые определяются, прежде всего, потому, что воспроизводят определенное лексическое единство, устойчивое или частично нестабильное, но которое всегда является ограниченным в выборе значения слов или конструкции. Это языковое явление свойственно практически всем языкам и тесно связано с характером, нравственными ценностями, традициями и обычаями народа – носителя языка и называется фразеологизмом.

В последнее время появились публикации, посвященные вопросам исследования функционирования фразеологизмов в различных сферах коммуникации. Так, например, на материале испанского, английского, русского языков в работах Т. В. Писановой, Е. Р. Малофеева, Н. М. Фирсовой и других исследователей делаются попытки анализа фразеологических групп, объединенных наличием в них общего компонента. Значительная часть данных публикаций, а именно Глории Корпас Пастор, Леонор Руис Гурильо, В. С. Виноградова, Н. М. Фирсовой посвящены исследованию фразеологизмов с компонентами цвета.

Цвет – это зрительные ощущения, чувственное впечатление, которое мы получаем через глаза, независимо от материи окраски. Это одно из сенсорных восприятий, которое обычно пробуждает – сознательно и бессознательно – реакции (эмоциональные и экспрессивные) у человека. Существует множество цветов, и каждый тип цвета имеет символику и многочисленные значения, которые мы используем для общения. Несмотря на множество уже проведенных исследований, история цвета остается, однако, относительно новой областью исследований по сравнению с прогрессом, достигнутым в области сравнительной лингвистики. Знание символизма, связанного с цветами, имеет значение для сравнительной лингвистики, поскольку цвета имеют различные коннотации для каждой культуры, которые изменялись на протяжении всей истории. Эти символические коннотации отражаются в языке именно в группах слов. Определение системных связей в группах слов, далее фразеологических единиц, в состав которых входят колоронимы, дает нам возможность определить семантические способности данных лексем. Являясь компонентом фразеологической единицы, колороним может выполнять разные функции: номинативную, смыслообразующую, смыслообразительную, атрибутивную. Многообразие цветов

в окружающей нас среде находит свое отображение в языке и употребляется, как правило, в разговорной речи в определенных ситуациях. Восприятие на слух того или иного фразеологизма может вызвать у слушателя положительную или отрицательную оценку услышанного. А колоронимы дают возможность создать в воображении не простые образы, возникающие при восприятии слов, а живые и яркие, что обусловлено природой самих фразеологизмов. Так как фразеологизм, как языковая единица, отображает специфику мировосприятия определенного народа, то позитивное или негативное значение приобретают и сами цвета. Русский и испанский языки изобилуют колоронимами, поэтому иногда возникают трудности при переводе фразеологизмов: одним можно с легкостью подобрать эквивалент, а другие сложно понять, потому, что они имеют скрытый смысл. Также не всегда фразеологизмы совпадают по форме и значению в русском и испанском языке. И в этом смысле стоит обратиться к теории вариативности, которая в последнее время является предметом исследования многих языковедов.

В современной лингвистике существует множество взглядов на эту проблему, которые можно формально объединить в две группы. К первой группе можно отнести исследователей, которые рассматривают вариативность как аномальное явление, другие же, наоборот, говорят о вариативности, как о базовом свойстве языка, который присущ всем его единицам и уровням.

Лингвистический энциклопедический словарь дает следующее определение вариативности (вариативности):

1) представление о разных способах выражения какой-либо языковой сущности как об её модификации, разновидности или как об отклонении от некоторой нормы;

2) термин, характеризующий способ существования и функционирования единиц языка и системы языковой в целом [7].

Широко известный своими работами в области языкознания ученый, лексиколог, лексикограф и историк языка Ф. П. Филин отмечал, что вариативность является одним из важнейших условий развития языка, т.к. через изменение соотношений между вариантами происходят многие сдвиги на всех языковых уровнях [8].

Вариативность языковых единиц является фундаментальным свойством языковой системы и функционирования языка и обусловлена разными факторами: концептуальной направленностью языковой коммуникации, непрерывным развитием и совершенствованием языковых средств, а также развитием его стилистических функций. Так как вариативность свойственна любому уровню языка, специфика

ее проявления изучается в различных звеньях языковой системы: фонетике, грамматике, лексике. В своей статье «Вариативность фразеологических единиц, репрезентирующих концепт «безразличие» в русском и английском языках» А. В. Белобородова отмечает, что вариативность встречается среди всех типов фразеологизмов и выделяет:

- лексические варианты, в которых могут взаимозаменяться один или несколько компонентов, при этом тождество фразеологизма не нарушается; этот тип вариативности является самым распространенным;
- морфологические варианты, где в одном из компонентов фразеологических единиц меняется морфологическая категория;
- словообразовательные варианты, этот тип вариативности более всего присущ существительным;
- количественные варианты, в этом случае количество компонентов во фразеологических единицах неодинаково [1].

Особое внимание лингвистов в последнее время направлено на исследование вариативности фразеологических единиц с колоративными компонентами и они отмечают, что наиболее продуктивные фразеологические группы – те, основным элементом которых являются такие колоронимы, как черный, белый, розовый, красный, зеленый, желтый. В составе таких фразеологических единиц варьируемые компоненты показывают семантическую соотнесенность со словами свободного употребления. В то же время, такие цветоименования, как коричневый, фиолетовый, оранжевый, довольно редко употребляются как в русском, так и в испанском языках.

Основным этапом в деле изучения вариативности фразеологических единиц в испанском языке явились работы академика В. С. Виноградова. В своих исследованиях он отмечает, что, прежде всего, единство слова организуется его лексико-семантическим стержнем, являющимся общим у всех его форм. Он указывает на наличие в языке фоно-морфологических и этимологических вариантов слов, которым свойственны разные стилистические и экспрессивные оценки [2]. Он упоминает о нескольких видах семантической связи, и фразеологические единицы с компонентом цвета в русском и испанском языках соответствуют их классификации:

1. Явление вариативности характерно для фразеологических единиц, не утративших внутренней формы. В составе таковых варьируемые компоненты обнаруживают семантическую соотнесенность со словами свободного употребления. Находящиеся между собой в отношениях синонимии, компоненты в свободном употреблении изменяются, например: исп. *notar* (или

señalar) *con piedra negra* (букв. – обозначать черным камнем) – оплакивать печальное событие; исп. *pasar* (или *saltarse*) *un disco (en) rojo* – перейти на красный свет; исп. *ver todo de color de rosa* – идеализировать (данные фразеологические единицы являются частично эквивалентными). А вот известный испанский фразеологизм *príncipe azul* в русском языке имеет другой эквивалент – принц на белом коне. Мы видим, что, несмотря на то, что оба фразеологизма имеют в своей структуре компонент цвета, он различен в испанском и русском языках. Можно сказать, что в обоих языках существуют разные символические значения, которые связаны с одним и тем же цветом и это явление напрямую связано с различными культурными традициями.

2. Варьирующиеся компоненты могут быть близкими по значению словами, входящими в одну лексико-семантическую группу, например: исп. *dejar* (или *estar, ver*) *aprietos en amarillentos* (Чили) (букв. быть в желтом) (данная фразеологическая единица является лакунарной по отношению к русским фразеологизмам с компонентом цвета) – быть в крайне затруднительном положении; исп. *pasarlas* (или *verselas*) *moradas* (букв. проводить фиолетовые времена) – ему небо с овчинку покажется, он узнает, почем фунт лиха (в русской фразеологии нет эквивалентной фразеологической единицы с компонентом цвета); *черная полоса* (или *время, дни*) – исп. *tiempos* (или *años*) *azules* (букв. синие времена, годы) (Чили), *horas negras* (букв. черные часы) – нужда, тяжелые времена (в данном случае в русском языке происходит варьирование нецветового компонента, в то время как в испанском языке варьируются как нецветовой, так и цветовой компоненты).

3. Сравнимые компоненты могут не соотноситься по семантическим признакам, но их внутренняя форма не претерпевает существенных изменений, и основное образное, метафорическое содержание сохраняется, например: исп. *verso blanco* (или *libre, suelto*) – белый (свободный) стих (полная эквивалентность ФЕ); исп. *gente de capa parda* (или *gallaruza*) (букв. толпа коричневой прослойки общества) (цветовой компонент означает низшее положение крестьян в обществе) – *черный народ* (или *люди*) – крестьяне.

4. Возможны комбинации указанных типов вариативности компонентов фразеологических единиц: исп. *(pintar) con negros colores* – *в черном цвете (или свете), черными красками (или в черных красках)* – (описывать) в плохом виде, хуже, чем на самом деле (данная фразеологическая единица, представленная в русском и испанском языках, свидетельствует об универсальности при характеристике негативных ситуаций).

Среди фразеологических единиц с лексическим варьированием выделяется особая группа – это варианты, обусловленные спецификой испанского языка, представляющего собой совокупность национальных языковых вариантов. Вариативность испанского языка влияет на формирование фразеологии каждого отдельно взятого испаноязычного региона. Поэтому в испаноговорящих странах появляются варьирующие фразеологические единицы классического испанского языка. Такие фразеологические варианты определяются как национальные. Национальные варианты образуются на базе пиренейских фразеологических единиц и не взаимозаменяют друг друга.

Н. М. Фирсова в работе «Языковая вариативность и национально-культурная специфика речевого общения в испанском языке» отмечает, что национальное своеобразие вербальной коммуникации в испанском языке находит выражение в наличии признаков, отражающих лингвистические и экстралингвистические факты [9, с. 24]. Национально-культурная специфика интенсивно проявляется во фразеологии, где преломляется все связанное со спецификой народа, его бытом, культурой, географией. Во-первых, национальная специфика проявляется со стороны образного содержания фразеологических единиц: возможно варьирование лексических компонентов, передающих неодинаковость в образности мышления носителей русского или испанского языка. Например, испанцы для выражения особой белизны используют такие компаративные фразеологические единицы, как: *blanco como el jasmín* (жасмин), *el nardo* (лилия), *el yeso* (мел), *la leche* (молоко), *la nieve* (снег), русские же скажут *белоснежный*, *белый как кипень*, *мрамор*, *мел*, *полотно*, *бумага*, то есть можно отметить вариативность в обоих языках символов белого, а также как эквивалентность фразеологических единиц (например, *blanco como la nieve* – *белый как снег*), так и лакунарность (например, *blanco como el jasmín* (жасмин), *белый как кипень*). Во-вторых, национальная специфика проявляется в большем количестве разнообразных вариантов фразеологических единиц в испанском языке, чем в русском, что объясняется тем, что испанский язык обслуживает народы разных стран и континентов с разными национальными культурами.

Таким образом, из всего вышеизложенного следует, что паремиологический фонд испанского и русского языков является неотъемлемой частью как языковой картины мира, так и представлений о мире в принципе, представляет собой валоративную часть лингвокультуры. Ассоциации, присущие испанской и русской лингвокультурам, которые связаны с цветом, похожи.

Такое явление как цвет, может охватывать все стороны человеческой жизни, при этом одно и то же понятие в разных

языках приобретает как положительную, так и отрицательную оценку. Это говорит о том, что данное многогранное понятие предоставляет множество возможностей не только для изучения языка, оно также помогает разобраться в восприятии представителями различных культур окружающего их мира.

В испанских и русских фразеологизмах лексемы для обозначения цветов могут использоваться как в прямом, так и в переносном значениях. Переносное значение колористического компонента фразеологической единицы может быть связано с символикой того или иного цвета. Оценка человеком цветов имеет проявление не только в их номинации, но и в их переносном использовании. Колоронимы являются настоящим украшением языка, одним из неисчерпаемых источников создания образности, они представляют собой неотъемлемый элемент передачи эмоционально-психологического состояния человека с помощью языковых средств с эмотивной нагрузкой.

Чем дальше генетически стоят языки, тем меньше общих образов, лежащих в основе фразеологизмов, и даже в пределах одной языковой общности, каковой являются испаноговорящие страны, наблюдаются значительные расхождения в формировании фразеологических единиц.

В настоящее время многогранная и разнохарактерная проблема вариативности фразеологических единиц с компонентом цвета находится в центре внимания отечественных и зарубежных лингвистов, социолингвистов и ученых ряда смежных наук.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белобородова А.В. Вариативность фразеологических единиц, репрезентирующих концепт «безразличие» в русском и английском языках. – URL: <http://www.gramota.net/materials/2/2009/1/5.html> (дата обращения: 13.05.2021).
2. Виноградов В.С. Варьирование испанских фразеологических единиц как лингвокультурологическая проблема / В.С. Виноградов // Степановские чтения. Проблема вариативности в романских и германских языках: Тезисы докладов и сообщений Международной конференции. – М.: Изд-во РУДН, 2001. – С. 7-8.
3. Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов / В.П. Жуков. – М., 1978. – 158 с.
4. Испанско-русский словарь. Латинская Америка / Под ред. Н.М. Фирсовой. – М., 1989. – 605 с.
5. Испанско-русский фразеологический словарь / Под ред. Э. И. Левинтовой. – М., 1985. – 1080 с.

6. Курчаткина Н.Н. Фразеология испанского языка / Н.Н. Курчаткина, А.В. Супрун. – М., 1981. – 142 с.
7. Лингвистический энциклопедический словарь. – URL: <http://tapemark.narod.ru/les/080d.html> (дата обращения: 13.05.2021).
8. Филин Ф.П. Очерки по теории языкознания / Ф.П. Филин // Институт русского языка АН СССР (2-е изд.). – М.: Наука, 2008. – 336 с.
9. Фирсова Н.М. Языковая вариативность и национально-культурная специфика речевого общения в испанском языке. – М., 2000. – 127 с.

АННОТАЦИЯ

Коловерова И. Г. Вариативность фразеологических единиц с колоративными компонентами в испанском и русском языках

Целью данной статьи является рассмотрение понятия вариативности, некоторых проблем вариативности фразеологических единиц с компонентом цвета в испанском и русском языках, специфики ее проявления.

Ключевые слова: вариативность, фразеологическая единица, семантические связи, колоритимы.

SUMMARY

Kolovyerova I. G. Variation of phraseological units with colourative components in Spanish and Russian

The aim of this article is to consider the notion of variability, some problems of variability of phraseological units with a component of colour in Spanish and Russian, the specificity of its manifestation.

Key words: variability, phraseological unit, semantic relations, colour.

*Е. Н. Коробкина
(г. Севастополь, РФ)*

УДК 821.161.1

КВАНТОВАЯ ЛИНГВИСТИКА ВИЛЛИ МЕЛЬНИКОВА: МЕТОД РЕКОНСТРУКЦИИ ПОЭТОНИМОВ- КЕНТАВРОВ МЕТАТЕКСТА В ТЕКСТЕ

Продолжая ряд исследований поэтонимов в творчестве московского поэта Вилли Мельникова [3], мы вновь обращаемся к исследованию «поэтонимии» согласно характеристике Донецкой школы поэтонимологии как к «вторичной системе,

моделирующей реальную» [1]. В данном случае мы хотим отметить особенности семиотической модели метатекста в тексте посредством интервального метода реконструкции поэтонимов-неологизмов в творчестве Вилли Мельникова в интервалах квантовой лингвистики [2]. Мы хотим выделить междисциплинарность наших исследований, исходя из метода интервалов современной философии, открытого Крымской философской школой [4]. Одним из постулатов интервальной рациональности, как считает профессор Лазарев, является возможность одновременного существования множества непересекающихся логик рассуждения, обуславливающих существованием разных онтологий, что свидетельствует о многомерной природе мира. В соответствии с идеей многомерности сам текст как вторичная модель мира представляется нам существующим в интервалах различных онтологий. И не только текст, но и поэтонимы, являющиеся частью данного текста.

Анализ реконструкции метатекста в тексте апробировался нами ранее в ходе интерпретации диалога Платона «Тимей» [6]. Была исследована герменевтическая модель: первичная модель архаического мифа о хорических Афинах, и дискурсная интерпретация этой модели в ходе ее реконструкции. Реконструкция отдельных звеньев диалога в ходе обсуждения участниками первичного мифа раскрыла суть проблемы памяти-забвения и возможности воссоздания онтологически иной реальности в ходе платоновского «вспоминания» как «возможного» мира, как закрытого метатекста, расшифровываемого в самом тексте в процессе дискурса [2].

Проведем анализ реконструкции поэтонимов в творчестве Вилли Мельникова как герменевтической модели: первичной и дискурсной интерпретации этой модели в ходе реконструкции.

Рассмотрим пример, когда константами модуляций становятся антропоэтонимы внутри омонимически созвучных слов, трансформация метаслова, включающего антропоэтоним как вещь в себе, происходит посредством замены буквы в морфемах.

ПрисПущин флаг: рифміть нет сил.

И, слог улучшив,

певец конФет не поступил

в литинстиТютчев!

СниМая-ковского поправ,

рвут на иконки

кордебалетопись приправ

для Евтушёнки.

Растаял Гумилёв, раскрыв

на зависть сутрам
Ахматадулинский надрыв
ОБЭРИУтром.
По пятиБальмонтной шкале
огнями Эльма
в разорВолошинской скале
жгут Коктебеля.

Век позолочённой серебронзы [2, с. 39].

Здесь интересна парадигма времени, создаваемая автором, парадигма времени, данного в интервалах, как возможных времен в контексте здесь и сейчас. Реконструкция литературных эпох в русской поэзии: золотого, серебряного и бронзового трансформируется в единую модель «века позолочённой серебронзы». Также моделируются мета-имена, авторские мета-антропозтонимы. Антропозтоним Пушкин проявляется внутри причастия «приспущен» в выражении «приспущен флаг», выражающем метафорическую констатацию деятельности Пушкина в восстании декабристов. Автор использует этот прием раскрытия своих метаслов, как вещей в себе, как прием внутренней активации не проявленного корневого ядра, антропозтонима, для реализации авторской метаметафоры. Зачастую это простая подмена суффиксальной буквы. Таким же образом интервальной реконструкции метаслова внутри слова автор моделирует «певца конФет», создавая метаобраз внутри слова, и синтезируя качественную характеристику самого «певца», вещь в себе – в проявлении. Фет – певец конфет.

Интересно авторское выражение:

СниМая-ковского поправ,
рвут на иконки
кордебалетопись приправ
для Евтушенки [2, с. 39].

Автор создает интерпретацию перехода традиции в русском авангарде – от Маяковского к Евтушенко – иронически, как формальную передачу приемов футуризма, обезличивая индивидуальности поэтов. При этом Вилли использует прием обезличивания антропозтонимов с помощью соединения корней имен с другими частями речи. Антропозтоним Маяковский обезличивается с помощью деепричастия «снимая» в деепричастном обороте – «СниМая-ковского поправ». При этом корень «маяк», основа антропозтонима, теряет букву «к», она выносится за скобки в этом процессе деперсонализации, превращаясь в авторском прочтении в деепричастие «снимая» в прямом значении. Далее следует процесс формализации творчества Маяковского – «рвут на иконки», превращая в

ряд формальных приемов – «кордебалетопись приправ». Так автор использует ряд приемов метода интервалов в иронической интерпретации. И в завершение «кордебалетописи приправ» происходит ироническая деперсонализация автора, использующего в своем творчестве стилистику Маяковского как ряд формальных приемов, как «для Евтушенки». Здесь мы видим ироническое соединение с антропозтонимом Евтушенко существительного «тушенка» как «Евтушенка». Так автор развенчивает последующую формализацию приемов футуризма в интервалах времени, рассматривая как переход из серебряного века в бронзовый век, от Маяковского к Евтушенко. С точки зрения автора конца двадцатого века то, что для футуристов «сакральное действо», рассматривается уже иронически в парадигме постмодернизма.

Растаял Гумилёв, раскрыл
на зависть сутрам
Ахматадулинский надрыв
ОБЭРИУтром [2, с. 39].

Фигура Гумилёва рассматривается автором сквозь призму «ахматадулинского надрыва» как растаявший «Гумилёв» «ОБЭРИУтром». В иронической форме мы видим здесь вновь в единицах квантовой лингвистики Вилли Мельникова соединение интервалов времен, данное в билингвальных антропозтонимах. Билингвальность здесь вновь преподносится автором как соединение внутри неологизма корневого антропозтонима, дополнением к которому является другая часть речи. Неологизм «Гумилёв» создается соединением основ антропозтонима Гумилёв и существительного «лёв» с помощью замены букв.

Интересно создание интервалов времени в форме перехода серебряного века в бронзовый век, в авторской интерпретации. Мета-антропозтоним «Ахматадулина» в выражении «Ахматадулинский надрыв». Сочетая два имени, принадлежащих разным эпохам, серебряному веку: Ахматова, бронзовому веку, или эпохе шестидесятников: Ахмадулина, Вилли синтезирует два лирических голоса двух времен, двух эпох русской поэзии в единую новую форму в интервалах «ахматадулинского надрыва», в метасплав времен, но для поэта современности, поэта уходящего XX века и начала XXI века (а само стихотворение было написано в марте 2000 года). На стыке тысячелетий этот «надрыв», как тектонический разлом внутри тысячелетий, преодолеть который возможно только в рамках полиинтервальной парадигмы переходом к квантовой лингвистике. Так Вилли Мельников в лучших традициях русской поэзии преодолевает парадигмальность постмодернизма конца

двадцатого века переходом к парадигме интервалов методами квантовой лингвистики. Переход осуществляется в крайне сложную эпоху «нулевых» годов в русской поэзии.

По пятиБальмонтной шкале

огнями Эльма

в разорВолошинской скале

жгут Коктебеля [2, с. 39].

Эта эпоха отразилась в творчестве поэта как творческая апелляция к веку серебряному отражением разорванного столетия, даже тысячелетия в контексте Волошинского Крыма, который сам Вилли очень любил. Стихотворение было написано поэтом в Крыму в Коктебеле. Здесь появляется очень сильный образ «разорВолошинской скалы». Эта скала в горном массиве Кара-Дага абрисом напоминает самого Волошина. Этот абрис и появился после Ялтинского землетрясения в начале двадцатого века. В эпоху «нулевых» двадцать первого столетия этот образ «разорВолошинской скалы» видится автором как тот текстонический разлом в литературных эпохах, который поэт и пытается преодолеть в формах не линейного литературного времени, но в новых формах поэзии интервалов, в единицах квантовой лингвистики.

Таким образом, Вилли Мельников, творя кентавр-антропоним, создает слово би-интервальное, внутренняя семантика которого строится по закону диалектики интервалов, это некая лингвистическая квантовая единица, би-интервальная по значению. Каждая морфема-билингва внутри неологизма, с одной стороны, имеет автономное, присущее ей корневое значение. С другой стороны, по принципу семантической дополненности, раскрывает слово изнутри как состояния двух «возможных образов», каждый из которых в зависимости от точки зрения, то скрывается как потенциальный, то проявляется антитетически, выявляя его скрытый синтетический замысел, то есть являет собой единицу своеобразной квантовой лингвистики возможной в рамках парадигмы многоинтервальной реальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Калинин В. М. Знакомьтесь: поэтонимология / В. М. Калинин // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. – Тамбов. – 2016. – Т. 2. Вып. 4(8). – С. 18–27.
2. Коробкина Е. Н. Интервальный метод моделирования семиотической структуры метатекста в тексте посредством создания неологизмов-кентавров как элементарных частиц квантовой лингвистики / Е. Н. Коробкина // Сборник

- материалов III Черноморской международной научно-практической конференции МГУ им. М.В. Ломоносова, 20–22 июня 2019 года / Под ред. О.А. Шпырко. – Севастополь: Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова, 2019. – С. 14–15.
3. Коробкина Е. Н. Со-бытие кентавров-поэтонимов метареши в поэтическом космосе Вилли Мельникова / Е. Н. Коробкина // Восточнославянская филология. Литературоведение. – 2018. – № 7(31). – С. 144–149.
 4. Лазарев Ф. В., Трифонова М. К. Философия. Учебное пособие / Ф. М. Лазарев. – Симферополь: СОНАТ, 2003. – 385 с.
 5. Мельников В. Р. Штурман железнодорожного плавания / В. Р. Мельников. – К.: Интерсервис, 2016. – 222 с.
 6. Платон. Собрание сочинений. – М.: Мысль, 1994. – Т.3. – 654 с.

АННОТАЦИЯ

Коробкина Е. Н. Квантовая лингвистика Вилли Мельникова: метод реконструкции поэтонимов-кентавров метатекста в тексте

В статье исследуется семиотическая модель метатекста в тексте посредством интервального метода реконструкции поэтонимов-неологизмов в творчестве Вилли Мельникова в интервалах квантовой лингвистики. Проведен анализ реконструкции поэтонимов как герменевтической модели: первичной и дискурсивной интерпретации этой модели в ходе реконструкции. Сделан вывод о создании новых интервальных форм и дисциплин в рамках парадигмы многоинтервальной реальности.

Ключевые слова: интервальный метод, Вилли Мельников, поэтонимы-неологизмы.

SUMMARY

Korobkina E. N. Willy Melnikov's quantum linguistics: a method for reconstructing of metatext centaur-poetonyms in the text

The article examines the semiotic model of metatext in the text by means of the interval method of reconstruction of poetonyms-neologisms in the work of Willy Melnikov in the intervals of quantum linguistics. The analysis of the reconstruction of poetonyms as a hermeneutic model is carried out: the primary and discursive interpretation of this model during the reconstruction. The conclusion is made about the creation of new interval forms and disciplines within the framework of the paradigm of multi-interval reality.

Key words: interval method; Willy Melnikov, poetonyms-neologisms.

А. В. Пивень
(г. Горловка, ДНР)

УДК 81'373.21(045)

ГОДОНИМЫ ГОРЛОВКИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

В настоящее время ономастическая лексика является предметом исследования многих отечественных и зарубежных лингвистов. Интерес к феномену имени собственного обусловлен тем, что ономастикон – это часть культурного наследия нации. Исследование ономастических единиц определённого региона относится к числу актуальных проблем в силу того, что в них отображена история и традиции, культура и образы родного края. «Наше исследование направлено на анализ лингвокраеведческих фактов, связанных с историей и культурой родного города. Данная область исследования отразилась в работах Е. С. Отина, Т. В. Шмелёвой, Е. П. Багировой, Е. О. Гавриковой, А. В. Калякиной и др.» [2].

Актуальность работы заключается в том, что впервые рассматриваются номинации линейных адресных объектов Горловки и принципы их номинации.

Цель научной работы состоит в установлении и систематизации лингвокультурологических фактов, отображённых в номинациях линейных адресных объектов Горловки.

Материалом исследования выступили топонимы города Горловки. Как показывает материал исследования, далеко не все горожане знают мотивы номинации линейных адресных объектов, функционирующих в языковой среде города. В этой связи полагаем, что собранный и структурированный нами материал будет способствовать формированию более глубоких знаний об истории, культуре, развитию экономических отношений города Горловки. Также данный анализ может быть актуальным при изучении русского языка в лингвокультурологическом аспекте, при рассмотрении истории, традиций и обычаев, отражённых во внутригородских номинациях Горловки.

В ономастике городского пространства важное место занимают топонимы как группа топонимов, служащая для обозначения названий линейных адресных объектов, в число которых входят наименования улиц, переулков, проспектов, бульваров и др. [12].

В ономастическом пространстве Горловки нами выделена группа линейных адресных объектов, восходящих к именам известных для города жителей. Например, ул. *Горлова* именована

в честь основателя города Петра Николаевича Горлова. В аспекте проблематики нашего исследования привлекает внимание наименование улицы *Горловская*. Данная лексема – производное название от лексемы *Горловка*, образованное с помощью аффикса *-ск-* со значением «принадлежащий тому, кто назван производящим словом» [11, с. 166].

В ономастическом пространстве Горловки функционируют топонимы, соотносимые с названиями исторических событий, которые происходили в городе. Например: ул. *Горловской Дивизии*. В ходе Великой Отечественной войны 126-я и 271-я стрелковые дивизии в соответствии с Приказом Верховного Главнокомандующего от 8 сентября 1943 года № 9 стали называться *горловскими* за победу в Донбасской операции.

Некоторые улицы Горловки восходят к именам космонавтов Волковых: Александра Александровича Волкова – Героя Советского Союза, почётного горловчанина, осуществившего три полёта, два из которых были под его руководством, и его сына Сергея Александровича Волкова – первого в мире космонавта во втором поколении. В честь А. А. Волкова названы в Горловке ул. *Волкова* и ул. *Космонавта Волкова*. Также в честь представителей первой космической династии названа ул. *Космонавтов* (по инициативе горожан на проспекте *Ленина* в 2009 году был воздвигнут памятный знак с мемориальной табличкой).

В свою очередь, ул. *Остапенко* именована в честь Ильи Афанасьевича Остапенко – капитана Рабоче-крестьянской Красной Армии, забойщика шахты им. Ленина, советского парламентария, погибшего в ходе выполнения операции. Интересным фактом является то, что в 2017 году в рамках Года Великой Победы на фасад многоэтажного дома был нанесён мурал Ильи Афанасьевича Остапенко как знак уважения к памяти капитана.

Показательно, что ул. *Пересыпкина* и ул. *Маршала Пересыпкина* названы в честь Ивана Терентьевича Пересыпкина – почётного горловчанина, маршала, обеспечившего управление войсками связи в Великой Отечественной войне и непосредственно участвовавшего в различных боях и операциях. Ул. *Паши Стежко* названа именем подпольщицы, которая осуществляла свои операции в годы Великой Отечественной войны. Её имя – Прасковья Григорьевна Стежко. Прасковья была дочерью потомственного шахтёра, училась в педагогическом институте. В годы войны П. Стежко собирала разведанные и наносила их на карту, что облегчало военным и подпольщикам задачу относительно нахождения противника. При выполнении боевого

задания П. Стежко была схвачена в Енакиеве, где её пытали немецкие спецслужбы. Не добившись результатов, Прасковья Григорьевна была расстреляна.

Что касается мотивов номинации ул. *Гудименко* и ул. *Паши Гудименко*, то эти улицы носят имя горняка шахты им. Калинина, красногвардейца Павла Гудименко. Относительно названия ул. *Стожка* есть сведения, что оно возникло от имени горловчанина Василия Фёдоровича Стожки – слесаря и подпольщика, который в 1915 году помогал раздавать революционные брошюры и листовки. В свою очередь, ул. *Шашурина* названа в честь горловчанина Сергея Лаврентьевича Шашурина – директора Никитовского ртутного завода, доктора технических наук.

В нашем городе немало улиц, восходящих к именам горловчан, связавших свою жизнь с литературной и публицистической деятельностью. Например, ул. *Беспощадного* именована в честь Павла Григорьевича Беспощадного – поэта, автора шахтёрских песен и многочисленных сборников стихотворений о Донбассе. Интересным фактом является то, что в Горловке существует городская премия за заслуги в области литературы, названная именем Павла Беспощадного. Кроме того, к празднованию 125-летия со Дня рождения автора ГП «Почтой Донбасса» были введены в оборот конверты и почтовые марки с изображением Павла Григорьевича. В свою очередь, ул. *Чёрного-Диденко* носит имя Вячеслава Лукича Диденко – поэта, армейского корреспондента фронтовой газеты, которая издавалась в период Великой Отечественной войны.

Донбасс – это край, который ассоциируется с шахтёрским тяжёлым трудом. Именно с этим связано наименование ряда улиц, увековечивших шахтёрский труд. К таким примерам относятся следующие номинации: ул. *Шахтёрская*, ул. *Шахтная*, пер. *Шахтный* и др. Названия данного типа восходят к именам прилагательным *шахтёрский*, *шахтный*. Лексема *шахтёрский* является именем прилагательным, образованным от существительного *шахтёр* ‘горнорабочий, работающий в шахтах’ [11, Т. 4, с. 705]. В свою очередь, прилагательное *шахтный* образовано от имени существительного *шахта* ‘совокупность подземных горных выработок для разработки месторождения или место проведения каких-либо подземных работ’ [11, Т. 4, с. 705]. Номинация ул. *Горная* соотносится с лексемой *горный*, которая обозначает ‘входящий в состав земной коры, добываемый из недр земли’ и ‘относящийся к разработке земных недр’ [11, Т. 1, с. 335]. В свою очередь, ул. *Горняцкая* соотносена с лексической единицей *горняцкий* – прилагательным,

образованным от слова *горняк* [11, Т. 1, с. 336], где *горняк* – это ‘горнорабочий, занимающийся добычей и обработкой полезных ископаемых’ [11, Т. 1, с. 335].

В годонимии города Горловки отображаются различные процессы номинации – трансонимизация и онимизация. По словам Ю. А. Карпенко, процесс трансонимизации «представляет собой самую распространённую, массовую разновидность применения лексико-семантического способа словообразования» [10]. Исходя из данного определения, мы можем говорить о том, что трансонимизация является процессом, благодаря которому имеет место переход имён собственных из одного класса в другой. В науке о языке существует два типа трансонимизации: 1) абсолютная трансонимизация – тип, для которого не характерно изменение словообразовательной структуры; 2) тип, подверженный изменению формы слова с помощью аффиксации. Исходя из наших данных, процессу трансонимизации подвержены следующие номинации: ул. *Беспощадного*, ул. *Волкова*, ул. *Горлова*, ул. *Шашурина* и др. (64,7 %, или 1058 единиц из 1633 всех примеров нашей картотеки). Что касается типов трансонимизации, то 52,7 % (861 единица) относится к первому типу и 12,06 % (197 единиц) – ко второму (например, ул. *Горловская* – номинация, словообразовательная структура которой связана с процессом адъективации – переходом существительного *Горловка* в прилагательное *Горловский* с помощью суффикса *-ск-*, который является типичной словообразовательной моделью адъективных однокомпонентных годонимов).

Ещё одним принципом номинации является онимизация апеллятива. А. Ю. Полевая трактует онимизацию как один из наиболее древних способов формирования имени собственного [13]. Данный процесс представляет собой переход имени нарицательного в имя собственное. Исходя из наших данных, процесс онимизации затронул 29,9 % (488 единиц из 1633 примеров нашей картотеки) наименований линейных адресных объектов, в числе которых ул. *Горная*, ул. *Горняцкая*, ул. *Космонавтов*, ул. *Шахтёрская*, ул. *Шахтная*, пер. *Шахтный* и др.

Следующим процессом, по мнению А. Ю. Полевой, является онимизация апеллятива с одновременной трансонимизацией другого имени собственного [13]. К примерам данного типа мы относим 3,8 % (62 единицы) номинаций линейных адресных объекта. В их числе ул. *Маршала Пересыпкина*, ул. *Горловской Дивизии*, ул. *Космонавта Волкова* и др.

Исходя из вышесказанного, мы можем говорить о том, что годонимия города Горловки представляет собой уникальную

подсистему ономастического пространства Донбасса. Номинации топонимов с лингвокультурологической точки зрения актуализируют факты исторического и культурологического характера. К самым многочисленным онимами города Горловки относятся топонимы, соотносимые с именами известных горловчан. Второе место по количеству наименований занимают топонимы, отображающие представление о Донбассе как о шахтёрском крае. Также существуют наименования, являющиеся производными от названия города, и топонимы, соотносимые с историческими событиями, включающие в свой состав лексему *горловский*. В данных названиях линейных адресных объектов зафиксированы исторически и культурно значимые имена и события Донбасса.

Что касается принципов номинации, то ономастическое пространство города Горловки представлено тремя принципами. Самое большое количество топонимов образовано на основе принципа трансонимизации (64,7 %). Второе место по количеству примеров занимает принцип онимизации (29,9 %), третьим принципом является одновременная онимизация вместе с трансонимизацией онима (3,8 %).

Итак, топонимическая система города Горловки представляет собой пласт лексических единиц, который требуют дальнейшего более предметного исследования, в том числе и с лингвокультурологической точки зрения. Этой теме будут посвящены наши последующие работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьев, В. В. Лингвокультурология. Теория и методы / В. В. Воробьев. – М. : РУДН, 1997. – 331 с.
2. Герасименко, И. А., Пивень А. В. Советские имена улиц в современной Горловке / И. А. Герасименко, А. В. Пивень // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования: сб. науч. тр. по материалам V Междун. научно-практ. конф. – Пенза : Изд-во Пензенского гос. ун-та, 2021. – С. 65–68.
3. Головина, Л. С. Русская ономастика в лингвокультурологической репрезентации для иноязычного адресата : моногр. / Л. С. Головина. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fotd.pskgu.ru/download.php/pskgu/files/PAGES/IMAGES/19590127-bad7-4f48-b854-b04c98adb7f4/DD2FA60B6443FD4EE5C78136FFB298B0> (дата обращения: 05.10.2021).
4. Горловка. Автомобильный атлас города. – К. : Геокарта, 2016. – С. 38–41.
5. Горловка. Биография города. В 2 ч. Ч.1 / Горловка: Донбасс, 1967. – 291 с.

6. Горловское горное училище С. С. Полякова // Шахты и рудники Донбасса. Индустриальная фотография. Горнопромышленное краеведение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.donmining.info/2014/12/blog-post_30.html (дата обращения: 22.09.2021).
7. Гречко, И. В. Горловские подпольщики и партизаны в борьбе с фашистскими оккупантами [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ea.donntu.org:8080/> (дата обращения: 06.10.2021).
8. История города Горловка: «Это дело наших рук, и мы знаем, что это только начало» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mozaika.dn.ua/news/exclusive/236224-istoriya-goroda-gorlovka-eto-delo-nashih-ruk-i-my-znaem-chto-eto-tolko-nachalo.html> (дата обращения: 06.10.2021).
9. История города: их именем названы улицы Горловки. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mozaika.dn.ua/index.php?newsid=259962> (дата обращения: 17.01.2021).
10. Карпенко, Ю. О. Онимізація і трансонімізація як словотвірний акт: Тези доповідей і повідомлень / Ю. О. Карпенко // Шоста республіканська Ономастична конференція. – Одеса: ОДУ, 1990. – С. 35–37.
11. Малый академический словарь : в 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1981–1984. – Т. 1. – 335 – 336 с.; Т. 4. – 705 с.
12. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – 2-е изд. – М. : Наука, 1988. – 192 с.
13. Полевая, А. Ю. Онимизация как способ образования нижегородских топонимов / А. Ю. Полевая // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – №2 (69). – С. 611–613.
14. Почетные граждане [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://admin-gorlovka.ru/abot-city/pochetnye-grazhdane> (дата обращения: 17.01.2021).
15. Цыганенко, Г. П. Словарь служебных морфем русского языка / Г. П. Цыганенко. – К. : Рад. школа, 1982. – 240 с.

АННОТАЦИЯ

Пивень А. В. Топонимы Горловки сквозь призму лингвокультурологии

В работе рассматриваются топонимы города Горловки с точки зрения лингвокраеведческого аспекта. Предмет исследования – топонимы города Горловки. Объектом исследования выступают топонимы Горловки с лингвокультурологической точки зрения. Основной задачей работы является анализ

лингвокультурологической составляющей топонимов Горловки и лежащих в их основе принципов номинации.

Ключевые слова: топоним, лексема, типология, способ номинации, принцип, онимизация, трансонимизация, оним, апеллатив.

SUMMARY

Piven A. V. Godonyms of Gorlovka through the prism of linguoculturology

The godonyms of Gorlovka from the standpoint of linguistic and local-history aspect have been considered. The subject of the research is the godonyms of Gorlovka. The object of the research is the godonyms of Gorlovka from the linguistic and cultural standpoint. The main task of the work is to analyse the linguistic and cultural component of the Gorlovka godonyms and the underlying principles of nomination.

Key words: godonym, lexical unit, typology, method of nomination, principium, onimization, transonimization, onym, appellative.

*А. Э. Шаповалова
(п. Борисовка, РФ)*

УДК 81-2+398

ИЗУЧЕНИЕ СЛОВ С НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ ЗНАЧЕНИЯ С ПОМОЩЬЮ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ОСНОВЕ ФОЛЬКЛОРНОГО МАТЕРИАЛА

В настоящее время инновационные технологии занимают особое место в нашей жизни. Мы уже не можем существовать без телефонов, планшетов, компьютеров, которые являются нашими помощниками во всем. Чтобы разнообразить обучение детей и студентов, мы решили привнести эти новшества в образование. Сейчас лингвистика активно развивает курс, в котором язык анализируется с точки зрения культурного кода нации, а не просто средства коммуникации. Основы данного направления были заложены исследованиями В. Гумбольдта, А. Потебни и др. Ведь не зря В. Гумбольдт утверждал, что «границы языка моей нации означают границы моего мировоззрения».

Таким образом, в данной работе язык будет рассматриваться не только с точки зрения коммуникации, а с точки зрения культурной составляющей, в этом нам поможет лингвокультурология – раздел науки о языке, изучающий слово с точки зрения культурного

фона. По словам В. В. Воробьева, лингвокультурология – «комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания...» [1, с. 59].

ФГОС второго поколения говорит нам о необходимости культуроориентированного подхода в обучении русскому языку. Но, к сожалению, в методике преподавания русского языка такой подход изучен главным образом в теоретическом плане, а вот практической составляющей нет. В связи с этим нужно вырабатывать новейшую методическую систему, которая сможет достичь культурологических целей эффективными методами и средствами. Одним из таких составляющих являются слова с национально-культурным компонентом значения (далее – НКК).

Таким образом, актуальность нашей работы видится в востребованности подхода к анализу и исследованию русского языка как хранилища национальных ценностей. Рассмотрение на занятиях лексики с НКК помогает осознать культуру народа, обратиться к мировоззренческим проблемам. Работа с такими словами позволяет добиваться не только предметных, но и метапредметных результатов, о которых говорится в ФГОСе. Такая лексика помогает решить и воспитательные задачи, потому что обладает безусловно духовно-нравственным и ценностным потенциалом.

Теперь необходимо разобраться с классификацией слов с НКК. Т. Ф. Новикова структурирует в своей работе «Культурологический подход к преподаванию русского языка в аспекте регионализации образования» лексические единицы языка, именуемые «словами с национально-культурным компонентом значения», которые классифицирует так:

- безэквивалентные слова и устойчивые выражения – лексика, у которой нет точных наименований в других субкодах этого же языка, которые не могут быть переведены на другой язык;
- диалектные слова – язык, который характерен для определенной территории проживания, входящий в литературный язык;
- этнографизмы – понятия, которые свойственны быту и культуре народа;
- наименование явлений и фактов национальной культуры, быта;
- реалии, отображающие территориальную расположенность, локализмы (скрытая ценность, связанная с

существованием в большом обществе веча и соборного идеалов, характеризуется абсолютизацией роли и власти локальных сообществ), топонимы (имя собственное, обозначающее название (идентификатор) географического объекта), микротопонимы;

- историзмы исторические события – слова или устойчивые выражения, называющие предметы, которые существовали ранее;
- антропонимы – имена людей и их отдельные составляющие;
- мифонимы, названия и обозначения явлений религиозной культуры – мифологические имена;
- термины родства;
- слова, репрезентирующие концепты русской и мировой культуры;
- фразеологизмы, образные выражения, поговорки и пословицы;
- элементы и формулы русского речевого этикета [3, с. 68].

С раннего детства ребенка знакомят со словом дом, начиная со сказок, пословиц, а особенно часто оно встречается в устной речи. Обратимся к словарю В.И. Даля и дадим определение данному слову. «Дом – строение для житья; в городе, жилое строенье; хоромы; в деревне, изба со всеми ухажками и хозяйством» [6, с. 207].

Данное слово имеет много синонимов, например, в сказках часто можно услышать избушка, изба, терем, хата, поэтому дадим определение и этим словам. «Изба ж. (истопка, истобка, истба, изба), избенка, избеночка, избушка, -щечка, -шенка, -шоночка, избобка, избочка умалит. избишка презрительно, избина, избища увелич. крестьянский дом, хата; жилой деревянный дом; жилища горница, комната, чистая (не стряпная) половина; людская или кухня, жилье для прислуги в барском дворе; стар. внутренний покой в деревянном дворце царском; стар. палата, приказ, присутственное место» [6, с. 208]. Таким образом, можно увидеть, что эти два слова похожи своими лексическими значениями, но в слове изба имеются и дополнительные.

«Хата – южн. зап. хатка, хаточка; хатина, -нка, хатишка; хатища; изба, домишко, халупа; хата бывает: турлучная или плетневая, камышовая, мазанка, битая, земляная и лимпачная, бревенчатая, из дикого камня» [6, с. 208]. Хата и изба являются наиболее примитивными постройками, которые могут позволить себе крестьяне, простые люди.

«Терем – поднятое, высокое жилое здание или часть его; отдельный терем, теремок: замок боярский, одинокий домик, в виде башни или на подрубке; в сем знач. терем, дворец, барский

дом, отель, жилище владельца внутри кремля» [6, с. 200]. Данное слово отличается от предыдущих тем, что это наиболее точная постройка, в основном для бояр.

С развитием общества начали появляться новые определения и значения слова дом. Обратимся к «Современному толковому словарю русского языка» под ред. Ефремовой. «Коттедж – небольшой частный жилой дом повышенной комфортности, предназначенный для городских жителей, расположенный в пригороде или в сельской местности» [7, с. 205]. Данное определение говорит уже не только о назначении постройки, но и о ее расположении и комфорте.

Следующее слово, которое часто используется в русском языке – особняк «благоустроенный просторный дом, занимаемый одной семьей богатого собственника или каким-либо учреждением, организацией» [7, с. 302]. Похожее определение и у слова усадьба – «жилой дом на селе, хозяйственные постройки и прилегающие к ним угодья как единое целое» [7, с. 307]. Эти определения указывают на то, чем отличаются данные постройки от дома: наличием прилегающего участка или тем, проживает в нем.

Существует еще слово вилла – «комфортабельный загородный дом с парком или садом» [7, с. 24].

Теперь обратимся к другим языкам и посмотрим, какие наименования данной лексемы есть в других языках. В белорусском языке используют ту же словоформу, которую и у нас. В английском можно услышать слово house, а в немецком haus. В польском и словацком языках похоже на русское слово дом – dom. А в украинском используется слово хата. На латинском это слово звучит как domum.

Для сравнения слов из русского языка с другими, можно использовать инновационную технологию QR-кода для наиболее быстрого нахождения слов, их значений и аналогов, для этого необходимо просто сгенерировать QR-код со словарем. Например, в первый код программируем «Современный толковый словарь русского языка», а во второй словарь с функцией перевода на другой язык.

Еще одна программа – Learning through open data – она поможет разнообразить ваш урок, провести его в игровой форме. Главное, что там есть база заданий по каждой теме, но и учитель с легкостью может создать свое, которое будет идеально подходить к его уроку. Например, предлагаю ознакомиться с заданием по нашей теме. Оно представлено в виде сканворда.

Следующее упражнение поможет проверить знание детьми пословиц. Задача учителя – выбрать пословицы, которые подходят к теме урока, а дети должны будут соотнести начало и конец.

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящий момент существует огромное количество инноваций, которые помогут учителю и обучающемуся в овладении словами с национально-культурным компонентом значения, да и вообще в овладении новыми знаниями. Приведенные нами инновационные технологии более увлекательно и интересно помогут овладеть этими знаниями, чем при традиционном обучении. Цель образования – формирование личности, быстро ориентирующейся и подстраивающейся под изменения окружающего мира. А используя такие технологии, учащиеся будут заинтересованы в достижении определенных результатов обучения, что в итоге позволяет повышать качество образования. Не стоит бояться чего-то нового – необходимо идти в ногу со временем, тем более что эти новшества только помогают, а не причиняют вред.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьев В. В. О понятии лингвокультурологии и ее компонентах / В. В. Воробьев // Язык и культура: Сб. докл. междунар. конф. – К., 1993. – С. 42–48.
2. Колесникова Т. А., Колокольникова З. У., Лобанова О. Б. Применение инновационных технологий в образовательном процессе современной школы // Научное обозрение. Педагогические науки. – 2017. – № 6-2. – С. 261–269.
3. Новикова Т. Ф. Культурологический подход к преподаванию русского языка в аспекте регионализации образования : моногр. / Т. Ф. Новикова. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2007. – 296 с.
4. Новикова Т. Ф. Дидактические траектории в работе со словом / Т. Ф. Новикова // Русский язык в школе. – М., 2011. – №11. – С. 3–10.
5. Новикова, Т. Ф. Культуроориентированные приемы работы с текстом и со словом в тексте / Т. Ф. Новикова // Русский язык в школе. – 2011. – №12. – С. 3–9.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В. И. Даль. – М.: РИПОЛ классик, 2006. – Т. 4: Р-Я. – 672 с.
7. Электронный песчупс: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyj-slovar-zhivogo-velikorusskogo-jazyka-v-i-dalja-bukva-r/>.

АННОТАЦИЯ

Шаповалова А. Э. Изучение слов с национально-культурным компонентом значения с помощью инновационных технологий на основе фольклорного материала

В данной статье говорится о словах с национально-культурным компонентом значения, об инновационных технологиях, которые помогут изучать лингвокультуры.

Ключевые слова: слова с национально-культурным компонентом значения, инновации, QR-код.

SUMMARY

Shapovalova A. E. The study of words with a national-cultural component of meaning using innovative technologies based on folklore material

This article talks about words with a national-cultural component of meaning, about innovative technologies that will help to study linguistic culture.

Key words: words with a national-cultural component of meaning, innovations, QR code.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Боева Галина Николаевна** – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью, Институт бизнес-коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна (г. Санкт-Петербург, РФ);
- Богомоллова Валерия Руслановна** – аспирант кафедры общего языкознания и славянских языков ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Ван Ляньцэнь** – кандидат педагогических наук, доцент Института иностранных языков Юго-Западного университета (г. Чунцин, КНР);
- Данакари Лилия Ричарди** – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры педагогики, психологии и социальной работы ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет» (г. Волгоград, РФ);
- Демченко Наталья Сергеевна** – аспирант кафедры общего языкознания и славянских языков ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»; старший преподаватель ГОУ ВПО «Академия гражданской защиты» МЧС ДНР;
- Дмитриева Юлия Леонидовна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Ивахненко Марина Николаевна** – кандидат филологических наук, доцент, декан гуманитарного факультета ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Ивентьев Сергей Иванович** – юрисконсульт, теолог, специалист в сфере национальных и религиозных отношений ООО «ДЭЛИЛ» (г. Казань, РФ);
- Калинина Анастасия Александровна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Иностранные языки и межкультурные коммуникации» ФГБОУ ВО «Уральский государственный университет путей сообщения» (г. Екатеринбург, РФ);

- Карпенко Диана Эдуардовна** – магистрант гуманитарного факультета ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Карпий Сергей Викторович** – кандидат филологических наук, доцент ГОУ ВПО «Донецкий национальный медицинский университет имени М. Горького»;
- Киселёва Нина Валерьевна** – студентка 5 курса Института филологии ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина» (г. Елец, РФ);
- Коловерова Ирина Геннадиевна** – старший преподаватель кафедры романо-германской филологии ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Колода Светлана Александровна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент факультета русского языка Института иностранных языков, Юго-Западный университет (г. Чунцин, КНР);
- Коробкина Елена Николаевна** – Советник Российской академии естествознания, внештатный сотрудник Лаборатории по изучению свертхтекста НИЦ «Центр перспективных конвергентных технологий и коммуникаций», Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» (г. Симферополь, Республика Крым, РФ);
- Кучешева Ирина Львовна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общественных и гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет физической культуры и спорта» (г. Омск, РФ);
- Лешкова Наталия Викторовна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Ляшенко Наталья Александровна** – преподаватель обособленного подразделения «Стахановский педагогический колледж Луганского государственного педагогического университета» (г. Стаханов, ЛНР);

- Марфина Жанна Викторовна** – кандидат филологических наук, доцент Луганского государственного педагогического университета (г. Луганск, ЛНР);
- Минина Елена Владимировна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Оганнисян Гаяне Акоповна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры языков Государственной некоммерческой организации «Армянский государственный экономический университет» (г. Ереван, Республика Армения);
- Орлова Светлана Леонидовна** – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и литературы Орского гуманитарно-технологического института (филиала) Оренбургского государственного университета (г. Орск, РФ);
- Осипова Надежда Васильевна** – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и методики их преподавания Института филологии ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина» (г. Елец, РФ);
- Паневина Ирина Анатольевна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка Военной академии войсковой противовоздушной обороны Вооруженных Сил Российской Федерации им. Маршала Советского Союза А. М. Василевского (г. Смоленск, РФ);
- Петрачкова Инна Михайловна** – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка как иностранного учреждения образования «Гомельский государственный медицинский университет» (г. Гомель, Республика Беларусь), докторант кафедры русского языка филологического факультета Белорусского государственного

- университета (г. Минск, Республика Беларусь);
- Пивень Анна Витальевна** – ассистент кафедры общего языкознания и славянских языков ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков», аспирант кафедры общего языкознания и славянских языков ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Попова Александра Николаевна** – студентка Института филологии ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина» (г. Елец, РФ);
- Рочняк Елена Владимировна** – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и истории ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Рубан Валентина Павловна** – магистрант 2 курса гуманитарного факультета ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Святобаченко Ирина Станиславовна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Соснина Людмила Васильевна** – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общего языкознания и славянских языков ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Трегубова Юлия Алексеевна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романо-германских языков и перевода ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина» (г. Елец, РФ);
- Харченко Вера Константиновна** – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и русской литературы ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (г. Белгород, РФ);
- Чеснокова Петра** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет» (г. Волгоград, РФ);

Шаповалова Алёна Эдуардовна – учитель русского языка и литературы МБОУ «Борисовская СОШ № 2» (п. Борисовка, РФ);

Шкуран Оксана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, директор Института профессионального развития, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий филологического факультета ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» (г. Луганск, ЛНР);

Якушева Ксения Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Карельского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Петрозаводск, РФ);

Ясинецкая Наталья Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков».

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Boeva Galina Nikolaevna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Advertising and Public Relations, Institute of Business Communications, St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design (St. Petersburg, Russian Federation);

Bogomolova Valeriya Ruslanovna – Postgraduate student of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;

Chesnokova Petra – PhD (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian Language and its Teaching Methods, «Volgograd State Socio-Pedagogical University» (Volgograd, Russian Federation);

Danakari Liliya Richardi – PhD in Philosophical Science, Associate professor, Associate professor of the Departments of Pedagogy, Psychology and Social Work, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Volgograd State University» (Volgograd, Russian Federation);

Demchenko Natalia Sergeevna – Postgraduate student of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»; Senior Lecturer of State Educational Institution of Higher Professional Education «The Civil Defence Academy» of the Ministry of Civil Defence, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disaster of Donetsk People's Republic;

Dmitrieva Julia Leonidovna – Candidate of Philology, Associate professor, Associate professor of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;

Hovhannisyan Gayane Akopovna – PhD in Philology, Lecturer of the Chair of Languages of State Non-Commercial Organization «Armenian State University of Economics» (Yerevan, Republic of Armenia);

Ivakhnenko Marina Nikolaevna – Candidate of Philology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Humanities of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;

Iventiev Sergey Ivanovich – legal adviser, theologian, specialist in the field of national and religious relations of LLC «DELIL» (Kazan, Russian Federation);

Kalinina Anastasia Alexandrova – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of «Foreign Languages & Cross-Cultural Communication» Department of Ural State Transport University (Yekaterinburg, Russian Federation);

Karpenko Diana Eduardovna – Master's student of the Faculty of Humanities of State Educational Institution

- of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Karpiy Sergey Viktorovich** – Candidate of Philology, Associate Professor of State Educational Establishment of Higher Professional Education «M. Gorky Donetsk National Medical University»;
- Kharchenko Vera Konstantinovna** – Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language and Russian Literature of Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Belgorod State National Research University» (Belgorod, Russian Federation);
- Koloda Svetlana Aleksandrovna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Faculty of the Russian Language, Institute of Foreign Languages, Southwestern University (Chongqing, PRC);
- Koloverova Irina Gennadiyevna** – Senior Lecturer of the Romance and Germanic Philology Department of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Korobkina Elena Nikolaevna** – advisor to the Russian Academy of Natural Sciences, freelance employee of the Laboratory for the study of the supertext RC «Center for advanced convergent technologies and communications», Crimean Federal University named after V. I. Vernadskiy (Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation);
- Kuchesheva Irina Lvovna** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of FSBEI HE «Siberian state University of Physical Education and Sport» (Omsk, Russian Federation);
- Kiseleva Nina Valerievna** – 5-th year student of Federal State Budgetary Educational Establishment of Higher Education «Yelets State University named after I. A. Bunin» (Yelets, Russian Federation);
- Leshkova Natalya Viktorovna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the

- Department of General Linguistics and Slavic Languages of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Lyashenko Natalya Alexandrovna** – teacher of the separate subdivision «Stakhanov Pedagogical College of Lugansk State Pedagogical University» (Stakhanov, LPR);
- Marfina Zhanna Viktorovna** – Candidate of Philology, Associate Professor of the Lugansk State Pedagogical University (Lugansk, LPR);
- Minina Yelena Vladimirovna** – Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Orlova Svetlana Leonidovna** – Candidate of Philology, Associate Professor, the Head of the Department of Russian language and literature, Orenburg State University, Branch in Orsk (Orsk, Russian Federation);
- Osipova Nadezhda Vasilievna** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, the Head of the Department of Foreign Languages and Teaching Methods of Institute of Philology of Federal State Budgetary Educational Establishment of Higher Education «Yelets State University named after I. A. Bunin» (Yelets, Russian Federation);
- Panevina Irina Anatolievna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Russian Language Department of Russian Federation Army Air Defense Military Academy named after the Marshal of the Soviet Union A.M. Vasilevsky (Smolensk, Russian Federation);
- Petrachkova Inna Mikhailovna** – Candidate of Philology, Associate Professor, the Head of the Department of Russian language as Foreign, «Gomel State Medical University» (Gomel, Republic of Belarus), doctoral student at the Department of Russian Language, Faculty of Philology, Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus);

- Piven Anna Vitalyevna** – Assistant of the Department of General Linguistics and Slavic Languages, Postgraduate Student of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Popova Alexandra Nikolaevna** – student of Institute of Philology of Federal State Budgetary Educational Establishment of Higher Education «Yelets State University named after I. A. Bunin» (Yelets, Russian Federation);
- Rochnjak Elena Vladimirovna** – PhD of Philosophy, Associate Professor of the Romance and Germanic Philology Department of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Ruban Valentina Pavlovna** – 2-nd year Master's student of Faculty of Humanities of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Shapovalova Alena Eduardovna** – teacher of the Russian language and literature of MBEI «Borisovskaya secondary school № 2» (Borisovka, Russian Federation);
- Shkuran Oksana Vladimirovna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Director of the Institute of Professional Development, Associate Professor of the Department of Russian Linguistics and Communication Technologies of the Faculty of Philology of the State Educational Institution of Higher Education of Lugansk People's Republic «Lugansk State Pedagogical University» (Lugansk, LPR);
- Sosnina Lyudmila Vasilievna** – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Svyatobachenko Irina Stanislavovna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of General Linguistics

- and Slavic Languages of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Tregubova Yuliia Alekseevna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of the Romanic-Germanic Languages and Translation of Federal State Budgetary Educational Establishment of Higher Education «Yelets State University named after I. A. Bunin» (Yelets, Russian Federation);
- Wang Lianzen** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Institute of Foreign Languages of the Southwestern University (Chongqing, PRC);
- Yakusheva Ksenia Nikolaevna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Foreign Languages Chair, Karelia Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Petrozavodsk, Russian Federation);
- Yasinetskaya Natalia Anatolievna** – Candidate of Philology; Associate Professor of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages».

СОДЕРЖАНИЕ

Боева Г. Н. МЕТОДИКА ЛИТЕРАТУРНОГО ЛИКБЕЗА ДЛЯ БУДУЩИХ РЕКЛАМИСТОВ.....	3
Соснина Л. В., Богомоллова В. Р. ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ КОМПОЗИТНЫХ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ	8
Харченко В. К. ИМЯ СОБСТВЕННОЕ В СОВРЕМЕННОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ	15
Данакари Л. Р., Шкуран О. В., Ивентьев С. И. ПСЕВДОНИМ КАК ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЙ И ИНФОРМАЦИОННЫЙ ФЕНОМЕН	23
Дмитриева Ю. Л. СРЕДСТВА ОБЪЕКТИВАЦИИ ОБРАЗА ТЕРЕМА В ВЕРТИКАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ МОДЕЛИ МИРА С. ЕСЕНИНА	31
Ивахненко М. Н. РАСХОЖДЕНИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МУЛЬТИПЛИКАЦИОННЫХ СЕРИАЛАХ И КОМИКСАХ.....	40
Калинина А. А. АНТРОПОНИМ КАК ОСНОВНЫЙ ТИП ОНОМАСТИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ).....	46
Картий С. В. ЯЗЫКОВОЙ АСПЕКТ СФЕРЫ ВЛИЯНИЯ ПЕЧАТИ ДОНБАССА В ПЕРИОД ПЕРЕИМЕНОВАНИЯ СТАЛИНО (9 НОЯБРЯ 1961 Г.).....	52
Колода С. А., Ляньцзнь Ван ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ИМЕН СОБСТВЕННЫХ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА КИТАЙСКИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ С ПОЗИЦИИ КИТАЙСКОГО ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ.....	61
Кучешева И. Л. К ВОПРОСУ О СПОРТИВНЫХ НАЗВАНИЯХ С КОМПОНЕНТОМ-ИМЕНЕМ СОБСТВЕННЫМ	71
Лешкова Н. В. РЕАЛИЗАЦИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТАКТИК И СТРАТЕГИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОПОВЕДИ	75

Минина Е. В., Карпенко Д. Э. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ЖАНРЕ ФЭНТЕЗИ	89
Марфина Ж. В., Ляшенко Н. А. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗНАЧЕНИЙ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ НА ПРИМЕРЕ БУРАТИНО И ПИНОККИО.....	96
Оганнисян Г. А. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ АНТРОПОНИМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ Д.К.ДЕМИРЧЯНА «ВАРДАНАНК» И Х.АБОВЯНА «РАНЫ АРМЕНИИ»).....	106
Орлова С. Л. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОГО ИМЕНИ В ЭПИСТОЛЯРНОМ ТЕКСТЕ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ РУБЕЖА XIX-XX ВЕКОВ	113
Осипова Н. В., Киселева Н. В. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОМИКСОВ НА УРОКЕ КАК ОДИН ИЗ ПРИЁМОВ ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ К ИЗУЧЕНИЮ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА У ОБУЧАЮЩИХСЯ 5 КЛАССОВ	120
Паневина И. А. ОНОМАСТИЧЕСКАЯ ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ РОМАНА Б. АКУНИНА «ЧЕРНЫЙ ГОРОД».....	124
Петрачкова И. М. ОСОБЕННОСТИ ВЫБОРА ПРОПРИАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ В «НОСТАЛЬГИЧЕСКОЙ» ДРАМЕ ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНЫ ГРЕМИНОЙ «ДЕЛО КОРНЕТА О-ВА»	131
Рочняк Е. В. ЛИНГВОФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ АНТРОПОНИМИЧЕСКИХ НИКНЕЙМОВ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ.....	141
Святобаченко И. С. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СМЫСЛОВАЯ НАГРУЗКА АСИНДЕТОНА В КНИГЕ А. ДЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ «ПЛАНЕТА ЛЮДЕЙ».....	156
Трегубова Ю. А., Попова А. Н. ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ПЕРЕДАЧИ ЭЛЛИПТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ.....	161

Чеснокова П. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННЫХ МИФОНИМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ЧЕШСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)	168
Якушева К. Н. ОСОБЕННОСТИ ЭКСПЛИКАЦИИ АНТРОПОНИМОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ НАУЧНО- ПОПУЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ	172
Ясинецкая Н. А., Рубан В. П. ГИДРОПОЭТОНИМЫ «ХРОНИК НАРНИИ» К.С. ЛЬЮИСА: ЭТИМОЛОГИЯ, СТРУКТУРА, ПЕРЕВОД.....	180
Демченко Н. С. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ЯЗЫКА СМИ В ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТОВ).....	186
Коловерова И. Г. ВАРИАТИВНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОЛОРАТИВНЫМИ КОМПОНЕНТАМИ В ИСПАНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	195
Коробкина Е. Н. КВАНТОВАЯ ЛИНГВИСТИКА ВИЛЛИ МЕЛЬНИКОВА: МЕТОД РЕКОНСТРУКЦИИ ПОЭТОНИМОВ-КЕНТАВРОВ МЕТАТЕКСТА В ТЕКСТЕ	202
Пивень А. В. ГОДОНИМЫ ГОРЛОВКИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ	208
Шаповалова А. Э. ИЗУЧЕНИЕ СЛОВ С НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ ЗНАЧЕНИЯ С ПОМОЩЬЮ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ОСНОВЕ ФОЛЬКЛОРНОГО МАТЕРИАЛА	214
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	220
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	224

Научное издание

**ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ**

East Slavic Philology

Сборник научных трудов

Выпуск тринадцатый (тридцать девятый)
Языкознание

Главный редактор С. А. Кочетова
Технический редактор А. М. Калашников
Компьютерная вёрстка и макетирование
Н. А. Сытник
Корректоры: Н. А. Жихарева,
О. Т. Захарова

*За содержание и достоверность фактов, цитат,
имён собственных и других сведений ответственность
несут авторы*

Подписано к изданию 29.12.2021.
Формат 60х84/16. Бумага 80 г/м².
Усл. печ. л. – 13,22. Уч.-изд. л. – 14,68.
Усл.-изд. л. – 13,60.
Тираж 300 экз. Зак. № 55.